

ЛЕХАИМ

**МАЙ
2005**

**НИСАН
5765**

№ 5 (157)

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

יְאֵנֶיֶא נְיָאִי אֵאָאִיִּי אִי דַאֵיִ אֵ דִיִּנְיֵיִ

На сей раз я не буду рассказывать вам притчи. Есть одна тема, и никаких притч, никаких аллегорий в связи с ней быть не может. Тема, говорить о которой очень трудно – сжимается горло. Поэтому я прошу вас сейчас посидеть вместе со мной минуту без слов. Почти минутой молчания шесть миллионов погибших наших соплеменников. И миллионы солдат, отдавших жизнь в годы Великой Отечественной войны за то, чтобы наш народ сохранился на Земле, чтобы остальные народы могли жить свободно. Вечная им память.

Самый страшный, самый опасный момент в многовековой истории еврейского народа – это Холокост. Германский фашизм и его приспешники (а среди них и те, что жили и на территории бывшего СССР) хотели уничтожить нас всех. До последнего человека. И сделали для этого, что смогли, что успели. Треть еврейского народа, в том числе и большую часть его элиты, расстреляли во рвах, замучили в гетто, задушили в газовых камерах. Мир безмолвствовал.

Потом многие любили потолковать на тот счет, что евреи якобы шли на бойню, как скот. Что они не сопротивлялись. Возможно, люди, которые так говорили (и, кстати, продолжают говорить) хотели успокоить собственную нечистую совесть, переложив на плечи жертв хотя бы часть вины за случившееся. Честные историки давным-давно доказали, что это ложь. Были восстания – не только знаменитое восстание в варшавском гетто, не только восстание узников в Собиборе, но и другие. Евреи неповинны в том, что не могли одержать победу над вооруженными до зубов и хорошо обученными солдатами нацистского рейха. Но они могли крикнуть перед смертью «Шма, Исроэл!», показав палачам, более того – самим себе, что и в свой последний миг они остаются евреями, остаются людьми.

Тысячи людей действительно послушно шли в газовые камеры. Но не потому, что решили покорно принять смерть; они не могли поверить в то, что их ждет. У человека, воспитанного на идеях гуманизма и добра, в голове не укладывалось, что стариков, женщин и детей можно просто загнать в бетонный бункер, замаскированный под баню, и пустить цианид через вентиляционные люки.

Недавно я побывал в Иерусалиме на открытии нового здания Музея Холокоста («Яд ва-Шем»). Израильский премьер-министр Ариэль Шарон показал мне письмо, которое еврейская женщина выбросила из вагона для скота. Поезд вез ее и сотни других евреев к печам Освенцима. Женщина просила тех, кто подберет конверт, послать его друзьям в Швейцарию, чтобы они позаботились о ее двухлетнем ребенке. «Нас разделили, – писала она, – меня везут в трудовой лагерь, а ребенка куда-то в другое место. Я боюсь, что не смогу его найти. Пожалуйста, отыщите моего малютку через Красный Крест, позаботьтесь о нем!...» Матери даже в голову не могло прийти, что ребенок ее уже мертв: маленьких детей убивали сразу, они ведь не могли «принести пользу» нацистам.

Читая и слушая подобные рассказы, люди спрашивают: если такое возможно – где же тогда был Б-г? Я считаю, Б-г был в каждом солдате, сражавшемся с нацистами и их пособниками. В каждом, кто, рискуя жизнью, громил гитлеровцев, приближал День Победы. Шестьдесят лет назад наш еврейский Б-г был в каждом солдате Советской армии.

Мудрецы Талмуда в свое время подробно изучили вопрос о том, почему все животные были сотворены попарно, а первый человек поначалу оказался один, и лишь потом Всевышний создал ему жену. Таким образом Б-г объяснил нам, говорит Талмуд, что акт сотворения человека равен сотворению мироздания. Каждый человек – это целый мир. И спасающий одного человека спасает целый мир. Если хотите – даже тысячи миров, ибо он спасает и потомков этого человека, бесчисленные поколения...

По закону Торы, по закону еврейской морали, предельных высот духа каждый из нас может достичь одним-единственным путем – освятить Имя Б-жие, пожертвовав собой ради спасения других. И тут мы обязаны сказать, что подвиг советского солдата в Великой Отечественной войне – это Б-жественное дело. Если бы не те, что покоятся сейчас в бесчисленных воинских могилах на просторах от Волги до

Эльбы, если бы не те, что прошли всю войну, расписались на стенах поверженного рейхстага и вернулись домой с победой, не бывать бы не только тому поколению, которое мы называем «ницолей Шоа» («уцелевшие в Катастрофе»). Не бывать бы и потомкам их. Не бывать ни одному из нас.

Осталось еще, слава Б-гу, немало евреев, воочию видевших собственную смерть и спасенных Советской армией. Уверен, до последнего дня они будут нести в своих сердцах великую благодарность к воинам-освободителям. Точно такое же чувство должны испытывать и нынешние поколения, ибо советский солдат дал им возможность появиться на свет.

У нас, евреев, чувство благодарности, именуемое в Торе «акарат това» (буквально: «признание добра»), всегда считалось одним из главных положительных свойств человеческой природы. Если некто помог мне, а я и не помню об этом, совершаю грех, чреватый забвением нравственного закона, потерей человеческого облика.

Вот почему наша благодарность солдатам Великой Отечественной безгранична. В эти дни каждый из нас должен подойти к ветерану войны и выразить ему свою признательность.

Но 9-м мая благодарность не может кончиться. Не может, не должна кончиться и нашим поколением. Родители и деды выжили, потому что советские воины не щадили собственной жизни в те далекие и страшные годы. Благодаря этим воинам живем и мы сами. Наш долг – внушить своим детям ту же неизбывную признательность.

Áëááí úé ðáááéí Ðíííéé Ááðé Éáçáð

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

(Ī ĀĒÑĒĒĀ Ī ĪÑĒĀĪ ĒĒ ĒĒĀĀĒĒ ×ÑĒĪĀĪ ĐĀĀĀ)

ĀđĪĀ ĪĀĒĪ ĪĪ

Ī ĐĀĪĀ ĐĀĒĒĀĪ ĒĀ Ī ĒĐĪĈĀĪĪ ĒĒ

ÒĒĒ ÑÒĀĀĒĒ ĪÑÓÛĀÑÒĀĒĒĀĪ ĒĒ ĒĀĀĀĒĀ

В своем учении Ребе отталкивается от нескольких базовых представлений: человек изначально благ, в самой структуре мироздания заложена возможность моральной победы человека над обстоятельствами, для человека всегда возможно искупление, «нисхождение» всегда открывает возможность «восхождения», человек всеми силами должен стремиться к восхождению и преображению себя и мира, ибо именно в этом – его задача.

Во всяком деянии, как Б-жественном, так и человеческом, Ребе выделяет три стадии. Первая, идеальная стадия связана с изначальным замыслом того или иного поступка или деяния, когда индивидуальная воля «прислушивается» к Б-жественному замыслу и «сопрягается» с ним. Далее наступает черед следующего этапа, на котором ищутся пути реализации замысла во «враждебном» окружении. И лишь затем наступает заключительная стадия реализации, на которой идеал обретает зримое воплощение.

Первая, теоретическая стадия является своеобразной прелюдией к активности, осмыслением предприятия в целом. Вторая стадия подразумевает осуществление в физическом мире ранее осознанного идеала. Третья стадия – созерцание идеала во всей полноте его реализации.

Первая стадия является движением «сверху вниз», в ней всегда присутствует момент Б-жественного вдохновения, и она сопряжена с осознанным соучастием в мироздании, когда сознание постигает пути соучастия и направление их развертывания. Вторая стадия сосредоточена в мире человеческих проявлений: мы осуществляем преображение окружающего мира, направленное на то, чтобы мироздание приблизилось к идеалу, нами осознанному. Третья же стадия, подразумевающая полное воплощение представленного ранее идеала, подразумевает, что обретший материальное воплощение идеал совершеннее того, который существовал в нашем сознании. Начиная реализацию идеала, мы действовали в мире, ему противостоящем, мире, который этому сопротивлялся, деформируя идеал самим фактом сопротивления. Но воплощенный идеал уже свободен от деформирующего влияния, его бытие не встречает сопротивления, а значит, оно полнее, чем то бытие, которое мыслилось изначально.

Ребе указывал, что эти три стадии соотносятся с тремя первыми буквами еврейского алфавита. С буквы «алеф» начинаются Десять Заповедей, которые вмещают в себе всю суть Торы. Вторая буква алфавита – «бейс» – начальная буква слова «брия» («творение»). Третья же буква – «гимел» – стоит в начале слова «геула» («искупление»). Тора, «чертеж мироздания», воплощает в себе идеал, существующий на

первой стадии. Мир, который затем был сотворен в соответствии с идеалами Торы, воплощает вторую стадию. Но следует помнить: этот мир ждет преображения, трансформации, которая может дать ему полноту реализации. Третьей стадии соответствует искупление – цель всех человеческих усилий, направленных на «очищение» мироздания, когда реальность бытия сольется воедино с Б-жественным идеалом.

ÑĀĒĀĀŌĀĔÛÑŌĀĀ ŌĪĐŪ

Указание на три стадии реализации идеала Ребе находит в разделе Торы «Ки Сисо». Читатель этого раздела сталкивается с рядом кажущихся противоречий. Как же так, вслед за пассажем, в котором говорится об особо священном статусе первых Скрижалей Завета: «Скрижали эти были делом Б-жим, а письмена – письмена Б-жии, начертанные на скрижалях» (Шмойс, 32:16), следует рассказ о том, что Моше разбил их?! Не святотатство ли это? Причиной поступка Моше было прегрешение народа Израйля, сотворившего себе золотого тельца: «И было, когда он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, возгорелся гнев Моше, и бросил он из рук своих скрижали, и разбил их под горою» (Шмойс, 32:19). Но обратим внимание на то, что говорит Иеошуа Моше перед тем, как тот бросил Скрижали о землю: «И услышал Иеошуа голос народа шумящего, и сказал Моше: клик битвы в стане» (Шмойс, 32:17). Битва – это столкновение противоборствующих станов. Можно сказать, что в этом стихе указывается на сопротивление реальности идеалу. Ребе поясняет: первые Скрижали Завета соответствуют первой, идеальной стадии, и в этом смысле принадлежат не реальному земному, но – горнему порядку бытия. То, что Моше разбивает Скрижали, указывает на человеческие ошибки и проступки, неизбежно возникающие на этапе второй стадии реализации идеала. Однако только через эту стадию возможен переход к третьей. Да, это «падение», «низвержение», но именно оно определяет восхождение на следующую стадию – в данном случае дарование вторых Скрижалей: «И сказал Г-сподь Моше: вытеши себе две скрижали каменные, как прежние, и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил» (Шмойс, 34:1). Эта третья стадия, символом которой служат вторые Скрижали Завета, есть восхождение, следующее за нисхождением. Грех поклонения золотому тельцу открывает возможность для баал тшува – возвращения отпавших к Б-гу. И духовный уровень, которого достигает раскаявшийся грешник, выше уровня, присущего тому, кто изначально пребывал в состоянии невинности.

Ī ĀĐĀĀB ÑŌĀĀĔB: ĔĀĀĀĔÛĪ ĪĀ ÑĪÑŌĪBĪ ĔĀ

ŌĪĐĀ Ĕ Ī ĀĐĀĀB ÑŌĀĀĔB Ī ĔĀĪĀ ŌĀĪĐĀĪ ĔB

Буквальное значение слова «Тора» подразумевает не столько «закон», сколько «учение». О Торе сказано: «Тора Г-сподня совершенна, оживляет душу, свидетельство Г-сподне верно, умудряет простака» (Теилим, 19:8). Значение Торы – вечно, она содержит наставления, актуальные для любой эпохи, адресованные всем и каждому, применимые в любых обстоятельствах.

Ребе подчеркивает: в системе мироздания Тора служит основанием всякого явления и всякого деяния. Всякий идеал по сути своей укоренен в Торе. Но тем не менее идеал, берущий начало в Торе, осуществляется в материальном мире и на путях этого осуществления подвергается трансформациям – то есть проходит через вторую и третью стадии, описанные выше.

На второй стадии осуществления идеала акцент делается на тварном мире и человеке. Задача заключается в том, чтобы изменить мироздание и человека таким образом, чтобы они приблизились к замыслу, изначально данному в Торе. Но это значит, что замысел, принадлежащий сфере идеального, «нисходит», во имя своего осуществления, в грубый материальный мир. Искупление мира – это осуществление изначальной цели, ради которой было сотворено мироздание, и в этом состоит смысл всей человеческой активности. Таким образом третья стадия осуществления идеала опирается на действия в материальном мире. А основой этой последовательности является Тора.

Ребе отмечал: эта же схема применима и к изучению Торы. Согласно Талмуду, впервые ребенок научается Торе еще в утробе матери. Это первоначальное научение Торе соответствуют первому, идеальному этапу Плана Творения. Именно на этом этапе возникает побуждение к изучению Торы в течение всей нашей жизни на земле. Но постигнутое в утробе матери стирается из сознания ребенка – и, явившись в

мир, он должен изучать Тору иначе: новый этап научения можно уподобить схождению во тьму кости, которая преодолевается в материальном мире. В той мере, в которой эти невежество и кость преодолеваются, по мере постижения мудрости Торы, достигается знание извечной Торы, качественно превышающее то, которое было до рождения, ибо новое знание получено в мире реальности и является результатом творческого усилия, или тшува.

Ребе также отмечает, что процесс разьяснения Торы развивается по аналогичной схеме. Многие положения письменного закона даны неявно, многие детали нуждаются в разьяснении: скрытое должно быть выявлено. Ребе приводит в пример стих из книги Ваикро, где говорится о четырех растениях, которые должны быть представлены во время совершения обряда в праздник Кущей: «И возьмите себе в первый день плод дерева красивого (эсрога), ветви пальмовые и отростки дерева густолиственного, и верб речных, и веселитесь пред Г-сподом, Б-гом вашим, семь дней» (Ваикро, 23:40). Лишь после долгого обсуждения этого положения мудрецами Талмуда во всей полноте было раскрыто значение этой заповеди. Процесс подобного разьяснения подобен внесению света во тьму. В интерпретации Ребе процесс толкования можно уподобить сотворению света, описанному в начале книги Брейшис, когда свет является из тьмы и хаоса (Брейшис, 1:2).

**ÂÛÐÀÁÎÏÈÀ ÀËÎÏÈ×ÂÑËÎÎ Î ÐÀÀÈÈÀ Á
ÈÎÎ ÒÀËÑÒÀ ÒÐÀÏ×ÂÑÒÎ ÎË Î ÐÀÀÈÈÀ Î**

Ребе подробно останавливается на том, как раввинистическая традиция вырабатывала алохические правила. Та или иная проблема долго рассматривалась со всех сторон, обсуждалась, и в ходе этого обсуждения предлагались те или иные решения. Ребе подчеркивал: окончательное решение рождалось из столкновения мнений талмудистов, мнений порой взаимоисключающих. Ребе уподоблял этот процесс трехчастной парадигме, описывающей процесс осуществления идеала в материальном мире. Предполагается существование идеального уровня, на котором все расходящиеся между собой суждения мудрецов сущностно верны. Однако при реализации идеала в материальном мире лишь один образ действий может быть правильным с точки зрения Алохи. И среди противоречащих друг другу в материальном мире мнений выбиралось то, которое ложилось в основание алохического правила. Эта процедура выбора может быть уподоблена второй стадии парадигмы, когда человек реализует идеал в материальном мире. На третьей стадии становится очевидно, что именно интенсивное обсуждение разнородных мнений позволяет сформировать то единственное, которое, описывая определенный способ действий, становится выражением Воли Б-га, явленной в материальности этого мира.

**×ÀËÎÎÀËÈÈ Î ÈÐÎÇÄÁÎÏÈÀ Á ÈÎÎ ÒÀËÑÒÀ Î ÐÀÀÎËË ÑÒÀÀÈÈÈ,
ÎËËÑÛÀÀÎ ÎË Î ÐÀÀÈÈÀ ÎË**

Возникающий порой антагонизм между мирозданием и человеком носит, в контексте описываемой парадигмы, иллюзорный характер. Ребе подчеркивал: на том уровне, где возможно незамутненное восприятие, человек и мир сущностно созвучны Б-жественной Воле. И человек, и мир могут достигнуть истинного осуществления только на путях актуализации идеалов, сформулированных Торой, – и любые воздействия, направленные против Б-жественной Воли, оказываются бессильны. Человек приобщается к своему истинному «я», когда ему удастся высвободить из-под ржавчины сиюминутного ту духовность, которой он обладает изначально. Мироздание же обретает свои истинные очертания, когда в нем проступает Творение, каким оно было замыслено Б-гом. Подобный взгляд на мир не оставляет места отчаянию: за «падением» следует «восхождение», которое раскрывает заложенный в нас потенциал. Больше того – раскрытие этого потенциала становится возможным только через усилие восхождения, а в каждой ситуации, открывающей возможность для восхождения, уже заложена победа над материальными обстоятельствами.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ: АКЦЕНТ НАСТАВНИКА НА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ОБУЧАЕМОГО

Ребе считал, что внимание наставника должно быть сосредоточено на положительных аспектах сознания человека или рассматриваемой ситуации. Наставник должен думать о том, как привести в сознание человека свет, а не о том, как противостоять неблагоприятным обстоятельствам – всему тому, что ассоциируется с тьмой. В подтверждение своего подхода Ребе ссылался на Талмуд и, в частности, на

правило, гласящее: «отталкивай или отвергай левой рукой, а притягивай к себе – правой» (Сота, 47а; Сангедрин, 107б). Дело в том, что левая рука – рука слабая, и действия, совершаемые ею, имеют вспомогательный характер. Наставник вовсе не стремится отвергнуть того, кто пришел к нему за наставлением, – хотя на это может быть причина. Но все усилия наставника направлены на то, чтобы изменить сознание, с которым он соприкасается. Усилие – это действие, совершаемое правой рукой. И еще один момент: мы притягиваем к себе то, что вызывает у нас некий положительный отклик. Тем самым наставник опирается на то лучшее, что есть в ученике. Он стремится раскрыть извечное благо, изначально заложенное в ученике. Ребе подчеркивал: усилия учителя направлены на то, чтобы, шаг за шагом раскрывая это благо, обеспечить его окончательную победу над несовершенством человека, неразрывно связанным с временными обстоятельствами его существования.

Талмуд (Иевомойс, 114а) специально останавливается на истолковании стиха «Говори к священнослужителям <...> и скажи им» (Ваикро, 21:1), поясняя, почему, при обычной лаконичности Торы, здесь дважды употреблены почти сходные по значению глаголы, указывающие на речь. Моше необходимо было поведать священнослужителям такие законы, которые они потом должны были донести до своих детей, со временем примуцим на себя священнические обязанности. Истолкование Талмуда строится на том, что стих указывает на ответственность, связанную с передачей религиозных и моральных ценностей. Вслед за хасидскими учителями Ребе напоминает, что слово «леазир» («предупреждать») является производным от слова «зогар» («свет, сияние»). Следуя обоим традициям – и талмудической, и хасидской, Ребе указывал: тот, кто наставляет в вопросах морали и религии, может рассчитывать на успех в той мере, в которой он воздействует на подрастающее поколение, прививая ему «иммунитет» к нежелательному поведению и делая его устойчивым перед дурными влияниями со стороны.

Опираясь на Талмуд, Ребе подчеркивал: отношения между наставником и учеником – постоянное испытание для учителя. Отношения эти строятся на том, что учитель мудрее ученика и обладает несомненным авторитетом. Однако авторитет нуждается в постоянном подтверждении. И, выступая в роли наставника – то есть подводя ученика к решению некоей задачи, – учитель должен активировать весь свой потенциал: сам продвинуться в заданном направлении дальше, чем он был в начале. Наставничество только тогда будет эффективно, когда требует от учителя усилия преодоления себя и выхода за собственные пределы. В процессе обучения оба – и ученик, и учитель – делают шаг к постижению нового для себя, к овладению прежде недоступным уровнем духовности. Иначе говоря, обучение раскрывает незадействованный потенциал наставника, о котором тот прежде и не подозревал. При этом Ребе объясняет: есть обучение в узком смысле этого слова – оно начинается в определенном возрасте, и в ходе его ученик проходит ряд формальных ступеней; но есть и обучение в широком смысле слова – такое обучение охватывает весь наш опыт. В обоих случаях необходимо помнить: подобно тому, как отец, обучая сына, заботится о том, чтобы он добился в жизни как можно большего, так и наставник должен заботиться о максимальном раскрытии способностей ученика.

Особенность этого подхода еще и в том, что от наставника требуется особое внимание к внутреннему миру ученика. Учитель должен проникнуться строем мыслей обучаемого, если он хочет эффективно вести его за собой и добиться преобразования личности обучаемого. Пользуясь традиционным принципом экзегезы, Ребе поясняет это с помощью анализа значений двух слов: «эмор» и «дибур». «Эмор» означает общение, при котором один собеседник чрезвычайно внимателен к другому и крайне ответственно относится к тому, что он говорит. «Дибур» же, наоборот, означает жесткое общение, когда задача собеседника состоит в том, чтобы «пробиться» через косность сознания или недостойного поведения партнера.

И здесь Ребе делает следующий шаг. Он вспоминает слова четвертого Любавичского Ребе Маараша: «Живя в этом мире, мы знаем: когда нельзя пройти под преградой, ее можно перепрыгнуть; я же скажу вам иначе – прыгайте сразу!» В понимании Ребе борьба с косностью ученика на том нижнем уровне, на котором проявляется эта косность, обречена быть долгой и изматывающей. Поэтому намного эффективнее «перепрыгнуть» то или иное препятствие – то есть попытаться решить соответствующую проблему на более высоком уровне, активировав высший потенциал ученика, взывая к изначально благой стороне его личности. При таком подходе ученик сам осознает свое несовершенство и желает его исправления, так что его усилия и усилия наставника сольются воедино, давая нужный эффект.

ЧТО РЕБЕ ГОВОРИЛ О ХОЛОКОСТЕ

Яков Таубер

Все признают, что Любавичский Ребе сыграл исключительную роль в возрождении еврейства после второй мировой войны. Но что он говорил о самой Катастрофе?

*Эрбаае-пелам Диваа юа одаааеу елмдеаии ее-лл, еае елмдеаии лла и ееееллаа аддеео
ерпаае. Аа и еааеее ааао Ала-Аад аиле дапподеауи е илордлаа а лаалае и лаеа: лл даааеее о-апоу
аауоел а оупу: ааааа, и лааеоео ллмуп 1941 ааа, елааа оаеелду алаеа а Алаи длаао драе. Олааа аа
аиле дапподеауи ерале ау аааеаа Диваа е и лааа аа длааоаа леее. Ааа а Диваа и л аауеа и еааеор
лмодо Оаеіа еі о і дау аі апаа лл аеаі е і деаі іуі лл і лл пееі оаа а одааеелла*

И в своих трудах, и в выступлениях Ребе отвергал теологические объяснения Холокоста. У кого хватит наглости и бессердечия, говорил Ребе, искать «причины» мучений и гибели миллионов ни в чем не повинных мужчин, женщин, детей? Неужели можно предположить, что человеческий разум, пределы которого ограничены, сумеет вместить объяснения такого кромешного ужаса? Мы можем лишь допустить, что существует то, чего человеческий ум осознать не в силах. Ребе повторял вслед за своим тестем: «Не мое дело оправдывать Б-га. Лишь Сам Б-г может отвечать за то, чему Он позволил свершиться. Единственный ответ, – говорил Ребе, – который мы можем принять, – это немедленное и полное искупление, которое сотрет зло с лица земли и обнаружит истинное добро и совершенство Б-жьего творения».

Тем, кто утверждал, что Холокост опровергает существование Б-га и присутствие Его промысла в нашей жизни, Ребе отвечал: «Напротив, Холокост окончательно опроверг возможность веры в нравственные законы, придуманные людьми. В довоенной Европе немцы занимали ведущие позиции в культуре, науке, философии. И те же самые люди совершали самые жестокие зверства в истории человечества! Холокост научил нас тому, что цивилизованное и нравственное существование возможно только через веру и принятие Б-жественного начала».

Также Ребе говорил: «Наш гнев, наши непрекращающиеся упреки Б-гу за происшедшее – это по сути и есть признание нашей веры в Него, нашей убежденности в Его доброте. Ведь если бы мы в глубине души не имели этой веры, то чему бы мы возмущались? Слепой судьбе? Случайному соединению кварков, составляющих Вселенную? Лишь потому, что мы верим в Б-га, потому, что мы убеждены: существуют добро и зло, и добро должно восторжествовать, и непременно восторжествует, мы восклицаем, как восклицал Моше: “Г-сподь! Зачем Ты сделал зло этому народу?”»

Но для Ребе самым главным в последствиях Холокоста было не то, как мы его понимаем, и даже не то, как мы чтим память его жертв, а то, что мы с этим делаем. Если мы позволим боли и отчаянию сломить нашу волю, если не сумеем воспитать новое поколение евреев в духе еврейской традиции, тогда – не дай Б-г! – осуществится «заветная мечта» Гитлера. Но если мы восстановим свои силы, если воспитаем поколение, которое гордится своим народом, это будет нашей истинной победой.

НАША МАЙСКАЯ АНКЕТА ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

А יאדאני יני אדא «עאעאי א» צא יוואסיעע אַא יו יידישעע פּעוואָרעס, א ידאָאַאַדע פּאַעעִי יִיאַאַו, יוֹאַדעוּ יאַ אַאַ אַיִדיש יאַוּאַ אַיעאַו:

1. עאַעיאַי נאַי וואַ יאַי יוֹ יוּאַ אַי ייעִיאַו אַיעִיִו?

2. אַאַ עַאַע אַי אַוֹדאַדעע אַאיִו יִיאַאַו?

יִו יִיעוֹ:עעע יאַ אַעִ יוֹאַוִאַ

אַאַעוֹ עאַי אַי אַי, עאַעֹאַי אַיִו

1. В начале 1944 года наша стрелковая дивизия воевала в Карпатах. Я направлялся в часть, когда увидел, что командир дивизии и еще несколько офицеров стоят в окружении людей в полосатых робах. Комдив подозвал меня: «Они не понимают русского языка. Выясните, что за люди».

Я тут же заговорил по-еврейски; изумление венгерских евреев воистину было безгранично. Одна женщина всё время повторяла: «Неслыханно, офицер-еврей! Неслыханно!» Я объяснил ей, что не один такой, что в нашей части есть и офицеры-евреи чином постарше меня. Оказалось, группу заключенных пригнали сюда на работы. При подходе советских войск охрана разбежалась, и бедолаги несколько дней скитались по горам без воды и пищи. Командир дивизии тут же распорядился каждому выдать вещевого мешок и набить его продуктами – крупой, консервами, сахаром. Я объяснил, как добраться туда, где уже нет немцев.

2. 8 мая 1945 года наша колонна продвигалась по Чехословакии. Встречали нас восторженно, в каждом селении выставлялись столы с напитками и едой. Офицеры следили, чтобы водители пореже прикладывались к бутылкам: нам было приказано побыстрее догнать колонну немцев. Догнали. И тут в небе появился наш штурмовик и открыл огонь. Пришлось разбежаться не только немцам, но и нам. Представляете, каково это – погибнуть в последний день войны, да еще от пуль своих! К счастью, всё обошлось, только начфин получил осколок в ягодицу.

Вскоре мы нагнали еще одну немецкую колонну. Приготовились к атаке. Но немцы стрельбу не открывали. Тогда к ним отправился наш переводчик и сказал: «Война закончилась, Германия капитулировала». Немцы молчали; мы пошли к их машинам. Это была удивительная картина: стоят группы наших и немецких солдат и с любопытством рассматривают друг друга, кое-где пытаются завязать разговор.

יִיעַאַי

אַעאַעיאַי אַו אַעעִי אַאַ, עאַיעֹאַי

1. Командованию позарез требовались «языки». Но перебежчиков на нашем участке не было. Захватить пленных тоже не удавалось. Решили, что наши обращения к немцам убедят кого-нибудь сдаться. Оборудовали радиостановку, поставили репродукторы, и я, военный переводчик, из блиндажа вел передачу. Но вскоре пропаганду пришлось прекратить: после обстрела динамики вышли из строя.

Тогда решили отрыть на нейтральной полосе окоп; оттуда с помощью рупора можно было вести передачи. Недалеко от передовой траншеи вырыли неглубокий окопчик. Выполняя приказ, я с рупором пополз к нему. Устроился, прокричал первые слова: «Внимание, внимание!..» Только начал повторять их, как рядом с окопчиком разорвалась мина. Через час, когда стрельба стихла, солдаты уволокли меня на плац-палатке.

2. После очередного ранения (в ногу) меня отправили на долечивание в Кировскую область. Там уже разбили лагерь для военнопленных немцев. Отправили переводчиком, благо костыли я уже оставил. В лагере содержались офицеры и солдаты. Были среди них фашисты-фанатики, были и антифашисты.

Утром 9 мая из передачи советского радио (в бараках были репродукторы и некоторые пленные уже довольно сносно владели русским) они узнали о капитуляции рейха. Так что в День Победы я мог наблюдать, как немцы за тысячи километров от Германии реагировали на поражение своей страны. Одни откровенно радовались: скоро репатриация! Другие столь же открыто печалились. Третьи не выражали эмоций, а может, просто таили их.

İ üðèùè, İ ñèíàíèáü íáè.

Áààèä Èàí, ñáðèáí ò

1. В январе 1945-го наш гвардейский стрелковый полк остановился в небольшом прусском городке. Откуда ни возьмись примчался седовласый немец и, ничего не сказав, потянул за руку командира взвода. Мы бросились вдогонку. Из подвала особняка, выстроенного в готическом стиле, валит густой дым.

Без команды мы кинулись спасать книгохранилище. Когда пожар погасили, старый немец, призвавший нас на помощь, вручил каждому по книге.

Узнав, что я еврей, хранитель библиотеки на минуту отлучился.

– А вам особый подарок, – сказал он, вернувшись и протягивая мне Тору на иврите. – Выполняю последнюю просьбу доброго соседа. Ожидая неминуемой фашистской расправы, он передал мне на хранение эту книгу со словами: «Вручите ее порядочному еврею».

Я был коммунистом, но Тору принял с большой радостью. По сей день это главная книга в моем доме.

2. 9 мая 1945-го на боевом посту у пулемета «Максим» привычно находились гвардии сержант Павел Шабанов и я. Неожиданно услышали ликующий голос командира роты гвардии капитана Приходько:

– С Победой, боевые побратимы! Германия капитулировала! Есть, как молвится, весомый повод дважды выпить по 100 фронтовых грамм. Первый – за Великую Победу. Второй – за нашего боевого товарища. Именинника Давида Кана.

И хотя они чуть опередили это событие по времени, я глубоко был тронут вниманием ребят, с которыми не раз отбивал вражеские атаки, поднимался в итыковые бои, – словом, вообще делил тяготы нелегкой фронтовой жизни.

Èðèáíé Ðíä

Óèðàèíà

Áĩðēñ Ōáĩ äđĩñ ñĩðæáĩ ò

1. В полдень 27 апреля 1945 года, прочесывая опушку леса, наш взвод разведки 6-й гвардейской кавалерийской дивизии наткнулся на большую группу немцев. Заметив нас, те остановились. Над головами замаячили белые платки. «Не стрелять!» – приказал наш командир взвода Алексей Филимонов. И, прищипорив коня, взял с места в аллюр. И тут раздался выстрел. Предательской пулей эсэсовца мой друг Алеша был убит наповал. Час спустя мы хоронили Алешу, бесстрашного разведчика, который прошел всю войну без единой царапины.

Как сообщили пленные, в избушке лесника, неподалеку, прячутся офицеры в больших чинах. Создана была группа захвата. Операция прошла успешно. В ходе допроса – я переводил – выяснилось, что пленные имеют отношение к ФАУ – управляемым ракетам. Полетели донесения в корпуса, в штаб фронта. Последовал приказ: немедленно доставить пленных в штаб дивизии.

В комнате за столом сидел комдив генерал Брикель, рядом стоял незнакомый мне офицер в казачьей бурке. Генерал оглядел меня с головы до ног и, недовольно хмыкнув, что-то приказал адъютанту. Тот исчез, но минуту спустя возвратился. И я почувствовал на плечах приятную тяжесть бурки. На этот раз генерал остался доволен осмотром. «Поедешь с капитаном Неумовым на встречу с союзниками. Договоритесь о месте и времени завтрашней встречи».

Я онемел. Вот так влип! И тут только вспомнил недавний разговор с начальником разведки дивизии. Подполковник Когутский в тот раз куда-то спешил и успел только вручить мне карманный немецко-английский словарь: «Скоро встреча с союзниками. Смотри не подведи». Я стал листать словарь, застрял на пятом слове и, сунув его в сумку, притороченную к седлу, начисто забыл об этом разговоре.

Мне бы выложить всё начистоту: в английском, дескать, ни бум-бум. Но будто язык проглотил. Может, оробел, а может, сработало желание наконец-то увидеть живых союзников. Словом, понадеялся на наше родное «авось».

Мы подъехали к Эльбе в кромешной мгле. Дали, как было условлено, три сигнальные ракеты. И тут же с западного берега полетели ответные. Вскоре из тьмы вынырнул самоходный понтон. По мостику медленно съехал штабной джип. Первые рукопожатия. О счастье, американский лейтенант, сопровождающий штабного офицера, отлично владеет немецким и моим родным идишем.

С этим лейтенантом, сыном спичечного фабриканта (выходца из Бердичева), у меня, несмотря на различие в звании и возрасте, с первых же минут сложились дружеские отношения. Я с ним обо всем договорился.

Полчаса спустя мы с капитаном Неумовым снова стояли перед генералом. И тут я рассказал всё как есть. Ждал взбучки, но генерал, улыбнувшись, похвалил за находчивость.

Союзники ждали нас на другом берегу к десяти утра, и генерал Брикель сказал: «Завтра поедете в том же составе». Так я стал – уже официально – «полупереводчиком».

Были встречи и на западном (американском) и на восточном (советском) берегу Эльбы, банкеты. На одном из них выступил полковник Трумэн – родной племянник президента США. Он с большой теплотой говорил о Красной Армии, о советском народе. Запомнились его слова о нашей стране: «Никто столько не сделал для Победы!» Было еще много встреч. И всюду мы – два «полупереводчика» – оказались нужными со своим «идиш-дойч-инглиш».

2. День Победы встретил на Эльбе.

Êëáá

Ëс ёпòíðëè ïàì ùè Вéíááàøàëèè

Кутаисская семья Веры и Бениamina Якобаивили в первые же дни войны отправила на фронт троих сыновей. Ни одному из них не суждено было вернуться домой. Старший брат, Изя, погиб, защищая Сталинград. Следующий – Абрам – сложил свою голову в боях за Керчь. Гари, выпускник Московской академии им. Фрунзе, пал на полях сражений под Калинином. Они не прятались за спины друзей, честно и до конца выполняли свой долг перед родиной.

Родители долго не хотели верить в гибель сыновей: в 1942 году Вера Якобаивили, узнав, что части, эвакуированные из-под Керчи, прибывают в Потти, устремилась туда, чтобы что-то узнать о судьбе своего Абрама. А когда дошла весть о том, что раненый Гари находится в госпитале в Нальчике, Бениамин, не задумываясь, отправился в этот город – повидать сына... Но не увидели больше родители своих сыновей.

Впрочем, в семье Якобаивили выросло новое поколение: войну пережил самый младший сын Веры и Бениamina, Самсон, а у погибших братьев выросли дети, внуки, которые свято хранят память о своих отцах и дедах, защитивших родину.

Рðèè Íèÿííàíèèè, ïíëèíáíèèè

1. В октябре 1943 года (мне едва исполнилось 18), после ранения и госпиталя, я прибыл в свою танковую бригаду и буквально с ходу принял участие в штурме Запорожья. А через несколько дней бригада была переброшена в другое место, и я остался без танка: машину отправили в ремонт, меня же определили офицером связи при штабе бригады.

Я получил приказ доставить в батальон двух офицеров, прибывших с пополнением. Идем вдоль небольшого озера, заросшего камышом. Вдруг видим танк, закиданный сверху срезанными прутьями. Машина цела, вокруг никого. Влез, осмотрелся... Всё вроде в порядке, снарядов много, вот только горючего самая малость. Сел за рычаги, завел танк аварийным воздухом (аккумуляторы не работали) и повел в батальон.

На краю села встретил комбата, капитана Кардаева; комбат велел спешно выдвинуться в конец села и занять оборону. Там, в капонице, образованном высоким берегом пересохшей реки, уже стояли два танка. У них тоже не было горючего, зато снарядов имелось вдоволь.

Только освоился – показались немецкие танки. Шли они скученно. Я встал у прицела, младший лейтенант Насонов – заряжающим. Три наши экипажа открыли огонь, и сразу же запылало несколько танков противника. Ответный огонь не заставил себя ждать. Маневрировать мы не могли – не было горючего, и вскоре моя машина вспыхнула. Мы выбрались через люк, я вынул клин затвора из пушки, забросил его, взял пистолет и гранату. Отходили по полю и потеряли друг друга. Дорога в бригаду оказалась перерезанной, я отправился в обход и попал к своим очень не скоро.

Тут надо сказать, что в нашей армейской газете работал мой отец (писатель, впоследствии лауреат Государственной премии Макс Поляновский. – Ред.). Ему сообщили, что я попал в окружение и погиб в бою. Он просил рассказать хоть какие-то подробности. Гвардии майор Анисимов написал, что я был в танковой группе, отражавшей атаку 50 немецких танков. Что мы уничтожили примерно 8 вражеских машин, но группа наша не возвратилась. За смерть вашего сына, пообещал Анисимов, отомстим десятикратно.

Можете представить себе состояние отца, когда он меня увидел?!

2. День Победы встретил в Австрийских Альпах.

Ñt:è

Яков Топоровский, капитан

1. Это было севернее Варшавы. Началось наше наступление, но немцы отчаянно сопротивлялись, нередко переходя в контратаки. Один раз им удалось окружить наш наблюдательный пункт; я командовал батареей гаубиц и, чтобы точнее вести огонь, вместе со связистами выдвинулся вперед. Проводная связь прервалась, и я открытым текстом передал по радиации на свою батарею: «Открыть огонь на меня!» На батарее знали точное расположение нашего окопа, поэтому снаряды падали метрах в ста от нас. Но всё равно – чувствовали мы себя, мягко говоря, неуютно. Однако немцы держались на почтительном расстоянии. А через несколько часов и вовсе отступили.

2. День Победы я встретил в санитарном поезде. А дело было так. При прорыве Зееловских высот, прикрывавших Берлин с востока, меня ранило в плечо. В медсанбате обработали рану, перевязали, я почувствовал себя лучше. Приехал навестить меня мой ординарец, с ним я и удрал в полк. Командир полка отругал меня, но разрешил побывать на батарее. А там я сразу стал заниматься привычным делом: выдвинулся на наблюдательный пункт. Был ли это снаряд или мина – не знаю, потерял сознание. Очнулся только в госпитале после ампутации ноги. Погрузили меня в санитарный поезд, направлявшийся в Россию. И вот на одной станции, это еще в Польше, слышу песни, музыку – поляки вышли встречать поезд с оркестром. Один раненый, ходячий, подошел к двери, ему с перрона кричат: «Победа! Войне конец!» Я спросил соседа, какое сегодня число. Он ответил: «Кажись, 9 мая».

Ï ññññ

А́а́а́и́ С́и́а́, д́я́и́а́и́е́

1. Это было под Москвой, когда фашистов уже отогнали от столицы. Связь почему-то не работала, и меня отправили в штаб полка с донесением. Идти надо было километра четыре, дорогу я знал и шагал бодро. Собственно, самой дороги не было, шел по целине. Прошел с километр, слышу – летит самолет. Наши? Немецкий? И вдруг сверху пулеметная очередь – прямо по мне. Я бросился на землю. Самолет развернулся и опять в атаку. Я – в воронку. Пронесло. Через пару минут немец появился вновь, но я уже подбегал к леску.

2. Поздно вечером 7 мая 1945 года легли спать. Проснулись от стрельбы. Оказалось – импровизированный салют.

Ï ññññ

Ñàí àí Àààí Ìàṛṛṛṛ, ñàḍḍàí ò

1. Хорошо помню этот день – 16 января 1945 года. Дело было под Варишавой, советские войска готовились к форсированию Вислы. Нашему взводу химических войск приказали обеспечить прикрытие переправ дымом. За три дня до наступления перебросили к реке. Укрытий никаких, холодина – градусов 12–14. Промерз я тогда до костей, но, как ни странно, не заболел. Зато дыму напустили будь здоров, немецкие летчики даже переправы не видели.

2. За день до капитуляции Берлина нам приказали захватить химическую фабрику. Командование не знало, что там производили немцы. На всякий случай предупредили: стрелять только в крайнем случае, пожар тушить. Проникли на фабрику без особых происшествий. Только стали проверять, что у них в бочках, как в склад попал снаряд. Не знаю – наш или немецкий. Сразу вспыхнул сильный пожар. Бросились гасить – а вдруг в емкостях ОВ – отравляющие вещества?! Огонь был такой сильный, что на мне загорелась одежда. Пожар ликвидировали, а меня с ожогами отвезли в госпиталь. Там и встретил День Победы.

Ì ìṛṛṛṛ

Ì èḍḍḍḍ Èàḍḍí àḍ, ñò àḍḍḍḍ èḍ àḍḍí èḍ-èḍ èḍ àí àí ò

1. Командование направило меня в осажденный Ленинград – набрать команду специалистов для ремонта самолетов. В городе ремонтники были не слишком нужны, а нам очень не хватало мастеров. Мне сказали: есть, мол, такие ребята в Петергофе, их там соберут, скомплектуешь команду, привезешь сюда, а там переправим их на Большую землю. Машины не было, и я опрометчиво отправился в путь ночью на своих двоих. Темень, дорога вся в рытвинах, колдобинах, сколько раз падал. И самое удивительное – никого не встретил за несколько часов пути! Не у кого было даже спросить, правильно ли иду? А возвращаться обидно – столько уже протопал. Когда на окраине Петергофа увидел наших бойцов – петь хотелось. Видик у меня был, наверное, еще тот, потому что меня отвели в землянку, я сел на нары и тотчас уснул. А команду вывез.

2. Наши мастерские расположил

ись в Серпухове. По сводкам было видно – войне вот-вот конец. Я был начальником цеха по ремонту авиамоторов и 8 мая убедил начальство командировать меня в Москву за деталями. Так что 9-го был дома. Москвичи уже высыпали на улицы. Вместе с мамой мы пошли по Горького, дошли до Манежной. На Красную площадь пройти не смогли – там людей было уже целое море. На Манежной и увидели салют Победы.

Ì ìṛṛṛṛ

Ì àḍ àḍ Ìḍí àí òì èḍò, èḍ èḍ àí àí ò;

1. Помню как сегодня день 25 декабря 1943 года, день моего рождения. Мне исполнилось 20 лет. Я замещал командира батареи. Шли ожесточенные бои под Кировоградом – немцы пытались прорвать кольцо окружения. Начали теснить наши части, один из немецких танков разрушил землянку на батарее и вывел из строя орудие. К счастью, три немецких танка были подбиты нашей пушкой, оказавшейся в зарослях кукурузы.

Поступило распоряжение из штаба полка: «Если можете – снимайтесь». Как только колонна выехала на дорогу, был тяжело ранен командир орудия, стоявший на подножке. Я сидел рядом с водителем грузовика. А в штаб уже сообщили: «Первая батарея погибла». День рождения действительно чуть было не стал днем гибели.

2. А Победу я встречал трижды: первый раз – 9 мая в чехословацком городе Трнава; второй – 17 мая, когда была освобождена Прага; третий – отмечали под городом Мукденем в сентябре. То был день Победы над Японией.

Ἐπί τῃ Ἀσπίδι, πῶς ἀποεῖ τὴν ἀσπίδα:

1. – Поступаете в распоряжение капитана, – сказал командир нашего разведвзвода и указал на незнакомого артиллериста.

Тот повел нас к реке. Метрах в десяти от берега сели, и капитан сказал: «Объясняю задачу. По моей команде форсируете реку. Немцы открывают огонь. Я засекаю огневые точки. Потом мы их подавляем из орудий».

Он достал планшет, вытаскил карту, карандаш искомандовал: «Вперед!»

Я вскочил и один помчался к реке. Влетел в воду и, что было сил, понесся вперед. Бежать было трудно, вода доходила до пояса. Холода я не замечал, хотя был декабрь. Оглянулся – ребята входят в реку. Застрочил немецкий пулемет. Я уже добежал до берега, плюхнулся меж двух корней.

Вечером нам, оставшимся в живых, выдали двойную порцию спиртного. А еще, по словам комвзвода, капитан особо отметил, что я первым бросился в атаку и потому меня представляют к медали «За отвагу». Ее я, правда, так и не получил.

2. После тяжелого ранения меня демобилизовали, я поступил в Московский авиационный институт. Вечером 9 мая был в общежитии и вдруг увидел, что в корпусе напротив стали гаснуть огни. Это ребята помчались на Красную площадь. Мы тут же присоединились к ним...

Ὁλοῦσθε τὴν ἀσπίδα

СПАСИТЕЛИ ПОНЕВОЛЕ

Леонид Радзиховский

Евреи (и не только евреи) в России часто говорят: как же так, через 60 лет после войны с фашизмом, на которой отдали жизни десятки миллионов и т. д., фашистами часто оказываются внуки-правнуки тех, кто тогда воевал.

Честно говоря, эти разговоры, по-моему, результат глубокого заблуждения, самообольщения.

Да, война с Германией могла считаться «войной с фашистами», но уж никак не была «антифашистской».

Разница очевидна. Всякая война имеет, как правило, две причины: геополитическую (экономическую) и идеологическую. Вторая мировая не была исключением.

И в этой войне идеологические разногласия не были первичны – для стран Антигитлеровской коалиции. «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война “за уничтожение гитлеризма”, прикрываемая флагом борьбы за демократию» (Молотов, 1939). Дело не в отдельной звонкой цитатке. Политики врут всегда – соврал и тут, недорого взял. Дело в том, что эта цитата подтверждена делами – Запад заключил с Гитлером Мюнхенское соглашение, СССР – пакт Молотова-Риббентропа. Идеологические разногласия этим соглашениям, может быть, и мешали, но геополитический «здоровый смысл» победил оба раза. Побеждал бы этот смысл и дальше – но Гитлер, прервав «странную войну» на Западе и оккупировав Францию, перерезал горло «здравому смыслу» Запада, а 22 июня – перерезал горло «здравому смыслу» Сталина.

Да, были политики, для которых идеологическое неприятие нацизма было первично – видимо, таким был Черчилль. Но он стал премьером не потому, что Англия «идеологически прозрела», а, опять же, в силу «железных геополитических обстоятельств», стал премьером для ведения не «крестового похода» против нацизма, а войны против Третьего рейха.

Можно сказать – не всё ли равно?

Нет, не всё равно.

Это ярче всего проявилось в отношении к евреям, к Холокосту. Часто возмущаются – ну что стоило англо-американцам разбомбить подъездные пути к Освенциму? Они этим спасли бы миллионы евреев...

Да, это, наверное, в военно-техническом плане было вполне возможно. Но СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ НЕ БЫЛО ПРИОРИТЕТНОЙ ЗАДАЧЕЙ – ни США, ни Англии, ни СССР. Реальная политика! «Папа? А сколько у него дивизий?» – так отреагировал Сталин на предложение учитывать интересы Ватикана. У евреев дивизий было еще куда меньше, чем у Папы.

Если бы война против нацизма была прежде всего ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, то тогда Холокост стал бы главным пунктом пропаганды союзников, вообще главной проблемой войны (как во время войны НАТО против Югославии главным, а по сути, единственным пунктом были обвинения Милошевича в геноциде албанцев в Косово). Потому что КАЧЕСТВЕННОЕ ОТЛИЧИЕ действий немцев от того, что они же творили в первую мировую войну, да и вообще от всего, от всех бесконечных мерзостей, принятых всеми народами и армиями на любой войне, было на самом деле одно – ХОЛОКОСТ.

Но союзники, наоборот, делали всё, чтобы ЗАМАЛЧИВАТЬ геноцид евреев. Причина была очень серьезной: они боялись, что это даст идеологический козырь Гитлеру! А именно: войну за спасение СССР, Англии, США удастся представить – как того и добивался Гитлер – войной ЗА СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ, той самой «бессмысленной и преступной войной» за уничтожение фашизма. И союзники боялись не зря – немцы замалчивали то, что делалось в концлагерях, но в целом они, в отличие от союзников, всячески ВЫПЯЧИВАЛИ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС. И немцы были правы – для большинства жителей

Европы гитлеровский антисемитизм был не обвинением против Гитлера, а скорее его ВЫИГРЫШНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТОЙ.

Известно, что среди жителей оккупированных территорий были «праведники народов мира», были полицаи и погромщики, было молчаливое большинство. Но «праведников» выявлено всего около 20 тысяч! Ясно, что выявлены далеко не все, но ясно и то, что полицаев и погромщиков было в любом случае в десятки раз (а пожалуй, в добрую сотню раз!) больше. Конечно, спасать евреев было смертельно опасно, а убивать – выгодно. Верно и то, что люди – конформисты. Их легко убедить в чем угодно, если сверху идет целенаправленная пропаганда. Но немецкая пропаганда падала на густой чернозем – антисемитизм вообще был необыкновенно силен в Европе 1930-х годов. Когда мы сегодня говорим о «росте антисемитизма», мы просто вообще забыли, что такое НАСТОЯЩИЙ, «добротный» европейский антисемитизм! Да, наверное, «молчаливое большинство» в оккупированных странах было не в восторге от «крайностей» немецкого антисемитизма, но еще меньше они склонны были этот антисемитизм осуждать. Скорее, они готовы были осуждать евреев.

Больше того. Известно, что среди антифашистов (польских или белорусских партизан) антисемитизм тоже процветал – вплоть до того, что евреев часто не брали в партизанские отряды. Наконец, антисемитскими настроениями были густо пропитаны и антигитлеровские армии – и Советская и армии США, Англии...

Так что, вероятно, союзники были правы, «пряча» от своих народов еврейский вопрос. Как сказал Черчилль Вейцману: «Подождите, когда мы выиграем войну». А когда войну выиграли, то прошли еврейские погромы в Польше... И понадобилось добрых 50 ЛЕТ, чтобы главы Франции, Польши (но – не Украины, не Румынии, не Венгрии) покалялись (насколько искренне – другой вопрос) в том, что творили – отнюдь не только немцы! – на территории этих стран.

Что я хочу всем этим сказать? Преуменьшить великий подвиг тех, кто спас себя, мир, и прежде всего нас, евреев, от нацизма?

Разумеется, нет! Благодарность тому, кто спас вашу жизнь, – будь то врач, полицейский или солдат – всегда безгранична. И она не становится меньше от того, что этот спаситель вас совершенно не любит, как не становится меньше подвиг спасителя.

Но знать правду всё равно полезно.

КЕНТ РАДИРУЕТ ЦЕНТРУ

Владимир Шляхтерман

О них много пишут, как правило, только после их провала или после смерти. Издают книги, снимают фильмы – правдивые, полуправдивые, с фантастическими измышлениями. Их мы зовем разведчиками. Разведчиков противника – шпионами.

Заместитель начальника Агентурного управления ГРУ1 генерал-лейтенант Мильштейн полагал, что перед войной наша разведка превратилась в одну из самых сильных военных разведок мира. Через 11 дней после подписания Гитлером архисекретного плана нападения на СССР, носившего название «Барбаросса», документ был в Москве. Советское руководство получило информацию не только о дне грядущего немецкого вторжения, но даже о времени суток. Не вина разведчиков, что в их донесения не поверили.

Перед войной в Европе работали сотни советских разведчиков. Издательский дом «Нева» (Петербург) и издательство «Олма-Пресс» (Москва) издали книгу «ГРУ. Дела и люди». В ней есть списки оперативных работников и агентов. Это люди разных национальностей, разной степени подготовки. Из 446 оперативных работников 78 – евреи.

Об одном из них, об Анатолии Марковиче Гуревиче (он же Кент, он же Антонио Гонсалес, он же майор Соколов), рассказывается на этих страницах. Вообще-то Анатолий Маркович не очень охотно общается с прессой. Но для нас сделал исключение.

*Ŋĩããõñééè ðãçããĩ-éé, ñããã-ãĩ í úé ãñõãĩĩ, á õ ðõũ ã çãããããããé õõéĩãĩãéõããũ çĩ í ããðéĩ ãĩ ãũ
«Éõãũ ãũ éãĩ ãééã», ãũ ñéõãõãõóé è ðããéñõã. É ãñõããéé èõ á Ĩ ĩñéãõ*

ÁÁÀ Ĩ ðÉÁÑÒÐÀ

О «Красной капелле» написаны десятки книг, сотни статей. О ней поставлены пьесы, сняты кинофильмы и телесериалы. Собственно, «капелл» было две. Первыми «Красную капеллу» придумали гестапо и абвер. Так германские спецслужбы назвали свою зондеркоманду, созданную для борьбы с

советской разведывательной сетью. Произошло это в начале войны, когда немецкие службы радиоперехвата неожиданно обнаружили в эфире интенсивный поток радиogramм, идущий в Москву из Европы, в частности из Берлина. Гестаповская «Красная капелла» как раз и должна была ликвидировать нашу сеть.

Однако «Красной капеллой» стали именовать и советскую разведку, действовавшую в Европе до войны и в ее начале. С ней были связаны немецкие антифашисты, занимавшие высокие посты в германских правительственных учреждениях. Можно себе представить, какую ценнейшую информацию, нередко в документах, получали от них в Москве. Политическую, военную, экономическую. Получали даже сведения о настроениях в обществе. Про нашу «Красную капеллу» знали и Сталин, и Гитлер; первый то с восхищением, то с недоверием относился к ее сообщениям; фюрер же требовал от гестапо быстрее покончить с «русскими шпионами».

Связь с одним из руководителей «капеллы», немецким антифашистом, офицером ВВС Харро Шульце-Бойзенем, осуществлял советский разведчик, работавший под псевдонимом Кент. У него имелось немало и других имен, но больше всего он известен именно как Кент. На самом деле это был Анатолий Маркович Гуревич, сын харьковского еврея-аптекаря, вместе с семьей перебравшегося в 1924 году в Ленинград. Толя прекрасно учился, особенно любил обществоведение и литературу, на удивление легко ему давался немецкий язык. Когда началась гражданская война в Испании, он выучил испанский. А потом овладел французским и английским.

На умного, знающего и общительного юношу обратили внимание чекисты и после кратковременного «прощупывания» предложили ему пойти учиться в разведшколу. Сначала, сказали, станешь шифровальщиком и радистом. Правда, до этого он уже успел повоевать в Испании, был лейтенантом республиканской армии; следовательно, посмотрели на него и в деле. ...В общем, Антонио Гонсалес – первый псевдоним Гуревича.

НУ́И О́БОА́ААЭ́НЭ́ЕО́ ДІ́А́ЕО́А́ЕА́Е

В следующую зарубежную поездку Анатолий Маркович отправился как сын неких богатых уругвайцев под именем Винсенте Сиерра. В Бельгию его послали, дабы легализоваться в качестве представителя стокгольмской коммерческой фирмы, где ему предстояло заняться бизнесом. В разведшколе Гуревича учили шифрованию и работе на радиопередатчике – для поддержания связи с нашим Центром и другими странами. Созданная им фирма «Симекско» заслужила уважение партнеров своей деловитостью, профессиональной честностью и обязательностью. Фирма стала и важным источником информации. К примеру, однажды «Симекско» получила заказ на поставку полутора миллионов алюминиевых ложек. Заказчик проговорился: ложки могут понадобиться в лагерях для советских военнопленных. В тот же день, сразу после заключения контракта, информация пошла в Центр. Шифровал и передавал текст сам Анатолий Маркович. Доходы фирмы, надо заметить, покрывали расходы резидентуры.

Полный доброжелательства, обаятельный, хлебосольный Винсенте Сиерра постепенно входил в высшее общество. От «света» не укрылось, что молодой бизнесмен оказывает усиленные знаки внимания Маргарет Барча, красивой молодой вдове. Знакомые с пониманием отнеслись к тому, что Маргарет и Винсенте поселились вместе на роскошной вилле. Ясное дело, они и подумать не могли, что между молодыми людьми никогда ничего не было! Зато были частые приемы, куда охотно съезжались важные лица. Наряду с великосветскими сплетнями там открыто обсуждались и последние политические новости. Среди гостей не было недостатка в персонах, весьма информированных и жаждущих поделиться своей информацией. В ту же ночь наиболее важные новости ложились на стол директора Центра.

Кент был еще заместителем резидента, когда Москва направила его в Швейцарию: успешно действовавшая там разведгруппа Шандора Радо оказалась без надежной связи с Центром. Гуревич благополучно пересек несколько границ и в Женеве встретился с Дорой (псевдоним Шандора Радо). К тому времени у Радо лежало без применения огромное количество ценных сведений. По свидетельству самого Шандора, Кент детально и толково проинструктировал его, как пользоваться новым кодом, как шифровать.

В конце семидесятых годов я, тогда сотрудник «Советского спорта», встречался с Шандором Радо в Будапеште, предварительно проштудировав его воспоминания «Под псевдонимом Дора», изданные в Москве. Расспрашивал Шандора о том, что стало с его помощниками после войны. О Кенте-Гуревиче не спросил, хотя в книге о нем сказаны добрые слова. Впрочем, читая мемуары Доры, я понял, что автору Кент в конечном счете не пришелся по душе. Больше того – Радо считал, что арест Кента в 1942 году нанес тяжелый удар по швейцарской резидентуре. Тут, правда, не всё сходится: Кента арестовали в ноябре 1942

года, а разведгруппа Доры действовала до сентября 1944-го. Вряд ли гестапо почти два года терпело бы Дору, если Кент что-нибудь рассказал об этой группе. Напротив, из протоколов допросов Гуревича в Берлине стало известно, что он ни разу не упомянул ни имени Радо, ни о том, какие коды ему передал.

В беседе со мной Шандор признался: рукопись книги «Под псевдонимом Дора» он посылал в Москву, по объему она тогда была значительно больше, но ему посоветовали кое-какие места убрать. Честно говоря, я тогда не обратил на это внимания, а сейчас подумал: точно также могли посоветовать и что-то добавить. Полностью солидарен с бывшим сотрудником советской внешней разведки Владимиром Пещерским. Полковник КГБ в солидном исследовании «“Красная капелла”. Советская разведка против абвера и гестапо» пишет: «...Шандор Радо меньше всего причастен к некоторым искажениям, содержащимся в книге “Под псевдонимом Дора”».

Но вернемся в Швейцарию. Кент и Дора встретились еще раз, и последний передал Анатолию Марковичу ряд важных сведений для Москвы. Среди прочего в одном из них говорилось, что крупные немецкие соединения проходят подготовку в горах и готовятся воевать на Кавказе. Это было задолго до июня 1941 года.

Ï ÐÎÄÄË Ì Î×ÄÌ Ó?

Еще в тридцатых рассматривались варианты возможной оккупации Бельгии немцами или англичанами. Одного не учли: почти все агенты, законспирированные в Бельгии, были евреями. И когда в мае 1940 года Германия захватила Бельгию, советским разведчикам, по рекомендации Центра, пришлось поспешно покинуть страну. Выхал из Бельгии во Францию и руководитель группы Л. Треппер. Центр назначил резидентом советской военной разведки Анатолия Гуревича. Ему тогда было двадцать шесть лет.

Новому резиденту пришлось, по сути, начинать с нуля. И он в короткие сроки блестяще справился с трудностями. Стала надежнее «крыша»: фирма «Симекско» наладила идеальные отношения с немецкими партнерами. Связи с германскими интендантами сулили важные разведанные. Еще задолго до широко известной телеграммы Рихарда Зорге о том, что Германия готовится к войне с нами, Кент докладывал в Москву о конкретных фактах подготовки нацистов к войне против Советского Союза.

Война в конце концов разразилась. Кент получает новое задание Центра: выехать в Чехословакию для установления контактов с чешскими подпольщиками. Оттуда едет в Берлин: налаживать связь с группами Харро Шульце-Бойзена и Ильзы Штебе (Альта). Первая – антифашистская организация, вторая – советская военная разведка. Никто не знал, почему связь с ними прервалась.

Мастер детективного жанра мог бы написать интересное чтиво на тему о том, как Кент готовил свою поездку. А для разведшкол это было бы неплохое учебное пособие. И поездка через Германию, через оккупированную Европу состоялась! В Праге ждала скверная весть: подпольщиков арестовали. А вдруг провал и в Берлине?

В столице рейха Кент встречался с Харро, передал ему коды для связи с Москвой. И получил от немецкого друга исключительную по своей актуальности информацию. Вернувшись в Брюссель, Кент незамедлительно передал в Центр, что летом 1942 года вермахт нанесет удары по Кавказу и по Сталинграду; назвал точную цифру потерь германской авиации и помесечные планы производства самолетов. От него Москва узнала, что нацисты расшифровали советские дипломатические коды, что ставка Гитлера будет в Виннице. И многое другое.

Работавшая под руководством Кента бельгийская резидентура передавала всё более и более ценную информацию. Но в декабре 1941-го произошел провал. Немцам удалось запеленговать радиопередатчик Кента и установить его точное местонахождение. Мало этого. На той же вилле, откуда шли передачи в Центр, приехавший из Франции Л. Треппер назначил встречу с бывшими друзьями-разведчиками. Непростительный промах! Делать это он не имел никакого права! Радиста и разведчиков схватили.

Гуревич спешно законсервировал оставшуюся сеть, отправил во Францию Маргарет (она, кстати, была еврейкой) с сыном от первого брака и тоже переехал в Париж (потом он переселился в Марсель, в неоккупированную часть страны). Из Франции Центр получил два сообщения о провале: от Треппера и от Гуревича. Последний сообщил также, что начинает создавать новую резидентуру. И преуспел: Москва стала снова получать от него уникальную информацию.

Но германская контрразведка тоже не дремала. Немцам не стоило большого труда договориться с французским правительством, обосновавшимся в Виши. 9 ноября 1942 года Гуревича и Маргарет арестовали и вывезли в Германию. Абвер и гестапо расшифровали радиодонесения Кента. Немцы уже многое знали о его деятельности. Л. Треппер еще некоторое время оставался на свободе, и Гуревич надеялся, что Москве сообщили о его аресте. Но вскоре схватили и Треппера.

Немцы понимали, какая важная птица угодила в их сети. На первом же допросе Кента в Берлине присутствовал генерал Мюллер – шеф гестапо. Увидев Гуревича, он воскликнул: «И из-за этого мальчишки мы потеряли тысячи солдат фюрера?!» И получил подтверждение от своих замов. Потом он еще не раз бывал на допросах Кента. (Этот факт, как и некоторые другие, я почерпнул из книги доктора исторических наук, профессора, подполковника запаса С. Н. Полторака «Разведчик Кент». Полторак много лет исследовал материалы, касавшиеся деятельности Гуревича, встречался с ним, переписывался. Издательский дом «Нева» в аннотации свидетельствует: это первая и единственная книга, полностью посвященная выдающемуся разведчику нашего времени.)

Doētāīāēōāēū cīīāāēēī āīāū «Ēōām āy ēāīāēēā» Ō. Īāīīāēō. Nīēī tē rāāēāī īā Ēōāyīēā

DAÄÈĪ ÈĀDA: ÈÒĪ ÈĪĀĪ?

В тюрьме Гуревич узнал об аресте группы Шульце-Бойзена. И даже однажды встретился с самим Харро в тюремном коридоре. (Случайно? Подстроили?) Они «не узнали» друг друга. Кента подолгу и методично допрашивали, а с антифашистами расправились быстро. Суд – три дня, приговор – смертная казнь. Его вынес военный трибунал Германии. Еще через два дня приговор привели в исполнение.

Во время очередного допроса Кенту сообщили, что Л. Треппер участвует в грандиозной радиоигре: гестапо – ГРУ Генштаба Красной Армии. И если он хочет сохранить жизнь себе и Маргарет, то должен к этой радиоигре присоединиться. Первая реакция: он не станет этого делать даже под угрозой расстрела! Но после мучительных раздумий Анатолий решил: у него нет права рисковать жизнью любимой женщины, да и за свою жизнь стоит побороться – ему ведь еще нет тридцати!

– Включаясь в радиоигру, вы знали, что Москве известно ваше положение? – спросил я у Кента.

На прямой вопрос Анатолий Маркович тоже ответил прямо:

– Я был убежден: Центр знает, что я арестован. А после бегства Треппера из гестапо сомнений в этом не осталось. Больше того, в ходе радиоигры мне самому удалось сообщить Центру о своей ситуации.

О том, как был получен этот ответ, – немного дальше. Но, задавая вопрос, я уже знал из документов, что про участие Треппера и Гуревича в радиоигре под контролем гестапо ГРУ стало известно в апреле 1943 года. Между тем радиостанция Треппера стала работать под гестаповским контролем с 25 декабря 1942 года – через месяц после его ареста; Гуревича арестовали 9 ноября 1942 года, первый раз на связь «под колпаком» гестапо он вышел 3 марта 1943 года. Центр вскоре всё понял. Телеграммой от 2 июня 1943 года ГРУ разрешило разведчикам продолжать радиоигру. Она шла теперь по правилам Центра. Этих треволнений не было бы, если б разведчика перед забросом снабдили условным сигналом на подобный случай. Проккололись – не снабдили.

Ï Î Â Ð È Ò Ù Í Á Â Ć Ć Î Î Ĭ Î Ì Ò Æ Á Û È Ì !

Умного и хитрого Карла Гиринга, занимавшего пост руководителя зондеркоманды «Красная капелла», сменил Хейнц Паннвиц. Тоже неглупый и опытный контрразведчик. Время шло. Умеющий просчитывать ходы заранее, Паннвиц понимал, что Германия войну проиграла и его ждет неизбежная

кара за злодеяния, совершенные им после убийства гитлеровского гауляйтора Чехословакии Гейдриха. В том числе и за уничтожение с его, Паннвица, помощью чешского села Лидице. Настроение главы зондеркоманды каким-то необъяснимым образом почувствовал Кент. И принял фантастическое по дерзости решение, до которого – бьюсь об заклад! – не додумался бы самый разудалый детективщик: завербовать Паннвица. Не денщика, не конвойного, а криминального советника и гаупштурмфюрера СС! Уверен: если бы вы, уважаемый читатель, прочитали о чем-нибудь подобном в «шпионском» романе, то непременно подумали с недоверием: эка хватил...

За истекшие полгода я несколько раз порывался встретиться с Анатолием Марковичем, звонил ему для этой цели в Питер. И каждый раз Лидия Васильевна, его жена, мягко, но решительно пресекала мои попытки: «Анатолий Маркович плохо себя чувствует... Он в больнице... Нет, к нему нельзя: он в реанимации... Звоните. Но после девяти вечера; я весь день у него...»

Опытный газетчик посоветовал мне: попроси, мол, Лидию Васильевну стать твоим «внештатным корреспондентом»; пусть задаст мужу пару вопросов от твоего имени. Лидия Васильевна согласилась. Первый вопрос и был про то, знал ли Гуревич, что Москве известно о его аресте. Второй звучал следующим образом: как конкретно проходила вербовка Паннвица?

И всё-таки прежде несколько слов о Лидии Кругловой. Они познакомились в поезде. Интеллигентная, милая, внешне очень привлекательная Лидочка знала, что ее поклонник десять лет отсидел в лагере. Но не побоялась связать свою жизнь с бывшим зэком. Впрочем, как выяснилось впоследствии, и с будущим. Ибо буквально за несколько дней до свадьбы Гуревича арестовали вновь.

К последнему мы еще вернемся, а сейчас о том, что рассказала Лидия Васильевна.

– Анатолий понял: Паннвиц боится за свою жизнь, понял почему и стал потихоньку, едва заметно подталкивать гаупштурмфюрера к мысли, что его единственное спасение в сотрудничестве с советским разведчиком.

– Кент шантажировал Хейнца?

– Ни в коем случае! Анатолий говорит, что так можно было погубить дело в одну минуту. Во время длительных бесед он изучил Паннвица и принялся умело, очень осторожно воздействовать на его психику. Невероятно тяжелая, прямо-таки ювелирная работа, внешне ничем себя не выдававшая.

– Но они же чаще всего были не одни...

– Да, при их беседах постоянно присутствовали радист Стлука и секретарша по имени Кемпа. От Анатолия не укрылось, что фрейлейн влюблена в своего шефа, а радист-австриец не хочет оставаться в руках у немцев. С разрешения Центра Кент стал вербовать обоих. И это тоже надо было делать очень аккуратно.

– Конечно.

– Из разговоров с Толей я поняла, что он до сих пор гордится победой в этом серьезнейшем психологическом поединке, – заключила «интервью» с мужем Лидия Васильевна.

Поразительно: находясь под неусыпным наблюдением гестапо, Кент умудрялся руководить оставшимися на свободе разведчиками, оказал неоценимые услуги французскому Сопротивлению. За всё это время только один его информатор был схвачен гестаповцами. Гуревич убедил Паннвица собрать важные материалы, и, когда настало время вылета в Москву, вместе с криминальным советником, радистом и секретаршей туда же отправился багаж – секретные документы гестапо. История спецслужб, пожалуй, подобных операций не знает.

– Известно ли что-либо о судьбе этих людей? – спросил я Лидию Васильевну.

– Толя говорил, что знает о них немного. Из Москвы их отпустили примерно через десять лет по договору Аденауэра с Хрущевым. Паннвиц, судя по всему, приглянулся американцам и ФРГ, сотрудничал с ними. Радист и секретарша вернулись в Германию. Похоже, никого из них в живых уже нет.

Ї І СІ ДІ АБ НОВА І ЕОА...

Паннвица, Кемпу, Стлуку и Кента по прибытии в Москву арестовали прямо у трапа самолета. Кента сразу отвезли на Лубянку. А ведь сотрудникам гестапо давали гарантию неприкосновенности.

– Что произошло с ними, я тогда не знал, – говорит Гуревич.

Стыдно и горько писать о дальнейшем. Поэтому я буду краток. Кента обвинили в измене Родине, приговорили к двадцати годам. Отсидел он чуть больше половины срока, выпустили по амнистии в октябре 1955 года. Через три года арестовали вновь. Сидел в Мордовии до июня 1960 года. Только тридцать с лишним лет спустя он получил «Заклучение», утвержденное заместителем Генерального прокурора СССР, главным военным прокурором. В этом документе говорится, что Гуревич на допросах в гестапо не сообщил сведений, составлявших государственную тайну, что следствие проводилось необъективно, что Прокуратура и МВД СССР вынесли незаконное решение, что Гуревич не совершал преступных действий и к уголовной ответственности привлечен необоснованно, что принимавшие участие в предварительном следствии сотрудники госбезопасности Абакумов и Лихачев за нарушения закона приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, а еще четверо (далее следуют фамилии) привлечены к дисциплинарной ответственности. И под конец: «Гуревича Анатолия Марковича считать реабилитированным».

С 1 января 1992 года ему предоставили все льготы как участнику Великой Отечественной войны. Забавно, что в качестве выслуги лет в Советских вооруженных силах Анатолию Марковичу засчитали почти двадцать лет пребывания в тюрьмах гестапо и Лубянки, в лагерях Воркуты и Мордовии.

Но кое-что непонятно до сих пор. Почему руководство ГРУ ни разу не сочло нужным встретиться с одним из лучших своих разведчиков? Очень заняты? Стыдно за то, что не отстояли в свое время? Бояться, что возникнут щекотливые вопросы – почему не выплатили ни копейки, не представляли к наградам? Обиделись на слова главного военного прокурора в «Заклучении»: о том, что сотрудники ГРУ не учли обстановку в оккупированных странах, не придали должного внимания сообщениям разведчиков, не приняли мер к предотвращению их провалов? Полноте, ведь уже четырнадцать лет А. М. не «враг народа», не «предатель», не «германский шпион». Чего и кого бояться? Что Кенту – записываться на прием?

Горько говорить об этом. Но сразу хочу оговориться: очерк пишется в феврале, номер журнала верстается в марте; за это время что-то может измениться... В таком случае приношу извинения за резкие слова.

В упоминавшейся выше монографии Сергея Полторака автор приводит текст своего письма Б. Н. Ельцину, где просит президента дать соответствующим органам указание рассмотреть вопрос о награждении А. М. Гуревича. Полторак уверен, что Анатолий Маркович достоин звания Героя России. Какова реакция? Автора письма пригласили в местное разведуправление и разъяснили, что он не начальник части, где служил А. М. Гуревич, и потому не имеет права представлять его к правительственной награде. «Что за чушь, – мелькнуло у меня в сознании», – пишет С. Полторак. Видимо, интеллигентность не позволила профессору употребить более крепкие выражения...

È. Èοαέηαα

ΝΑΑΟÈÛΑ ΝΟΔΑΙ ÈΟÛ

Удивительно мужественная и самоотверженная Лидочка Круглова стала моему герою всем – женой, другом, ангелом-хранителем. У них не было детей: боялись за их будущее. Но однажды один уже немолодой человек попросил у Лидии Васильевны разрешения называть ее мамой! И она, не скрывая слез, обняла Мишеля, как две капли воды похожего на ее мужа.

Это сюжет для нового рассказа. В 1943 году, когда Кент сидел в гестапо, к нему из тюрьмы перевели Маргарет. Анатолий Маркович признался ей в любви и в том, что он – советский разведчик. Она приняла оба признания. В полном соответствии с установлениями природы 21 апреля 1944 года Маргарет родила сына, которого назвала Мишелем... Еще до возвращения на родину Гуревичу почти официально сообщили, что Маргарет, ее сын от первого брака Рене и Мишель погибли во время бомбежки немецкого концлагеря.

И вдруг в доме Гуревича раздался звонок, и кто-то взволнованно прокричал по-французски: «Папа, наконец-то я тебя нашел! Я твой сын, Мишель!» Старый разведчик, прошедший гестапо, Лубянку и ГУЛАГ, впервые в жизни лишился чувств... А потом Мишель приехал в Петербург, через 45 лет увидел отца и обрел маму. (Маргарет умерла в 1985 году.) Они поехали в Испанию, познакомились с невесткой, и у них теперь есть внук Саша, который страшно гордится тем, что его дед воевал за республику. Семья Мишеля в полном составе тоже приезжала в Петербург. Между прочим, когда Анатолий Маркович и Лидия Васильевна гостили в Испании, им предложили остаться там и даже показали виллу, которую хотели им подарить. Роскошная то была вилла... Они отказались. Сказали, что вернутся на Родину. И живут в Петербурге.

Υόό όίό τάνόερ Α. Αόόάε: ίτάνόεε άάόίόό ή ίάάίεηπ: «Ί ά άίάόπ ίάί ύόύίό όάόάά:εεά “Έάίόά”».

– В воскресенье 22 июня я был на даче, работал в садике. Прибежала соседская девочка, кричит: «Молотов выступает! Война!» Включили радио, услышали конец речи. А следующим утром теоретический отдел ФИАНа, мой отдел, в полном составе собрался в небольшом институтском помещении.

– **Кто же там был?**

– Игорь Евгеньевич Тамм, руководитель отдела, а еще – Дмитрий Блохинцев, Виталий Гинзбург, Михаил Леонтович, Моисей Марков и я.

– На сегодняшнем сленге – не слабо: два будущих нобелевских лауреата – Тамм и Гинзбург. Да еще сразу и не сосчитать, сколько Ленинских и Государственных премий пришлось на каждого из вас.

– Награды – это, естественно, потом. А тогда была молодость. Одному только Игорю Евгеньевичу уже исполнилось 46, да еще Леонтовичу – сорок с хвостиком. А Гинзбургу было 25, Блохинцеву и Маркову – по 33, мне – 29. Стали рассуждать: чем мы, черт побери, занимались? Кому нынче нужны ядерная физика, какие-то частицы? Что они значат сегодня? Пожалуй, только Михаил Александрович Леонтович имел отношение к проблемам обороны: ушел с головой в теорию распространения радиоволн. Правда, сам он тут же заметил, что в этой теории много трудных, нерешенных вопросов. Скажем, ученые почему-то в своих расчетах учитывали идеально ровную и однородную земную поверхность. А на практике такого не бывает. Даже морская и воздушная радионавигация сильно зависит от окружающей среды. Горы, неоднородные берега – всё влияет. Вот надежные приборы, пригодные для сложного рельефа, и надо было теоретически «обосновать». Когда Леонтович предложил мне заняться этой работой, я буквально ухватился за нее.

– **Чем она закончилась?**

– Хотя дело для меня было новое, я, что называется, влез в него с головой. Острое желание создать что-то важное, серьезное да еще нахальство молодости помогли мне довольно быстро сделать нужные теоретические расчеты. В начале 1943 года я рассказал о них Леонтовичу, а потом сделал доклад на ту же тему на собрании отделения физико-математических наук АН. Вскоре в ФИАН пожаловал моряк-североморец с бумагой: просим, дескать, познакомить нашего представителя с вашими расчетами. В незамерзающий мурманский порт приходили конвои союзников с военными грузами. Чтобы вплотную приблизиться к причалам, кораблям надо было пройти губу, довольно извилистую, длинную, со скалистыми берегами. В период полярной ночи это было необычайно трудно сделать. Без радио никак не могли обойтись. У воды и суши разная проводимость радиоволн, маяки часто «ввали», суда разбивались. Требовались другие, более совершенные методы, более точные цифровые выкладки. Вот моряки и воспользовались нашими расчетами радиопроводимости. Наши методы сразу широко вошли в практику.

Полагаю, в жизни теоретика должны быть две, три, четыре работы, которыми он доволен. Эту крупную работу я сделал довольно быстро и удовлетворен ею.

– **А ядерная физика осталась за бортом?**

– Временно. Работа, разумеется, не прекращалась, и я, по мере возможностей, интересовался ее ходом. Что меня поразило в то время, так это дальновидность наших руководителей. Враг на Кавказе, на берегах Волги. Ленинград в блокаде. Потеряны Украина, Белоруссия, Прибалтика... До физики ли? А правительство не жалеет денег на физические исследования, от которых никто не ждет быстрой отдачи. Вдумайтесь в такой факт: сентябрь 1941-го, положение аховое, огромные людские потери, в армию мобилизуют всех, включая девушек. Между тем Государственный Комитет Обороны принимает постановление, запрещающее мобилизацию преподавателей вузов и научных сотрудников институтов, в том числе гуманитариев! Это постановление подписал Сталин. Не погрешу против истины, если скажу, что до какой-то степени благодаря именно этому документу нам удалось создать атомную бомбу.

– **Немцы, кажется, поступили точно так же?**

– Но только в самом конце войны, и это им не помогло.

– **Кстати, Евгений Львович, как вы считаете, могли они создать атомную бомбу раньше американцев, раньше нас? То есть еще до краха Гитлера?**

– Ответ должен учитывать многие стороны проблемы: политические, экономические, научные... Что касается теории, то, на мой взгляд, методика расчетов немецких ученых была на высоком уровне. Но преследования и, как следствие, бегство из страны большого числа ученых сделало задачу создания атомного оружия в Германии невыполнимой. К тому же многие из тех, кто остался работать в Третьем рейхе, не жаждали появления атомной бомбы. Этот вывод основан на личных наблюдениях. Правда, с ним не все согласны.

– Стало быть, наше руководство в этом вопросе оказалось прозорливее?

– Несомненно. И не только в этом. Позвольте привести личный пример. Я преподавал в Московском инженерно-физическом институте, знаменитом МИФИ, на кафедре теоретической физики. Когда заканчивался учебный год, отдел кадров каждый раз предлагал меня уволить. Об этом регулярно докладывали Авраамии Павловичу Завенягину. Он возглавлял тогда министерство среднего машиностроения; министерство занималось атомными делами, а МИФИ готовил для него кадры. Очевидцы утверждали, что Завенягин каждый раз снимал телефонную трубку и громогласно, употребляя ненормативную лексику, требовал оставить меня на кафедре.

– Завенягин вас хорошо знал?

– Мы не были знакомы лично, но встречались на совещаниях. Очевидно, он просто был в курсе деятельности кафедры и смотрел дальше кадровиков.

– Увлечение радиоволнами прошло?

– Это оказалось очень заманчивым делом; да и к тому же оно сравнительно быстро давало практические результаты. Вместе с моей помощницей Серафимой Гершман мы разработали теорию гидроакустического подводного лоцирования. Экипаж подводной лодки вообще мог обнаружить корабли противника по звуку. Была даже такая специальность – слухач. Я знал прямо-таки виртуозов, но их было мало. Надо было в короткие сроки разработать методы и создать прибор, который бы заменил слухачей. На основе моей теории этот прибор сконструировали. Черноморский флот выделил мне две подводные лодки для изучения ситуации; на одной установили прибор, другая изображала противника. Позднее на Балтике в условиях, приближенных к боевым, прибор мой оказался весьма действенным и сразу был принят на вооружение.

– Евгений Львович, стало быть, ядерную физику вы всё-таки оставили?

– Нет, конечно. Она навсегда осталась главным делом жизни. Где-то в начале 1944 года в нашу лабораторию атомного ядра пришел директор ФИАНа Сергей Иванович Вавилов, будущий президент Академии наук СССР, блестящий физик-экспериментатор и чудесный человек. Подозвал к себе меня, Илью Михайловича Франка и Леонида Васильевича Грошева. Мы вчетвером стояли у окна, даже не присели, и Сергей Иванович как-то обыденно сказал: нужно включаться в ядерную проблему. Дело очень нужное, а физиков мало. Походите к Курчатову, ознакомьтесь с основными вещами и выберите участок. В этих фразах ключевые слова были – «нужно», «нужное».

Так и поступили. У Курчатова мы тогда регулярно присутствовали на семинаре в узком составе – человек двадцать. Забавно, что на тех семинарах, куда нас приглашали, словосочетание «атомная бомба» никогда не произносилось. Все расчеты делались в рабочих тетрадях, на которых стоял гриф – «Совершенно секретно. Особая папка». В конце дня тетради сдавались в спецотдел.

Λεγάλοι εἴτε Ἰ. Ἀ. Ἀντῆ (1899) ἢ Ἀ. Ἰ. Ἰβανόβιτς

ἂν ἴσῃτε ἐξ ἐπιπέδου ὁδοῦ Ὀρέφου ἀπὸ τῆς εἰσόδου Ἀεγάου ἐς τὴν

– Сегодня можно говорить вслух о вашей работе тех времен?

– Да, сегодня секретов больше нет. Если формулировать совсем коротко, то я, например, занимался теорией ядерных реакторов, теоретическими разработками замедления нейтронов. Илья Михайлович – теоретическими и экспериментальными исследованиями по физике нейтронов. А Грошев вскоре вовсе перешел к Курчатову. Продолжала действовать и так называемая «циклотронная бригада», созданная накануне войны.

– Что за бригада?

– Ведущие физики, прежде всего Вавилов, понимали: дальнейшие шаги невозможны без крупного ускорителя. Сергей Иванович принял необыкновенно смелое решение: создать циклотрон с диаметром полюсов в несколько метров. Подобных нигде не было. Бригаде – Векслеру, Вернову, Грошеву, Черенкову и вашему покорному слуге – поручили проектирование этого монстра. Чем дольше мы работали и спорили, тем более невыполнимой казалась задача. И только в феврале 1944 года неутомимый Владимир Иосифович Векслер (он был старше меня на пять лет, а ушел из жизни, когда ему исполнилось всего шестьдесят) совершил нечто потрясающее – нашел способ создания ускорителей нового класса. Это был настоящий переворот в мировой технике ускорителей.

– Семинары у Курчатова были плодотворными?

– Несомненно. Полагаю, и наши доклады оказались полезны. Когда Вавилов предложил нам заняться ядерными делами, он обронил примерно такую фразу: раньше было два пути к истине – индукция и дедукция, а теперь есть еще и третий – информация. Я, признаться, тогда посчитал это просто шуткой. Лишь много позже понял: Сергей Иванович явно намекал на добывание шпионских сведений. Теперь из опубликованного мы уже знаем, что так и было. Помню, на одном из «узких» семинаров у И. В. Курчатова я делал доклад о размножении нейтронов в уран-углеродной среде. Сообщил диаметр уранового стержня. Игорь Васильевич посоветовал увеличить отверстие на полсантиметра. Действительно, оказалось целесообразнее изменить диаметр. Я понял, что эти сведения попали к Курчатову откуда-то извне.

– ФИАН в то время занимался и другими оборонными вопросами?

– Разумеется. Обо всех я не знаю. Но вот, например, наши коллеги-акустики создали специальный трал для подрыва немецких плавучих мин, от которых флот нес немалые потери. В стране становилось всё больше разбитой военной техники – и нашей, и трофейной. Она шла в переплавку, но важно было уметь извлекать из груды лома ценные металлы. В оптической лаборатории и сконструировали специальный прибор – стилоскоп. Он позволил нам сэкономить большое количество стали особого типа. За стилоскопами приезжали с фронтов, даже из осажденного Сталинграда пожаловал гонец.

Повторяю: не ведаю я, конечно, про все темы, над которыми работали в лабораториях института, но из официальных отчетов известно, что вклад наш был весом и по достоинству оценен. Работали напряженно, не зная отпусков, откладывая личные дела. Когда готовили бумаги, собираясь избрать академиком Андрея Дмитриевича Сахарова, то выяснилось, что он – только кандидат наук! Не было времени, да об этом никто и не думал, чтобы одному из создателей атомной бомбы присвоить докторскую степень. В первые месяцы после эвакуации ФИАНа в Казань из-за голода и холода у меня страшно обострился туберкулез, не было лекарств, я похудел на 15 килограмм.

Лекцию читает Ю. Румер.

– Репрессии ученых тоже ведь коснулись, правда?

– «Коснулись» – мягко сказано. Не сосчитать, сколько умов погибло! Сколько людей лучшие свои годы провели в заключении! Мой близкий друг, блестящий ученый Юрий Румер, десять лет провел в «шарашке» – тюремном, хотя и привилегированном авиационном КБ, которое возглавлял тогда А. Н. Туполев. Тоже зэк. Так вот Румер рассказал мне о любопытном эпизоде той поры. Берия – а все «шарашки» подчинялись ему – однажды устроил для выдающихся людей этого тюремного КБ «товарищеский ужин». Один известный авиаконструктор, размякший от такого неслыханного приема, обратился к «хозяину»: дескать, говорю вам совершенно искренне и правдиво – я ни в чем не виноват. Берия тут же ответил: конечно, не виноват, был бы виноват – мы б тебя расстреляли. А так давай: самолет – в воздух, ты – на свободу! Цинично, но откровенно.

...В комнату заглядывает племянница Е. Л. и выразительно смотрит на часы. Я поспешно убираю блокнот. Провожая меня до двери, уже в прихожей, Евгений Львович говорит про то, как он счастлив, что судьба подарила ему возможность встречаться, дружить, а иногда работать с выдающимися физиками XX века – Вавиловым, Таммом, Ландау, Гинзбургом, Сахаровым, Нильсом Бором, Минцем, Мандельштамом... Племянница с явным неодобрением прислушивается к несанкционированному монологу: хозяин дома устал. Последние слова я записываю уже на лестничной клетке. А дома читаю в книге Евгения Львовича эпизод, о котором ему рассказал Д. В. Скобельцын. Однажды академик Вавилов в его присутствии отчитывал некоего своего сотрудника, критиковавшего Леонида Исааковича Мандельштама: «Запомните, – строго произнес Сергей Иванович, – весь ФИАН держится на Мандельштаме».

ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ

Áeáaei eð Ágeiáei

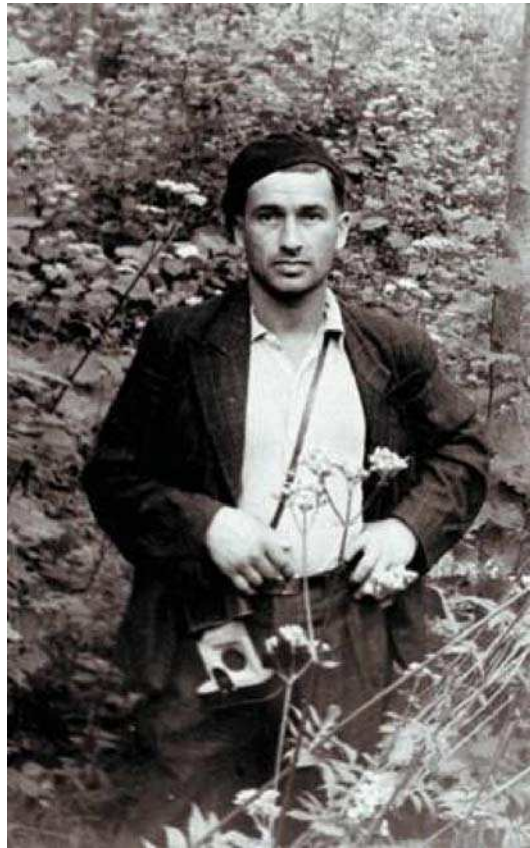
Áa-áði á παλιό 21 epíy 1941 áaa íá íáððíá éeáaeíá áéçaeá áúei oóí í é í íáepáí. 50 áúúeíeéíá áúííá íáúúíá o-ééúá íóúðáeééú íá çáíáí qð áúáéóó é í áúó úeéáú. Ðáeóáe, íáðyáúá ááúeé... È á óáúóá áúeíáeý, éííá-íí aeá ííáeúá-áúúá éaeóáíáú! Ííeáúeá ííeáeíeý, ííóáeé, éeýóáí íeúúóú eáé ííáeíí -áúá.. Áðeóá Èáði áí áúeí-eé íá ííáííeéó ááííá Èeáá - Èúáá, ííí áúáe áyáá é íúúó áúí.

Áúeáúíá oóðí áúóúeéí ííáçá íóeáí áúíé í-áúáú. Èóí-óí úúúíúy íóúeíáí «Yóí í áíááú». Óáí, yóí áúeá áúeíá Áeúeá Èúáá ííáçá óeá íá óíáeé. Áðeóá áy -óáeé áíááeíy áí íááe -áúóe, áí áúóá ú íáe íóúúóáe, íííááe á íeóeáíeá Á á íáííí úeáíeé áúe úúá-áí íáeéíáeéúáí é é áúááí íáí óáí ; óá é íóúðáeéé áá á éííóeááúá Ááúí áíeð.

22 epíy 1942 áaa áí áúóá ú Ááúeáí Áúóáeí, óíááeúáí íí íáú-áúú, íí áeaeé eç éááúy. Ááeáúú áeíeééú íá çáíáá Núúúy íáúeíeí í áyúáá áç éáðó é éííáú, áçúóeíúá íeóáyúú íáúúáí é ú íáúáíá, íá éí áy áçúíeííúe óúú -óí-íeáúú ó éíá-éeáí úúúeóú ííe áíááeéúú áí Áeúúe. Óáí úóáeé áúeóáí é Núúúeáeáeý, úeíeúeéé eç óáeéó aeá ááeáúá íóúyá. Áðeáðeý Èáði áíá íáçá-eéé éíí áíáeóí. Íóúyá íóúáeé íáí áeí ííááeéé, eáé úáí íúúyóáeúú íá ííááçáeáí eá áíeáé á íáððeçáí úeð áúí eð é úeááí í áíááe áí íeóeíáá áí áðeéáí óáá íúú úð 1944 ááá.

Ú áááí í úeáðá í áóáeáeú í íáeéó úúóá-áúóáííeéáó, úúeááeéúy á Áeúúe, í ííá íeúáe í íeó. Íúúáú í íeó áúúeáçá úúóáeýe áíááeé, éúúúeé áeé Ááúeé Áúóáeí áí áúáí y úúóáíúeé íí Ááúí áíeé é áúúáú ú óáeéúáí é á Áeúúe. Ááúí eé ííáe 1 áí áeý 1944 ááá á úúáóeá ú íáí áeééí íáóúeáí. Áíááí eé íáí áeéíy...

Áúóáúáíí, y áúóá-eéy ú íáeéí é ó-áúúeáí é Núúúeáeáeý á Áeúúe. Ááúááe, áçúú áúúy, é ú Áðeáðeáí Èáði áíí. Íí á óí áúáí y íeéaeéó çáíeúé ó íáú íá áúeí. Núúeáíí íeó-aeíí í íp íóeéeáóeð á áçáóá «Ááeéíeá úeíá» íóú-eá Óáeééy Èáíeáíá á Èáði áí. Ííá-óí é íáááeá í íá çáíeúe, úeááí íúá ú úeíá Áðeáðeý áá ááúeáíeé úúúeé Núeáí eóú Yóí Núeáí eóú íóúáeáeá áðáó 21 epíy 1941 ááá. Núe-áúííá aeéáú á ΝΟΑ, y áá óáí áçúúeáe, í ú íááí eúúáeéú

Ï Î Ñ Ä Ä Í È Á Î Ï Æ Ð Ò È È

В сентябре 1944 года войска Красной Армии уже громили гитлеровцев на территории Восточной Европы. Союзники открыли второй фронт и высадились в Нормандии. По мере того как приближались их войска, активизировалась и партизанская борьба в Бельгии.

Ночью 3 сентября мы всем лагерем патрулировали в своем районе вместе с бельгийскими партизанами. Ждали оружия, которое должны были сбросить нам с самолетов союзники.

Следующей ночью по приказу командования партизанского полка покинули лесной лагерь и переселились в один из загородных замков.

Утром после завтрака весь полк отправился на боевую операцию. Мы должны были из засады уничтожить живую силу и боевую технику отступавших гитлеровцев. До привала в лесу весь полк шел единой колонной. Шли поротно.

После привала каждая рота получила свое задание. Оказалось, что ребята в нашей роте вооружены лучше других; нас поэтому рассредоточили. Мне дали нескольких русских (Николая Александрова, двух Василиев, Михаила) и двух бельгийцев. С этой группой я должен был устроить засаду под Пульсоером. Мы вышли на шоссе, остановили грузовую машину и проехали в ней два-три километра; еще километра два добирались в пешем строю. Расположились в лесу, метрах в двадцати от дороги. Оглядевшись, я решил поменять место на более удачное – чуть дальше от шоссе, на опушке леса. Отсюда хорошо просматривалась дорога, мы же в случае чего могли быстро отступить в глубь леса. Василий с Михаилом лежали у пулемета, Николай и бельгиец Стефан должны были бросать гранаты, как только на трассе появятся немецкие военные машины... И вот я стою у дороги с автоматом в руках. Тихо в лесу, разве что изредка прощелбечет какая-нибудь птаха. Я не свожу глаз с дороги. Наконец-то слышится гул моторов подъезжающих автомашин. Их две, и они набиты фашистской солдатней.

– Огонь! – даю команду.

Сам строчу по первой машине. Пулемет немедленно вплетает в стрельбу свою очередь. Разрывы гранат следуют один за другим. Хорошо, ребята! У немцев паника. Одни свалились от наших

выстрелов, другие палят куда попало. Они не видят нас. Машины разворачиваются и на полном ходу удирают.

Отбой. Идем по дороге и поем песни. Внезапно начинается дождь. Впереди какой-то дом. Решили зайти, обсохнуть и переждать непогоду. Дом оказался детским садом. Малыши с восторгом окружили нас. Надо было видеть их глазенки! Жорж, второй наш бельгиец, пошел звонить в штаб, чтобы за нами выслали машину. Машина вскоре подъехала. Дети долго прощались с нами. Потом выстроились на крыльце, отдавали нам честь и кричали: «Вива, Сталин! Ура!»

Так же, как и к замку, к нашему лагерю в лесу прибывались всё новые и новые бельгийцы. Оружия не хватало. Командование полка приказало распустить безоружных по домам, но никто не хотел уходить.

Немцы, отступая, бесчинствовали: окружали деревни и уничтожали мирное население. Недалеко от нашего лагеря, в деревне около Вилерса, немцы убили за один день шестнадцать человек и сожгли три дома. Из-за большого стечения народа лагерь оказался демаскирован, и нам было велено вернуться в свой старый лагерь.

8 сентября утром к нам пришел связной Юзеф. Он сказал, что город Эсне уже занят американцами. Наш полк вступил в контакт с американскими войсками. Передовые американские части уже вышли к Льежу, а в наших районах еще осталось порядочно немецких войск: они как бы попали в мешок. Основные бои по уничтожению этих войск выпали на долю партизан. Им пришлось нелегко. Немцы упрямо сопротивлялись. В плен сдавались редко.

Мы со своей ротой устроили засаду в лесу. Ночью на нас наткнулась немецкая часть. В полной темноте в течение примерно получаса шел бой. Четко стрелял пулемет Василия, ребята вторили ему ружейным огнем. Немцы подняли жуткий крик, желая, видно, напугать нас, показать, что их много. Никто из наших не сдвинулся с места. Через тридцать минут выстрелы стихли. С нашей стороны потерь не было.

9, 10, 11 и 12 сентября рота, не зная отдыха, сражалась в лесу возле лагеря. Почти все эти четыре дня не затихали выстрелы. Немцы по-прежнему упорно не желали сдаваться. Наша рота взяла живьем всего шесть немцев. Они предпочитали попадать в плен к американцам.

12 сентября 1944 года мы вышли из леса, чтобы встретить союзников. По шоссе ползли тяжелые американские танки. Увидев группу вооруженных людей, командир колонны остановил свою машину. Молодой, высокий, худощавый лейтенант легко соскочил с танка и побежал нам навстречу. Я обнял его. Он хлопнул меня по плечу и заглянул в глаза. Русские?! Его изумлению не было границ. К нам уже бежали остальные танкисты. Они громко удивлялись и радовались оттого, что встретили русских союзников так далеко от Восточного фронта. Мы вывели из леса целыми и невредимыми своих шестерых пленных и передали их союзникам. Долговязые парни-американцы, широко улыбаясь, хлопали нас по спинам, хохотали, дарили нам значки. Через несколько минут колонна двинулась дальше.

Конец сентября и почти весь октябрь мы продолжали существовать как боевая единица.

Американцы прошли немного вперед, и немало немецких частей оказалось в нашем районе. Поодиночке и группами вооруженные немцы бродили в лесах, зверствовали в окрестных селах. Мы прочищали леса, брали пленных в населенных пунктах. Часто присутствовали на похоронах бельгийских партизан. Их тела из общей могилы в Льеже переносились на кладбища в родных деревнях.

К концу октября мы все уже жили в селах у своих друзей-бельгийцев. Оружие держали при себе. Однако союзное командование издало приказ о разоружении всех бельгийских партизан. Каюсь, мы повели себя по-партизански. Как только узнали о приказе сдать оружие, часть спрятали, закопали в тайных местах. Бельгийские партизаны разоружались неохотно, бывали при этом и случаи неповиновения.

Ἄδεια δὲ ἔαδι αἱ, εἶτι αἱ ἄεθ

4 ε δὲ οὐ ἄδι εὐ ἰ ἄδὸ ἐγαῖ Ἀαῖ ἴα ε

Γαῖα ἐξ ἰνδραῖν εἰς γαῖαν Ὑὸς οἶοῖται ὁὐερ Ἄ. Ἐὰν αἱ πᾶσαι ἡμῖν ἔρ 1944 ἄνα

Таковы последние страницы записок Григория Цезаревича Лермана. Они нигде не публиковались. К сожалению, Гриша не дождался этой публикации. Киевский еврей, он сражался в Бельгии за общую свободу; получил награду от бельгийской королевы и умер на родине в 2000 году. Похоронен в Киеве.

... И ВСТАЛ ТАНКОГРАД

Галина Кибиткина

Война заставила и работать по-иному. Тысячи эшелонов в труднейших условиях перевезли на восток страны сотни предприятий, десятки тысяч работников. В фантастически короткие сроки в Поволжье, в Сибири и на Урале возобновилось военное производство. К концу войны наша армия имела в своем распоряжении в 5 раз больше артиллерийских орудий и самолетов и в 15 раз больше танков, чем в мирное время.

В годы войны многие руководители-хозяйственники проявили себя как выдающиеся организаторы. Среди них было немало евреев. Заводы, которыми они руководили, часто упоминались в сводках Совинформбюро наряду с сообщениями с фронтов. И вполне справедливо, что директора и главные конструкторы награждались полководческими орденами.

Исаак Зальцман – один из крупнейших организаторов производства танков в военную пору. О нем повествует очерк, присланный из Челябинска.

Король танков. Так его называли американцы и англичане в годы войны. А еще его называли и по сей день называют: Человек-легенда, Заслуженный кировец, Танкоградец № 1. Речь об Исааке Моисеевиче Зальцмане, знаменитом наркome танковой промышленности и директоре Кировского завода в Челябинске времен войны да и последующих лет.

Почти 18 тыс. танков, созданных руками рабочих Танкограда ценой невероятных, нечеловеческих усилий под руководством И. М. Зальцмана, – весомый вклад в Победу над фашистской Германией. А ведь еще были городок тракторостроителей, общежития рабочих, кинотеатры, детский парк, заасфальтированные улицы. Даже челябинская хоккейная команда «Трактор» была сформирована наркомом. Это ли не память о нем?!

И. М. Зальцман умер в Ленинграде в 1988 году. После 1949 года он ни разу не приезжал в Челябинск, хотя очень хотел этого, особенно перед смертью. Он ждал, что его позовут, что о нем вспомнят. Появлялись улицы, названные в честь его соратников, но не в его честь. Открывались мемориальные доски, однако имени Зальцмана на них не было. И приглашений на какое-нибудь из торжественных мероприятий, связанных с юбилеем Челябинского тракторного завода, тоже ни разу не последовало. Почему это происходило? Ответа я не знаю; знаю только, что Исаак Моисеевич горько переживал «умышленное забвение».

Судьба его была трудна, но прекрасна, ибо он всю жизнь посвятил делу. В мае 1987 года он так и напишет: «...До последнего дыхания буду верен и полезен любимой Родине».

Родился Исаак Моисеевич Зальцман в 1905 году на Украине. Родился в местечке Томашполь в многодетной семье портного. «Тяжелым и безрадостным было мое детство, – писал он в своих

воспоминаниях. – Постоянная нужда, тяжелая борьба за кусок хлеба были каждодневными спутниками нашей семьи. С большим трудом родители смогли дать мне начальное образование. В 1919 году я окончил двухклассную народную школу. С 14-летнего возраста начал свою трудовую жизнь».

Четыре года Зальцман работал на свекловичных плантациях и на сахарном заводе. В 1923 году вступил в комсомол и сразу же был направлен на комсомольскую работу.

Весной 1933 года Зальцман успешно защитил дипломный проект в Одесском политехническом институте, получил диплом инженера-машиностроителя. Он с радостью принял предложение работать в Ленинграде на заводе «Красный Путиловец». Начал с должности мастера, а через 5 лет стал директором этого прославленного завода. Ему было всего 33 года! Сложная международная обстановка требовала коренных изменений в работе предприятия. Завод должен был в самое короткое время освоить производство неизвестных прежде машин для нашей промышленности; тракторов новых конструкций для сельского хозяйства, танков и пушек нового типа для Красной Армии. Под руководством И. М. Зальцмана заводчане добились серьезных успехов, и в 1939 году Правительство наградило завод и его директора орденами Ленина. В 1940 году, к началу войны с Финляндией, на заводе был создан принципиально новый тип тяжелого танка «КВ» («Клим Ворошилов»). Первые образцы этих машин с успехом прошли испытание при прорыве войсками Красной Армии линии Маннергейма. В боевых испытаниях танков принимал участие сам Зальцман. И в дальнейшем он сам садился в новый танк и уверенно трогал его с места.

За заслуги в войне с белофиннами, за обеспечение фронта танками и пушками завод был награжден орденом Красного Знамени, а И. М. Зальцман – орденом Трудового Красного Знамени.

В начале войны с фашистской Германией Кировский завод в несколько раз увеличивает производство тяжелых танков. И это при бесконечных бомбежках и артиллерийских обстрелах! Как члену Комитета обороны Ленинграда Зальцману поручили возглавить строительство оборонительных сооружений вокруг города и обеспечить их военной техникой.

Кировский завод находился практически на линии фронта, всего в 4 километрах от врага. Ни днем ни ночью Зальцман не покидал стен предприятия. Его директорский кабинет был подлинным командным пунктом: отсюда осуществлялось руководство сложнейшими боевыми операциями. Зачастую из кабинета директора с оружием в руках кировцы шли защищать подступы к своему заводу.

19 сентября 1941 года за исключительные заслуги в создании и освоении выпуска новых типов танков, за трудовой героизм в блокадном Ленинграде правительство присвоило Зальцману звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Октябрь 1941 года. По решению правительства Кировский завод эвакуировался на Урал. В Челябинск. Зальцмана назначили директором Уральского комбината группы танковых заводов и заместителем наркома танковой промышленности.

Кировский завод слился с эвакуированным из Харькова дизельным заводом и Челябинским тракторным (ЧТЗ). Так в глубоком тылу, на Южном Урале, возник могучий арсенал тяжелых танков и дизель-моторов – Танкоград.

Конец 1941 – начало 1942 года были особенно трудными. Требовалось не только в кратчайшие сроки запустить производство, совершенно новое для челябинцев после привычных тракторов, но и максимально увеличить выпуск танков. А слияние заводов – это не простое арифметическое сложение: столкнулись не только интересы отдельных людей, столкнулись разные подходы к работе, к производству. Разные методы. Каждый коллектив имел свои традиции, каждый завод, как человек, имел свое лицо и свой характер. И это не преувеличение, не метафора. Перед Зальцманом, по существу, стояла задача не менее трудная, чем само производство танков: спаять все коллективы в единую семью. Спаять с одной только целью: выпускать больше, еще больше танков, чтобы победить...

В феврале 1942 года по заданию И. Сталина Зальцман направляется в Нижний Тагил для организации на одном из тамошних заводов массового производства средних танков. За 4 месяца напряженной работы он создал крупнейшее предприятие! Были найдены и обучены рабочие, подобраны специалисты, в цехах созданы специальные потоки – металлургические, механические, сборочные.

За организацию в исключительно короткие сроки массового производства средних танков в Нижнем Тагиле правительство наградило Зальцмана третьим орденом Ленина.

В июле 1942 года Зальцман назначен наркомом танковой промышленности. Наркомат танковой промышленности в годы войны располагался в Челябинске, и Зальцман ни на сутки не прерывал связи с Кировским заводом. В напряженные дни лета 1942 года заводу поручили чрезвычайно сложное и крайне важное дело: одновременно с выпуском тяжелых танков «КВ» организовать массовое производство танков «Т-34». На заводе прежде никогда не изготавливали средние танки. С тем же оборудованием, в тех же цехах предстояло делать две разные боевые машины. Более того – с 1 августа заводу было велено перейти на изготовление улучшенной модификации танка «КВ». 15 июля 1942 года на завод приехали нарком И. М. Зальцман и первый секретарь Челябинского обкома партии Н. С. Патоличев.

«Задача, которая поставлена сейчас, не имеет себе равных, – сказал в своем выступлении перед заводчанами Зальцман. – История не знает таких примеров, чтобы в течение одного месяца весь завод перестроили на новую машину. Считается, что это технически невозможно. В ЦК партии мне так и сказали: “Да, технически невозможно. Но Родине это нужно, и кировцы должны это сделать...”» Через 34 дня с конвейера сошли первые «Т-34».

Ровно через год, в июле 1943-го, правительство поставило перед Кировским заводом очередную задачу: в 50-дневный срок освоить производство нового тяжелого танка «ИС» («Иосиф Сталин»), где будет сконцентрировано всё лучшее из того, что уже достигнуто в танкостроении.

И. М. Зальцман возвращается на свой Кировский директором. Новое задание было выполнено с честью – как и все предыдущие и последующие. Сам Исаак Моисеевич получил орден Красной Звезды. Изучая биографию Зальцмана, а вместе с ней «биографии» его заводов, поражаешься в первую очередь таланту Зальцмана-руководителя: его неординарности, смелости принимавшихся им решений, его умению поставить и решить задачу, воодушевить людей. Колоссальная сила воли, титаническая работоспособность. Достаточно припомнить его военные бессонные ночи (он спал по 4 часа). Это же труд на пределе человеческих сил и возможностей... За годы войны Кировский завод выпустил 18 тыс. танков, 48 500 танковых моторов.

Отгремела война. Наступил мир. Стал перестраиваться на мирный лад и Кировский завод. В кабинете Зальцмана рядом с моделями танков появилась модель нового мощного трактора «С-80».

Перед коллективом завода стояли теперь иные задачи: выпуск тракторов для сельского хозяйства, улучшение материально-бытовых и культурных условий жизни. Но было и другое. Страна едва-едва оправилась после войны, а уже начались репрессии. Возникло знаменитое «ленинградское дело», по которому проходили бывшие руководители города на Неве: А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин, Н. А. Вознесенский...

В своих мемуарах И. М. Зальцман вспоминает: «В 1949–1955 годах мне пришлось пережить тяжелое время: я был сурово наказан по партийной линии в связи с так называемым “ленинградским делом”... Я стойко, честно оценил обстановку и не дал себя спровоцировать, несмотря на различные посулы и угрозы». За отказ от показаний «на преступные замыслы» бывших руководителей Ленинграда Зальцман 6 сентября 1949 года был уволен с работы с формулировкой «не справился с работой» и за «недостойное поведение, выражающееся в оскорбительном, унижающем достоинство советских людей обращении с подчиненными» исключен из партии.

Yòrò m̀èi t̀é m̀àààí à 1942 ã ãó í à çí ài àí è ò ò ò Òàí è í à ã ã ã

Àúá íáí á áíááý ì àòéí á m̀òí à è ò ò ò è í í à è á ã ã

Конечно, эти обвинения состряпаны наспех, но... Методы обращения Зальцмана с подчиненными, подчас диктовавшиеся временем и военной обстановкой, порой были весьма суровыми. До сих пор очевидцы рассказывают, что он мог наставить на мастера заряженный пистолет со словами: «Если не обеспечишь погрузку вагонов, то...» Выходили от него иной раз в полуобморочном состоянии. Все знали, что он был крут и чрезвычайно требователен. Внешне не было в нем простоты, доступности, человеческого обаяния. И всё же именно он, Зальцман, в военные годы построил Шершеневские дачи – деревянные бараки в бору, на берегу реки, – и насильно отправлял туда отдыхать своих измученных от бессонных ночей и недоедания работников. Давал отпуск в 10 дней. Это было неслыханно: отпуск в тылу в военное время. Не выполнить его приказ не могли – боялись. На заводе он был царь и бог. Именно Зальцман вызывал врачей в цех и насильно госпитализировал людей. Что это было? Забота рачительного хозяина о безликой рабочей силе? Или проявление добрых человеческих качеств, упрятанных куда-то внутрь? Думаю, всего понемногу.

Так вот, возвращаясь к сентябрю 1949 года, следует отметить, что, уволив с работы и исключив из партии, Зальцмана по каким-то неизвестным причинам не лишили наград. А он к тому времени был генерал-майор, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, кавалер трех орденов Ленина, ордена Суворова I степени, ордена Кутузова II степени, двух орденов Трудового Красного Знамени и ордена Красной Звезды.

По приказу Сталина И. М. Зальцман стал простым мастером. Он уехал в Орел на небольшой завод, изготавливавший запчасти для танков. Там недавний нарком танковой промышленности руководил сменой в 50 человек. Зальцман любил и умел работать. Это спасло его. Рафаилу Шнейвасу он писал в марте 1986 года: «И я поехал работать мастером на завод. Главное – сохранил жизнь. Ведь некоторые ленинградцы из числа руководителей города были реабилитированы лишь посмертно...»

Самого же Исаака Моисеевича реабилитировали в 1955 году. Принесли извинения, восстановили в партии. Всё, как положено... В 1957 году он вернулся в Ленинград, возглавил строительство опытно-механического завода, затем стал его первым директором. В том же письме к Р. Шнейвайсу он вспоминает: «Как сложилась судьба моей семьи? Когда я вернулся в Ленинград, мои дети, сын и дочь, учились в институте. Мои жена, мать и сестра жили в подвальном помещении... Затем, когда я был приглашен на работу главным инженером “Ленгармса”, улучшились и быт, и жизнь семьи. Далее на моем трудовом пути – построенный под моим руководством опытно-механический завод... Работал с увлечением, чувствуя, что я еще нужен Родине. В 1986 году я ушел на пенсию. Горько переживал смерть жены. Все оставшиеся силы отдавал воспитанию внуков и правнуков, находя в этом радость жизни. Очень надеюсь, что до смерти смогу еще повидать Челябинск, славный Танкоград...»

Умер Исаак Моисеевич Зальцман 17 июля 1988 года.

Короля танков знал весь мир, а город Челябинск отметил его пребывание на Южноуральской земле лишь в 1995 году, открыв на здании заводоуправления ЧТЗ мемориальную доску.

Впрочем, лучше поздно, чем никогда.

МОСТ У КОНДРАШОВКИ

Михаил Палант

В годы Великой Отечественной войны воины-железнодорожники восстановили и построили 2756 больших и средних мостов общей протяженностью в 242 тыс. метров. Об одном из этих мостов и о человеке, который руководил его восстановлением, рассказывается в этом очерке.

29 января 1943 года войска Юго-Западного фронта начали операцию по освобождению Донбасса от немцев. Однако противнику вскоре удалось отгеснить наши части за Северный Донец. Тем не менее в районе Луганска сохранился плацдарм на западном берегу реки; это обеспечивало выгодные позиции для нового наступления. Хотя войска, конечно, нуждались в снабжении боеприпасами, горючим и техникой.

Всё это можно было получить по железной дороге: в 19 километрах от Луганска, на берегу Северного Донца, находилась крупная узловая станция Кондрашовская (в просторечии – Кондрашовка). Можно было – если б не одно весьма существенное обстоятельство...

Закавыка состояла в том, что находившийся у станции мост через реку был полностью разрушен. Поэтому командование распорядилось: принять все меры для быстрого восстановления стратегически важного сооружения. Руководство работами возложили на уполномоченного Народного комиссариата путей сообщения СССР по восстановительному строительству инженера Семена Владимировича Фрадкина.

Собрав всех имевшихся в его распоряжении воинов-железнодорожников с их техникой и при всемерном содействии начальника инженерных войск фронта генерала Л. З. Котляра, Фрадкин со свойственной ему энергией и изобретательностью приступил к делу. Проектные и строительные работы велись фактически параллельно – это сильно сэкономило время. Для сооружения мостовых опор использовался кирпич, добытый из окрестных развалин, в дело шли раздобытые где только можно бревна. Конструкции поднимались не по дням, а по часам. Строительство шло круглосуточно: если люди хоть немного, но всё же и отдыхали по очереди, то техника не знала простоев. Ночью работали при свете прожекторов. Даже вражеские бомбежки не могли остановить строителей.

Казалось, еще немного – и можно будет пускать поезда. Но тут, как назло, закончился скудный запас бревен. Больше в безлесной донецкой степи взять было нечего. И тогда Фрадкин приказал временно демонтировать только что поставленные деревянные опоры сети электропередачи. Ведь столбы – те же бревна! Этот необычный ресурс ликвидировал кризис, приказ командования был выполнен: по восстановленному мосту пошли на запад эшелоны. Плацдарм был сохранен, и уже через несколько месяцев именно отсюда началось освобождение Донбасса.

Но это было еще впереди, а пока к Семену Владимировичу в штабной вагон с командой автоматчиков неожиданно вломился комиссар государственной безопасности Николай Сидорович Власик (бывший как ранее, так и впоследствии начальником охраны Сталина, а тогда находившийся на фронте).

– Ну что, Фрадкин, допрыгался? – недобро ухмыльнулся непрошенный гость. – Приказано тебя расстрелять за вредительство!

Далее выяснилось, что под вредительством подразумевается тот самый демонтаж линии электропередачи.

– Разрешите позвонить в ГКО! – взмолился Фрадкин.

– Кому? – с подозрением спросил Власик. – Если твоему г... (имелся в виду Каганович), то бесполезно.

– Товарищу Маленкову!

– А, ему... Ну ладно, звони.

Всесильный тогда товарищ Маленков рабочее время почти целиком проводил в своем кабинете, при телефонах, посредством которых и осуществлял руководство. К счастью, на сей раз он тоже оказался на месте. Выслушав по аппарату ВЧ твердое обещание Фрадкина срочно восстановить электролинию, он немного подумал и приказал передать трубку комиссару.

– Да, повезло тебе, – буркнул Власик, побеседовав с членом ГКО. – Живи пока. Только смотри, действуй впредь поаккуратней. Понял? Поаккуратней!

А вскоре за заслуги в восстановительном строительстве вместе с другими лучшими железнодорожниками Фрадкин получил в Кремле боевой орден.

События, связанные с мостом у Кондрашовки, – яркий эпизод в жизни этого незаурядного человека. Но всё же только эпизод.

Семен Владимирович (Шлема Велькович) Фрадкин родился в августе 1907 года в семье небогатого портного. Работать начал рано – подростком мыл бутылки на Бадаевском пивном заводе. Очень хотел учиться и с радостью пошел по комсомольской путевке в строительный институт. А вскоре после его окончания оказался в числе первых инженеров, направленных на строительство столичного метрополитена.

Знаменитый чешский журналист Юлиус Фучик, в те годы московский корреспондент газеты «Руде право», писал на ее страницах: «7 ноября 1931 года. На Русаковской улице небольшой, почти интимный, кружок людей торжественно открывает первую шахту первого советского метро. Здесь начинается исследовательский участок подземки. Работают несколько человек лопатами и мотыгами. Более полугода производится исследование. Затем появляются первые шахтные вышки над московской мостовой. Сначала работают десятки людей. Затем сотни, а в половине 1932 года их насчитывается уже пять тысяч. Это – авангард». Так вот, в составе, «почти интимного кружка», а впоследствии и «авангарда» был Фрадкин. Более того, именно он руководил работой того первого, опытного участка. Не затерялся молодой инженер и тогда, когда на Метрострое трудились уже 75 тыс. человек: он стал начальником строительства одной из 13 станций первой очереди метро – «Парка культуры».

Однажды во время работы случилось ЧП: сдали крепления котлована, вырытого на месте будущей станции. Чтобы предотвратить беду, Фрадкин бросился в котлован и провел там с передовой бригадой в самом опасном месте больше двух суток. Со сложной работой по сооружению станции самой первой линии метро Семен Владимирович справился отлично и был в 1935 году награжден за это редким по тем временам орденом Трудового Красного Знамени. Его имя узнала вся страна; Валентин Катаев напечатал о нем очерк в «Правде» (с Валентином Петровичем Фрадкин подружился на всю жизнь).

Был у Фрадкина в 30-х годах близкий друг Саша Яковлев – начинающий авиаконструктор, которому для производственных работ наконец-то выделили на Ленинградском шоссе (теперь проспекте) помещение... кроватной мастерской. Эх, к такой роскоши еще бы настоящий токарный станок! Да где ж

добудешь? Много лет спустя всемирно прославленный Александр Сергеевич Яковлев вспоминал в своих «Рассказах авиаконструктора»:

«Как-то я познакомился с начальником строительства Московского метрополитена П. П. Ротертом и рассказал ему о наших трудностях. Метрострой решил нам помочь и в порядке шефства подарил новенький прекрасный токарный станок “ДиП”.

Станок мы получили, но оказалось, что в дверь нашего “механического цеха” он не проходит. Пришлось втащить его через окно.

После того как появился станок, мы стали свою мастерскую называть заводом. А станок, подарок метро, долго считался ветераном и находился в особом почете – лишь через много лет мы передали его как сувенир ремесленному училищу».

А ведь привел Яковлева к Ротерту, в результате чего и появился отличный станок для создания легендарных «Яков», не кто иной, как Фрадкин! Так Семен Владимирович внес своеобразный, но существенный вклад в становление «фирмы», сыгравшей вскоре огромную роль в завоевании Великой Победы.

Потом Фрадкин руководил строительством станции метро «Аэропорт». Станция была уже в основном сооружена, когда в жизни Семена Владимировича произошел крутой поворот. В начале 1938 года его неожиданно вызвали в Наркомат путей сообщения, где нарком Л. М. Каганович предложил ему принять на себя руководство создававшимся тогда главком – Цустроймонтажем.

Ἀπὸ γὰρ τὸ ἰσθμὸς ἑστὶν ἀδαισίαις. Νῆαί τε αἰετῶν, τὸ ἰσθμὸς τῶν ἀετῶν ἐστὶν ἀδαισίαις ἡμῶν...

В войну Фрадкину довелось применить свои силы и в тылу, и на фронте. Сначала ему поручили лично возглавить строительство новой железнодорожной линии на Урале, получившей в условиях военной экономики стратегическое значение. На выполнение этого задания были отведены предельно сжатые сроки. О суровой ответственности за их срыв предупредил сам Сталин. Фрадкин сроки не сорвал.

Потом была боевая работа на фронтах: в 1942-м – на Южном (Северный Кавказ), в 1943-м – на Юго-Западном (Донбасс, включая восстановление моста у Кондрашовки). Осенью 1943 года в НКПС был создан новый главк – Центральное управление по восстановительному строительству железнодорожных заводов (Цувостройзавод). Семен Владимирович стал его начальником. 6 ноября Сталин подписал постановление правительства о присвоении первой группе высшего руководства НКПС недавно введенных званий железнодорожных генералов. В списке числилось два десятка строителей. Среди них был и С. В. Фрадкин.

Фронт откатывался на запад, и становилось всё больше паровозо- и вагоноремонтных заводов, нуждавшихся в восстановлении. Росла нужда в депо и других предприятиях, требующихся для обеспечения эффективной деятельности транспорта. Насколько успешно справлялся со своей задачей Фрадкин, свидетельствует такой факт: в 1945-м, при награждении работников НКПС по итогам Великой Отечественной войны, он был удостоен высшей награды – ордена Ленина.

После войны его главк расширил границы своей деятельности и стал называться Главпромстрой. Но в 1947 году в жизни Фрадкина совершился новый крутой поворот. На этот раз – совсем в другую сторону... И тут надо вернуться к мосту у Кондрашовки. Тогда, за блестящую работу по его восстановлению, командование фронта наградило Семена Владимировича трофейной легковой автомашиной «опель-капитан». Страстный автолюбитель, он сумел обменять этот «опель» на более мощный и комфортабельный американский автомобиль марки «шевроле», тщательно за ним ухаживал и с гордостью разъезжал на своем темно-синем красавце. Это, видно, кому-то сильно мозолило глаза; в конце концов поступил донос: «шевроле» получен незаконно. Последствия оказались весьма тяжелыми – Фрадкина исключили из партии (членом которой он был с 1926 года), под надуманным предлогом – как якобы не справляющегося с работой – сняли с поста начальника главка и затеяли следствие. После следствия был суд, посчитавший, что определенные нарушения имелись, но, поскольку Фрадкин был награжден орденом Ленина уже после инкриминируемых ему действий, от наказания его освободили. Однако карьера, разумеется, была сломана.

...È òîò æàì ìñò, ìí-òè à òíàíé è ì òíí òíéò ÷ò àéíí à

Ì òíéàò ì àíéíéùéí àíàé, è ìí ìàì óííéàòò ì íàçàà ò òàòíééíé, àíàí òéí àíàí è, ì òíàí àíéíòò æàì.

Правда, в тот момент у него была возможность вновь получить генеральскую должность. Вызвали к Берии, который предложил ему пост главного инженера Главдальстроя. Но Фрадкин от работы в мрачной империи ГУЛАГа решительно отказался.

– Что здесь делает этот человек? – возмутился Лаврентий Павлович, обращаясь к присутствовавшему. – Не хочу его видеть! Пусть немедленно убирается вон!

И Фрадкин незамедлительно убрался, радуясь, что не посадили, – а могли запросто отправить в Магадан, и не главным инженером, а рядовым ээком.

Несмотря на трудные испытания, выпавшие ему на долю, Семен Владимирович никогда не терял самообладания и чувства юмора. Он даже пошучивал: мол, свалившиеся на него в 1947-м неприятности уберегли его от куда большей беды – ведь через пару лет после этого началась кампания против «космополитов». А он был связан с Еврейским антифашистским комитетом, встречался с артистами Госета, в том числе с самим Михоэлсом. Но выпал из обоймы – и стал неинтересен палачам...

Скончался С. В. Фрадкин в августе 1970-го; ему исполнилось всего 63 года.

Урна с прахом Семена Владимировича покоится на кладбище Донского монастыря. Имя его навсегда связано с Московским метрополитеном. Что касается моста у Кондрашовки, то целая пачка любопытных снимков, демонстрирующих ход его восстановления в 1943 году, ныне по праву хранится в фондах Центрального музея Вооруженных сил.

УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ...

Лазарь Шерешевский

В нашем случае – убегали. Из гетто. Из концлагеря. С чердаков и подвалов. Даже из могил, рвов и траншей, куда сваливали евреев, и – неострелянные – пробирались мы (они) к партизанам.

Речь пойдет о двух книгах – израильской («Приговор» Якова Шепетинского) и московской («Воспоминания еврея-партизана» Мейлаха Бакальчука-Фелина).

Документальная повесть Шепетинского шире по временному охвату: предвоенные годы, война, сталинские лагеря, ссылка, советские мытарства, Земля обетованная... Бакальчуку-Фелину досталось вроде бы меньше. Как довоенный польский гражданин, очутился он за границей, книгу свою (на идише, родном языке) издал в Аргентине и умер в 1961 году.

Якову Шепетинскому (в смысле земного пребывания) повезло – дождался внуков. Надеюсь, жив и поныне. Желаю ему долголетия и здоровья!

Осенью сорок второго Мейлах Бакальчук бежал из гетто в местечке Серники на Волыни. Фашисты открыли огонь. Жена и дочь Мейлаха погибли. Уцелевшие двенадцать человек («двенадцать колен Израилевых») и стали партизанским отрядом. Добыли оружие, нападая на немецких солдат и полицаев. Наладили связи с другими соединениями.

Блуждая по хорошо знакомым местам, обрстая всё новыми и новыми добровольцами, партизанский отряд, в котором сражался Бакальчук-Фелин, мирный сельский учитель, сделался частью целой лесной армии, выполнял приказы Центрального штаба, взаимодействуя с Ковпаком, Медведевым, Линьковым...

На страницах «Воспоминаний» вновь встретился мне Герой Советского Союза Антон Петрович Бринский – «дядя Петя», и сердце мое дрогнуло. Много лет (правда, после войны) знал я этого замечательного человека – автора нескольких книг, главная из которых – «По ту сторону фронта». Как о верных боевых друзьях повествует он о евреях, что воевали бок о бок.

Антон Петровича нет уже больше двадцати лет... Но недавно посетила меня его дочь, и я подарил ей воспоминания Бакальчука-Фелина, где рассказано про ее отца.

Собственно, и сам Антон Петрович (гипотетически) мог бы прочесть эту книгу. Ведь Гершон Соломонович Шапиро (1899 – 1993), участник Гражданской и Отечественной войн, правозащитник, организатор еврейского «самиздата», партизанским тишком, в советском (одесском) подполье, изготовил свой перевод аж в 1974 году. Рукопись циркулировала по тайным каналам, сохранившись в архиве инженера-экономиста Якова Вульфовича Левина... И вот дождалась наконец дня и часа – увидела свет!

Сходная судьба и у Якова Шепетинского – польского еврея из города Слонима. Это он, недострелянный, заживо похороненный, недопогребенный, выбрался из общей могилы... Но трагические события не завершились с приходом советских войск.

Яков стал солдатом. Дошел до Берлина. Служил переводчиком в особом отделе...

Ááñíé 1946 áññá íàóé íðñáíú çááñðæáéé íàóéñðá, ÷òí ðááíòáé á íðñíááñíáéñðñéñí áñíáðáðá Áááñáéññá. Íí èñéðáí íá áñðéé, áññòí ÿ - í áñ áñ, óáéáéÿéññý, ÷òí áçÿò á Èðáñíòò Áðñí èñ è íá ááçáððéðñíáéé.

- Áá èáé? - Íòáñí-áò. - Áééæá, ÷áí ááññòé èééñí áððñá, é óðñíòó íá íñáííáééé.

È çááñé òáéñé ðáçñáíò. Í íá ááñéáðú ÿñí, ÷òí èç íáíááéññòé é ááðáÿí áñ æáññòñéñ é íéñí íòíññééññí. Í í íñ-áñ ó óí è-òíæáéé ì èááñí óáá, áðñáíúð ááðáé? Á ÷áí íñé áéñíááðú?

- Áú íé-áñ íá íñíÿéé! - ááñáé òáééññééé íðñíááñíáéññò. - Í èááñíòú - ñáí áÿ áñéññáÿ ñíáñíñðú. Í òááéññí ùá ÿéçáí íéÿðú íá íòéé-áòòñý áñ áóñá íò íáóééð ááðáé, ññááñíñ ááñ-éé. Á áñéé ì áéñ-ééá íá íñááðáéé íáðÿáó íáðáçáíéÿ é èáééñí-òí íáðáçñí ìñíáááð ñí á áðééññéòò ñáí ùò, - òáé ÷òí æá í ù ñááéáéé? Çááðÿçñí èéé ññáññóáñí íòò ðáñí!

Í ááñá ì íéñí é áñçáñí é áññáé ì èááñééé áðáð... ðñéá ñáí á áñçéá á ÿñéé ì éññí áñíñá ñòñéá.. óñéñáí ùé ì áðáéé ì éññíéáðá.. é - áññòðáé.

Ó íáí ÿòíééá íñááóééí ááðáÿí Ñéñíéí á

B. Óáñ áðéñíñéé ññáññòðñé ðááé. Óáéñ-Ááéá

1967 áá

Но судили Шепетинского не за убийство в состоянии аффекта, не за превышение должностных полномочий. Обвинили в связях с английской разведкой, в намерении изменить Родине... Коли сажать, так за государственные преступления! На всю катушку!

Ну и конечно, лесоповальные лагеря на Урале, ссыльная черно-угольная Караганда... Реабилитация... Борьба за выезд в Израиль... Да и там – не райские кущи! Тяжко болеет и умирает жена. Яков Исаакович остается один с маленькой дочкой...

А в Германии арестован военный преступник, прежний гевитскомиссар Слонима, и старого партизана вызывают на суд как свидетеля.

*Á íãñòíγυúáá áðáí γ íαóíαεóííí íá í áíñεε. Ó í áíγ ááíá ñííííááε, ÷áòááíí áí óéíá Áεááí á
áíðíáá Ñéííéí á Í ðεáααεóá á áíñòε, áóóáí ðááúí...*

Ñ óáααáí éáí, Áééòíð

** * **

Óαòá, í áí á, áðεááð!

Ááí óáαεò óéíáááεéò óí!

Áú í εéóíí á σíí áγí áεéò.

Ááεò áðóéíí Ááεò áðóéíí

Í áí á, í áí á, áðáòúíγ!

Óááòεò í ðγòáòúíγ!

Áíéí á óαá éíí ÷εéáíí

Áúóíáεéòá! Áúóíáεéòá!

ЛОУКОЛАМПИ – ЛАГЕРЬ ОСОБОГО РЕЖИМА

Лазарь Раскин

Несколько месяцев назад я познакомилась с Лазарем Залмановичем Раскиным. Мне его рекомендовали как человека, который знает идиш и может перевести на русский язык еврейские народные песни. Он мне очень помог.

Совершенно случайно я узнала, что Лазарь Залманович – фронтовик, был ранен в ногу, его подобрала финские солдаты, отправили в госпиталь. Оттуда он попал в лагерь особого режима для евреев-военнопленных. Оказывается, был такой уникальный лагерь, наверное, единственный на земле. Пробыл в нем Раскин два с половиной года.

Лазарь Залманович написал воспоминания о том времени. Отрывки из неопубликованной повести предлагаются читателям журнала. Рукопись хранится в фонде «Холокост», где мне любезно предоставили машинописный экземпляр. У меня был в данном случае и личный интерес: мой папа «пропал без вести» в конце 1941 года и мне было интересно узнать из «первых рук» о судьбе еврея, оказавшегося в таком же положении.

לַאָזאַר זאַלמאַנאָוויטש ראַסקין

אַדאַאַ נײַאַבאַר-אָאײַ אַנאָאָ

Несколько месяцев я пробыл в должности санитаря. Трудная работа изнурила меня и физически, и морально. Однако это были и месяцы надежды на спасение. Всё же я был под крышей и в тепле. Но многомесячный голодный паек давал о себе знать. Силенок становилось всё меньше и меньше.

Вести доходили до нас самые неутешительные. Финские газеты писали чуть ли не о полном крахе Красной Армии. Отсюда и соответствующее настроение.

Однажды, когда я тащил ведро с баландой, ковыляя на своей больной ноге, меня встретил старшина-узбек.

– Ты Раскин? – спрашивает.

– Я.

– Ты еврей?

От этого вопроса мне сразу стало не по себе. Но деваться некуда. Я ответил утвердительно. Он стал говорить, что долго меня разыскивал и никак не предполагал, что я – это я и что я – еврей. Короче

говоря, он приказал мне сейчас же укладывать шмотки, так как всех евреев собирают куда-то в одно место. Можно себе представить мое тогдашнее состояние. Куда могут собирать евреев в такое время? Дело ясное – очередное восхождение на эшафот. Я быстро сложился, благо складывать было нечего. В очередной раз прощался с Б-жым миром. Меня посадили в машину и в сопровождении того же старшины увезли в неизвестном направлении. В кузове грузовика я сидел один. В госпитале не оказалось больше ни одного еврея. Думаю, некоторые скрыли свою национальность.

Ï Î Î Á Û À È È : Â Ñ Á Ð À Í Î Ï Î Ò Î Ë Ò !

Везли долго и привезли в какой-то городок. Встретил нас финский офицер, чисто говорящий по-русски. Видимо, потомок белогвардейцев. Он принял меня с рук на руки и повел к бараку. Втолкнул туда и запер дверь, у которой стояли финские часовые.

То, что я увидел в бараке, трудно описать, Здесь собралось, наверное, человек сто нашего брата. Кто расположился на полу, кто на двухэтажных нарах. Сидели или стояли кучками и оживленно беседовали, сильно жестикулируя. Я был просто ошеломлен. Неимоверная радость охватила меня. Столько родных лиц, слышалась даже еврейская речь. Но, хотя мы все были рады встрече и оттого возбуждены, мы хорошо понимали: радоваться на самом деле нечему. Знали, что нас ждут большие передраги, если не хуже. Тем не менее в бараке впервые за долгие месяцы было весело. Позже состоялось нечто вроде вечера самодеятельности. Читали стихи, пели песни, советские, любимые. Пели и еврейские. Это был незабываемый вечер.

Утром нас вывели из барака и построили. Здесь же стоял финский конвой. К нам с речью обратился тот самый белогвардеец. Речь его была примерно такого содержания: фюрер поставил себе целью уничтожить всех жидов, чтобы жидовские морды больше не управляли миром, а если фюрер этого хочет, то так оно и будет. Мы, финны, тоже вас ненавидим, но сами вас убивать не станем. Мы вас посадим на корабль и отправим в Палестину. По дороге немцы вас всё равно потопят... Мы стояли как пришибленные. Кончив речь, офицер отдал команду, и нас посадили в грузовики. В каждой машине конвой.

Â Á × Î Î Â Î È Î Á Î Û Á

Лоуколампи – финский поселок. Или городок. Собственно, мы его и не видели. Нас поместили в барак, стоявший посреди крохотного дворика. Вокруг дворика – колючая проволока. Днем и ночью охрана. Мы должны были работать на заводе, который вырабатывал удобрения. Часть наших находилась в другом поселке – Монтула. Там они вкалывали в подземной шахте, где добывали камень-известняк. Этот камень грузили в вагонетки, и по узкоколейке он попадал на наш заводик.

Жили мы в бараке с двухэтажными нарами. Каждый владел своим местом. Никаких матрацев и подушек не было, не говоря уж о белье. Стелили всё то, что надевали на себя. Одежек было много: грязные штаны, рваные телогрейки, шинели и прочее в том же роде. Ведь в Финляндии очень сильные морозы. Посреди барака стояла огромная параша. За ночь она наполнялась, и зловоние становилось невыносимым. Утром дежурные выносили парашу. Поднимали нас рано. Мы надевали на себя всё, что у кого было. На ногах – огромные ботинки, чаще всего на деревянной подошве. Наматывали тряпок, сколько могли. В этой одежде все делались страшно неуклюжими, неповоротливыми.

Одевшись, шли на построение (с котелками). Нас вели на завтрак. Кухня находилась далеко от барака. Обычно охранник требовал, чтобы мы шли с песней. Когда было настроение, пели (запевал Левка Орлов), но мы часто бастовали и не хотели петь. Тогда охранник гонял нас вокруг барака. Раз пятнадцать-двадцать, и всё бегом. Мне эта процедура доставляла страдание, так как болела нога. И всё-таки мы не пели. Изможденные, шли на кухню, получали свою баланду и кусочек хлеба. Возвращались в барак (строим) и поедали холодную баланду. Затем отправлялись на работу. Процедура с питанием устраивалась три раза в день. Мы были настолько голодны, что я нередко подбирал и ел очистки, которые выбрасывали охранники. Так протекали дни в Лоуколампи.

Â Ç È È Á Î Ð Î Á - Ï Ð À Ç Á Î È È

Публика в лагере подобралась разношерстная. В основном – ленинградцы. Директор завода, главные инженеры, просто инженеры, студенты, учителя, работники торговли, рабочие, мелкие служащие. Сейчас всех уже трудно припомнить, но некоторые сильно запали в душу.

Володя Коган – главный инженер какого-то ленинградского завода. Он был намного старше всех нас, такой уже седеющий мужчина. Образованный человек, очень отзывчивый. Мастер на все руки. С ним было очень интересно беседовать.

Соломон Шур – архитектор. О нем я напишу отдельно.

Яшка Раскинд из Белоруссии. Слесарь, но тоже знающий парень. Необычайно добрая душа. Всегда всем поможет, посоветует, со всеми поделится. С ним я был еще долго после плена в Новошахтинске. Потом я уехал, и мы потеряли друг друга.

Сеня Каплун – слесарь-жестянщик из Ленинграда. Хороший товарищ. Хотя и не имел образования, но знал немало.

Мишка Тумаркин по кличке Немец. Добродушный паренек, умел дружить со всеми и всегда помогал, когда надо.

Левка Этинген – почти мальчик. Студент ленинградского вуза. Очень справедливый и принципиальный. Не выносил никакой фальши. Говорил всегда что думает прямо в глаза.

Всех, повторяю, сейчас не упомнишь, но были и не совсем приятные люди. Например, два брата, работавшие в торговле (одного почему-то звали Номер семь). Был даже какой-то Мишка, вор-рецидивист, весь в татуировках. Несмотря на всю «разносортность» обитателей лагеря и на почти невыносимые условия жизни, мы всё-таки представляли собой коллектив единомышленников. Хотя случались и ссоры, и недоразумения, но, в основном, жили дружно. Существовала братская взаимопомощь.

Благодаря этому никто не погиб. Мы все выжили и вернулись домой, а в общих лагерях люди погибали сотнями и тысячами. Мы все были страстными патриотами своей страны. Переживали каждую неудачу наших войск, огорчались из-за каждого отданного врагу города и неизменно верили в победу. Когда Красная Армия перешла в наступление, мы были просто безмерно счастливы. Каждый взятый город для нас – праздник. Если кто-нибудь был из этого города, то он в этот день даже не ходил на работу (как-то это устраивали).

Мы были в курсе событий. Надо сказать, финская печать довольно объективно освещала ход войны. Мы доставали газеты (не помню как). Шур, хорошо владевший финским языком, переводил главное. Я за ним записывал. Каждый день все собирались в бараке, закрывали дверь и начиналась политинформация. Я зачитывал те сообщения, что удавалось перевести из газет; другие передавали то, что узнали из разговоров с финнами. Это были хорошие минуты. Как блестели у всех глаза, когда после Сталинграда начались наши военные успехи!

В конце концов стало тепло, и вечерами мы выходили во двор и пели советские песни. Инициатором всегда был Левка Орлов – москвич, очень славный человек. Пели и еврейские песни. Потом разбивались на маленькие группы и вели душевные беседы. Вспоминали родных и близких, былые хорошие времена. Так как мы всегда были голодны, то разговоры часто уводили нас в область кулинарии. Многие прямо-таки изощрялись в рассказах о блюдах, которыми когда-то лакомились. От этого голод делался еще сильнее; мы потихоньку расходились и заваливались на свои нары.

יָאֵמְרָא אֵלֶיךָ, עֵ. דַאָרְעִי מִדַּאָא

יְדַאָנְוֵעִי וְעֵ «עִי עֹיִץ»

В лагере мы жили так называемыми «колхозами». То есть несколько человек (особенно близких друг другу) объединялись. Так как обобществлять было нечего, то единство носило сугубо духовный характер. В основном сходились люди, близкие по мироощущению, по взглядам, по профессии.

В наш «колхоз» входили Коган, Этинген, Яшка Рыжий, Соломон Шур и я. Неофициальным председателем считался Володя Коган, всеми любимым и уважаемым. Мы очень сблизились и помогали друг другу чем могли. Основная цель «колхоза» – добывать продукты на стороне, чтобы подкрепить силы, таявшие с каждым днем. Наш «колхоз» специализировался на изготовлении алюминиевых колец. В ход шли котелки. Их резали на части и делали кольца. Кольца гравировали, вставляли разноцветные стеклышки, а затем сбывали финнам. У наших «колхозников», особенно у Когана и Яшки, были золотые руки. Кольца получались изящные. Финны за них давали картошку. Всё добытое шло в общий котел. Картошка варилась в мундире и делилась поровну.

Лично я ни делать, ни сбывать кольца не умел. До сих пор не понимаю, как попал в этот престижный «колхоз»: ведь я у них был явным нахлебником. Видимо, взяли из жалости. А может, я им просто понравился – характером, взглядами. И хотя такой приработок имелся далеко не всегда, особенно после того, как кольца начали делать и другие, всё-таки это стало для нас большим подспорьем.

В нашем «колхозе» мне особенно импонировал Соломон Шур. С ним мы сошлись как-то сразу. Шур – бывший архитектор. Кроме того, он обладал настоящей эрудицией во многих областях. Особенно хорошо знал литературу. Очень любил поэзию. Родом был из интеллигентной еврейской московской семьи. В их доме часто собирались еврейские писатели и артисты.

Я поражался его памяти. Он знал наизусть массу стихов. Мог целый вечер читать Пушкина, Лермонтова. Как-то очень долго читал мне лирику Маяковского (я до этого даже не знал, что у Маяковского есть лирика).

Очень любил Тютчева. Знал его, по-моему, всего. Забегая вперед, расскажу совсем недавнее. Накануне операции мы (я, его жена Нина и дочь Белла) прогуливались с ним по аллеям больничного парка. Стояла осенняя погода, холодная и сырая. Говорили на разные темы, старались отвлечь Соломона. Но он как будто и не унывал. И вдруг начал читать Тютчева. Стихи были печальные, безысходные, хватающие за душу. Мы не решались его остановить. А он всё читал и читал. Видимо, предчувствовал беду. Через несколько дней его не стало...

Соломон Шур пользовался авторитетом у всех обитателей лагеря, даже у финнов, которые питали уважение к его знаниям и особенно, конечно, к знанию финского языка. Мы дружили с ним до последних дней его жизни, а семьями дружим и сейчас.

ÈÇÌ ÁÐÒÁÛÕÁ ÈÈÁÛÁ

Дело было зимой. Я работал в бригаде Шура. Бригада называлась строительной. Более правильно, впрочем, было бы назвать ее чернорабочей.

...В тот день мы разбирали старую кирпичную заводскую трубу. Верхушка уже была снята. Мы стояли на мостике, который опоясывал трубу на высоте трех-четырёх метров от земли. Вокруг мостика – железный барьер: он охранял заключенных от падения. На мостике нас было человек пять-шесть во главе с Шуром. Мы ломиками отковыривали кирпичные блоки и бросали их вниз. Работали не спеша. Тихонько между собой переговаривались.

Вдруг раздался страшный треск, а за ним – сильный грохот: рухнула неразобранная часть трубы. Все стоявшие на мостике успели спрыгнуть. Все, кроме меня. В своей неуклюжей одежде я не успел сдвинуться с места. На меня посыпались кирпичные блоки – огромные и тяжелые. Меня прижало к барьеру. Дальше я уже ничего не помнил, потому что потерял сознание. Шур рассказывал потом, что он с ребятами бросился к тому месту, где должен был стоять я. Они стали быстро раскапывать завал. Вдруг он увидел кончик моей буденовки. Вытащили из-под груды камней, положили на пол. Через несколько минут я открыл глаза, начал дышать. Жизнь взяла верх. Всё тело болело и ныло, но ни одной царапины ни на лице, ни на теле не нашли. Это было чудо. Все удивлялись, не могли поверить, что я остался жив. Меня унесли в барак, уложили на нары, а сами ушли на работу. Я знал, что больных финны не держат. Значит, завтра же меня отправят в общий лагерь, где есть что-то похожее на госпиталь.

Вечером пришли ребята. Помогли, чем было в силах. Шур упросил старшего по строительству (финна), чтобы меня не увозили. Но тот поставил условие, чтобы я послезавтра шел со всеми на работу (один день он всё же разрешил мне полежать на нарах). Я был ужасно слаб, но мне дали сравнительно легкую работу – большущей лопатой подбрасывать горячий песок в бетономешалку. Для меня это всё равно был адский труд. Руки совсем не слушались. Очень болела нога, по-прежнему ныло и болело тело. Я думал, не выдержу. Помню, что плакал от бессилия. Кое-как отработал смену. С помощью товарищей добрался до барака и тут же завалился на нары до утра. А назавтра... опять то же самое. Но сделалось уже немного легче.

Так однажды я из мертвых стал живым. А того, кто вернул меня к жизни, больше нет...

Ì Ìñá Ìñá Ìñá Ìñá èÿ èç èááñÿ È. Ðáñéíà (íà ñè èá á óáí òðá) Ì ò ì ðááéé á Ì Ìñá ðáðòé Ìñé, ñá Ì Ì ðááí ò áé Ì Ìñé Ìñé Ìñé èáò.

È ÍÀÌ ÐÌÈÁÕÀÈÈ... ÁÁÐÁÈ

Весенним днем 1943 года нам сообщили, что в лагерь приедут несколько финских евреев. Все страшно изумились. Никто не думал, что в Финляндии вообще есть евреи. Да еще свободно разъезжают. И это в стране, которая воюет на стороне Германии.

И они приехали. Трое немолодых мужчин, представители хельсинкской еврейской общины. Привезли с собой две коробки: одна довольно большая, другая поменьше. Когда мы их распечатали, оказалось, что в одной из них... туалетная бумага (только ее нам и не хватало!). Видимо, кто-то из гостей имел дело с бумажной фабрикой. В другой пачке была маца. Так мы узнали, что приближается Пасха.

Конечно, было бы куда лучше, если бы они привезли побольше хлеба и еще что-нибудь из съестного. Ведь мы хронически голодали, и страшно хотелось хоть раз поесть вдоволь. Всё равно мацу мы тут же смолотили с превеликим удовольствием.

Вечером, после работы, мы вместе с приезжими сели за стол. Они хотели устроить молебен, но из этого ничего не вышло. Среди нас не было верующих. Никто не знал ни одной молитвы, а многие не знали даже идиша.

Тем не менее нам было с ними хорошо. Мы беседовали на простом идише. Само то, что мы видим перед собой живых, здравствующих евреев, было для нас праздником. Ведь мы знали, что делают фашисты с евреями в странах Европы. Они нам рассказали, что финские власти, несмотря на требования фашистов, не только не трогают своих евреев, но и защищают их интересы.

Потом вместе пели песни: еврейские народные (оказалось, что они знают многие из тех же песен, что и мы). Пели и советские, и русские народные песни. Вечер этот запомнился надолго. Несмотря на то что ничего конкретного они для нас не сделали, всё же осталось хорошее впечатление от их приезда. Впрочем, может быть, они кое-что всё-таки для нас сделали. Ребята видели, как они долго беседовали с управляющим заводом (это был очень противный тип по фамилии Лескинен). На какое-то время наша скудная пища стала вроде бы чуть пожирней. Режим тоже ненадолго полегчал.

Один бесценный подарок евреям из Хельсинки точно привезли: несколько книг на идише. Томик рассказов Шолом-Алейхема, томик Переца, еще какие-то книги, а среди них – несколько томов еврейской истории Дубнова. Читать на идише почти никто не умел. Я вслух читал Шолом-Алейхема. Ребята дружно смеялись, а некоторые украдкой стирали слезу. Уж очень пригодился нам Шолом-Алейхем в ужасающей барачной обстановке. Что касается Дубнова, то я его проштудировал основательно, на обрывках бумаги даже что-то законспектировал. Затем прочитал несколько «лекций» по истории евреев. Меня слушали очень внимательно. Ведь большинству история нашего народа была совершенно незнакома.

ÓŌĬÄÈÌ ... ÄĬÌ ĬÉ!

В конце 1944 года был заключен мир с Финляндией. Это вызвало у нас бурную радость. После долгих мучительных лет появился проблеск надежды. Никто, правда, не знал, что ждет его на родине. Не знал, жив ли хоть кто-то из родных и близких. Да и как отнесутся там к нам, пленным? Тем не менее мы все невероятно оживились и стали со дня на день ждать больших перемен.

Недалеке от барака пролежала железная дорога. Вскоре после заключения мира мы заметили, что мимо нас то и дело проходят товарные поезда, битком набитые пленными. Мы догадывались, что эшелоны идут к советской границе. Проходили недели, а о нас словно и вовсе забыли. Эшелоны шли мимо ежедневно и в определенные часы. Тогда мы кое-что придумали.

В центральном лагере, откуда отправлялись эшелоны, был госпиталь. Если кто-нибудь из нас заболел, его обязательно туда увозили. Мы решили отправить на разведку в центральный лагерь несколько «больных». Сразу нашлись желающие. Возглавил их «больной» Шур. Шур обещал узнать, каков порядок отправки домой, долго ли нам еще ждать, как быть и что делать. В один прекрасный день, в то самое время, когда мимо должен был проходить эшелон, мы услышали страшный шум. Было впечатление, что где-то вдали кричат сотни людей. Мы мигом сообразили, что это значит. Сорвали калитку и бросились к железной дороге. Охранники растерялись, не могли понять, в чем дело. Но никого не трогали. Они теперь нас побаивались.

Подбежав к станции, мы увидели странную картину. Изо всех окон и дверей эшелона несло громкое «ура!» и летели какие-то белые камешки. Сначала мы даже испугались: почему в нас бросают камни? Но когда эшелон прошел, обнаружили, что к каждому камешку прикреплена бумажка. На всех бумажках было написано примерно следующее: «Не ждите, пока за вами придут. Идите пешком в лагерь, и через несколько дней поедете домой». Шур сдержал свое слово. Видимо, и сам он был в этом эшелоне, потому что в лагере мы его уже не застали.

В приподнятом настроении вернулись в барак. Решили завтра же утром двинуться в путь. Начали собирать свои скромные пожитки. Сложнее всего было со мной. До лагеря 8–10 километров, а у меня больная нога. Добыли мне палку и решили, что, если будет надо, меня по очереди поведут под руки. И вот настало утро. Все взволнованы, готовятся. Барак оставили в полном порядке. Построились. Я с новенькой палкой – в первой шеренге. И зашагали. Охранники нам не препятствовали. Только на некотором расстоянии шли следом за нами.

Ñaeáíé.

Î àé 2004 ãää

«ÄBÄB ÊÏ ÇÈÈ ÄÈÄ!»

Наш эшелон готов к отправке. Это многовагонный товарный состав. Все вагоны битком набиты пленными, теперь уже бывшими. В вагоне шум, гам. Народ самый разный. Одеты – кто во что. Кто в лохмотьях, а кто выглядит более или менее прилично. Лица в основном заросшие. Глаза ввалились. Признаки тяжело прожитых лет налицо. Мы, человек 20 из еврейского лагеря, стараемся держаться вместе. Едем пока под финским конвоем.

Настроение, если можно так выразиться, «неоднозначное». Конечно, радость огромная – живыми возвращаемся на Родину. Ведь сколько наших товарищей остались в чужой земле... Но при всем том на душе тревога. Никому ведь неизвестно, что с нами станет в дальнейшем. Мы, конечно, понимали, что встреча будет не с цветами.

Но вот поезд начинает тормозить. Остановка. Слегка приоткрываются двери вагонов. Это советско-финская граница. Нас высаживают. Дают время, чтоб немного размяться и оправиться – разумеется, всё еще под присмотром финского конвоя. Затем выстраивают повагонно. Финское начальство передает нас поголовно (в буквальном смысле) советскому. После всех формальностей финны уходят. С этой минуты мы больше не пленные, а свободные советские граждане. По крайней мере, так нам хотелось думать. Но всё произошло иначе.

Снова выстраивают. Теперь уже советские офицеры. По обеим сторонам солдаты с автоматами наготове. Как и раньше – шаг влево, шаг вправо... Ведут к другому эшелону. Сажают в советские вагоны. Они более приличные: полуготоварные, с окошечками.

И вот мы уже едем по своей земле. Родные поля и леса, а на душе всё равно невесело. Опять под конвоем. Едем медленно. Частые и долгие остановки. Не имеем ни малейшего представления о том, куда нас везут. Но вдруг пронесся слух, что мы приближаемся к Москве. Я у кого-то выпросил листок бумаги и карандаш. Написал, что я жив и здоров и нахожусь в Союзе. Просил того, кто найдет это письмо, сообщить обо мне родным. Сложил листок треугольником, написал свой адрес. Когда подъезжали к

столице, выбросил в окошко. Я надеялся, что какая-нибудь добрая душа найдет треугольничек и отправит по нужному адресу.

Потом узнал, что так оно и случилось. Треугольничек попал куда надо. В доме, где жили мои родители и семья брата, царил веселье. Ведь никто уже не думал, что я еще на этом свете. Дети плясали целый день и кричали: «Дядя Лозик жив!»

БЕЛЫЙ ФЛАГ НАД ШПАНДАУ

Владимир Галл

Это произошло 1 мая 1945 года. Над куполом рейхстага уже развевалось Знамя Победы. Шли к концу бои в Берлине, и у фашистов осталось лишь несколько опорных пунктов. Одним из них была цитадель Шпандау на западной окраине Берлина. Ее не удалось взять с ходу. Наши войска обошли крепость, но ее орудия держали под обстрелом мост через реку Хафель, по которому на запад непрерывным потоком шли войска, военная техника, везли боеприпасы. Шпандау было необходимо взять как можно скорее, но не штурмом, ибо советское командование узнало, что в цитадели находятся не только солдаты и офицеры, но и гражданское население – старики, женщины и дети.

Чтобы избежать бессмысленного кровопролития, решили попытаться склонить гарнизон крепости к капитуляции, хотя знали, что эсэсовцы (а их там собралось немало) грубо нарушали все международные конвенции о ведении войны и не щадили даже парламентаров. Совсем недавно они расстреляли нашего парламентаря в Будапеште.

Ранним утром 1 мая майор Василий Гришин и автор этих строк с белым флагом отправились к цитадели. Каждый из нас думал о своем. Я вдруг вспомнил, что несколько лет тому назад в Москве, в Сокольниках, в стенах родного института, ИФЛИ, уже слышал о Шпандау. На лекции по истории Средних веков профессор Неусыхин рассказал нам, студентам, что еще в середине XII века герцог Альбрехт заложил эту крепость в месте слияния рек Хафель и Шпрее. Во главе своих полчищ он совершал кровавые набеги на земли славянских племен и на отнятой территории основал маркграфство Бранденбург. За свой злобный нрав Альбрехт получил прозвище Медведь и с ним так и вошел в историю. Заложенная герцогом цитадель восемь веков простояла на берегах Шпрее как мрачный символ германской агрессии.

И вот мы у цитадели, но нас никто не окликает. Только стволы автоматов смотрят из бойниц и амбразур в нашу сторону. Мы никого не видим, но чувствуем, что за нами следят сотни глаз. Огромные крепостные ворота забаррикадированы, внутрь войти нельзя. Прямо перед воротами стоит «тигр». Ствол его пушки разворочен, гусеницы разбиты, броня орудийной башни изрыта вмятинами. Это выглядит символично: беззубый «тигр» всё еще пытается защитить любимое детище Медведя.

Еще по дороге мы с Гришиным договорились, что переговоры буду вести я, поскольку лучше владею немецким. Но как заговорить, если перед нами никого нет? Чтобы выйти из этого странного положения, я – неожиданно для себя – кричу прямо в ворота: «Халло!» И тотчас на балконе, высоко над нами, появляются два солдата. Они бросают на землю веревочную лестницу. По ней спускаются два немецких офицера.

«Комендант крепости полковник Юнг! Заместитель коменданта подполковник Кох!» – представляются они, вскинув правую руку в фашистском приветствии. (После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года это приветствие по предложению Геринга было введено в вермахте «как знак верности фюреру».) Приложив ладони к козырькам фуражек, мы тоже называем свои имена и звания. Потом от имени советского командования предлагаем немцам сдать крепость и излагаем условия капитуляции: право на жизнь солдатам и офицерам, медицинская помощь больным и раненым, питание. Полковник внимательно слушает нас, затем отвечает:

– Лично я согласился бы капитулировать на условиях, предложенных вашим командованием. Но есть приказ фюрера: если комендант осажденной крепости или командир окруженного соединения капитулирует самовольно, то любой подчиненный ему офицер может его расстрелять и возглавить оборону. Поэтому мое единоличное решение не принесло бы пользы, – он горько усмехается, – ни вам, ни мне...

И вот тут-то происходит самое необычное в этой истории. Мы спонтанно принимаем непредусмотренное решение:

– Господин полковник! В таком случае мы сами поднимемся в крепость и поговорим с вашими офицерами.

Комендант ошеломлен и растерян. Наше предложение явно кажется ему безумным. Думая, что ослышался, он просит:

– Повторите, пожалуйста!

Мы повторяем сказанное слово в слово. Обменявшись многозначительным взглядом со своим заместителем, полковник с сомнением пожимает плечами и указывает рукой на лестницу.

– Ну что ж, пожалуйста! – говорит он, всем своим видом давая понять, что не может гарантировать нам жизнь и безопасность...

Начинаем подъем. Первым карабкается вверх комендант, за ним майор Гришин, третий – я. Замыкает нашу группу подполковник. Я вижу над собой начищенные до блеска хромовые сапоги Гришина, еще выше – краги полковника. Слышу, как сзади тяжело сопит Кох. Ни Гришину, ни мне не приходилось прежде взбираться по веревочным лестницам.

Поднимаемся на балкон, входим в узкую, длинную комнату. Комната полутемная, без окон; тусклый свет проникает только через балконную дверь. Когда глаза привыкают к мраку, различаем в глубине группу офицеров, выстроившихся «подковой». Мы с Гришиным, не сговариваясь, занимаем самую удобную позицию для обороны – встаем у стены плечом к плечу. Конечно, это наивная предосторожность: если фашисты захотят что-нибудь с нами сделать, не поможет никакая удобная позиция.

Я обращаюсь к офицерам, повторяя условия капитуляции. Слушают внимательно. Через несколько минут «подкова» рассыпается на маленькие группы оживленно спорящих людей. По выражению лиц можно понять, что одни, во главе с полковником, за капитуляцию, другие же, в большинстве своем молодые, – категорически против.

Опять выстраивается «подкова». Комендант выходит вперед:

– Господа русские офицеры! Мы, немцы, умеем ценить истинное мужество и восхищаемся вашим благородным поступком: вы не побоялись подняться в цитадель, чтобы предотвратить кровопролитие... – Полковник несколько театрально склоняет голову, выдерживает короткую паузу. – Но мы не можем капитулировать без приказа. Тем не менее у нас есть контрпредложение. Вы только что весьма убедительно, – легкая ироническая усмешка кривит губы герра Юнга, – доказали нам, что война скоро кончится. Даю вам слово немецкого офицера, что в немногие дни, оставшиеся до конца войны, цитадель не произведет ни одного выстрела по мосту. Но ваши войска тоже не должны ничего предпринимать против нас. Когда же верховное командование вермахта издаст приказ о всеобщей капитуляции, сдадимся и мы. Таким образом, и ваши солдаты не будут подвергаться обстрелу, и мы не нарушим свой долг перед фюрером и отечеством...

На первый взгляд это разумный компромисс. В действительности же – замаскированный отказ капитулировать. Я отвечаю:

– Господа офицеры! Советское командование не может принять ваше предложение. Война есть война, а не детская игра, в которой можно не только дать честное слово, но и сдержать его. У нас нет надежных гарантий, исключаящих обстрел моста вашей артиллерией. Советские войска будут вынуждены брать цитадель штурмом. Они возьмут ее, можете не сомневаться!.. При штурме, вполне вероятно, прольется кровь и наших солдат, а уж тогда пеняйте на себя. В этом случае наше командование пойдет на то, что предусмотрено условиями капитуляции. Даем вам последний срок для принятия окончательного решения. Если ваши парламентарии не придут к нашему переднему окопу к 15.00, мы начнем штурм. Комендант Юнг говорил о долге. Советуем вам, господа офицеры, в оставшиеся часы поразмыслить, в чем заключается ваш истинный долг перед родиной: в том, чтобы перед самым концом уже проигранной войны обречь на гибель себя, своих солдат, укрывшихся в крепости стариков и женщин с детьми, или в том, чтобы сохранить и свои, и их жизни для новой, будущей Германии. Если вы откажетесь немедленно капитулировать, вся ответственность за бесцельно пролитую кровь падет на ваши головы!..

С самого начала переговоров атмосфера в помещении была напряженной. Теперь напряжение заметно усилилось. Достаточно кому-то из эсэсовцев истерически выкрикнуть: «А, эти русские свиньи еще угрожают!» – как нас тут же растерзают. Им, слава Б-гу, невдомек, что я еврей! В комнате воцаряется гробовая тишина. Майор Гришин и я поворачиваемся и идем к балкону. По той же веревочной лестнице спускаемся на землю и шагаем к чернеющей невдалеке роще; за ней – наш передний край. Откровенно говоря, хочется ускорить шаг. Но мы сдерживаем себя. Медленно, спокойно (внешне спокойно!) проходим весь путь до рощи.

Ровно в 15 часов перед нашими окопами вырастают два парламентаря с белым флагом. Это всё те же комендант крепости и его заместитель. Я выхожу им навстречу.

– Господин капитан! Мы пришли сообщить вам о своем решении. Цитадель... – Голос полковника дрожит от волнения, на мгновение он даже смолк. – Капитулирует!

Радость наполняет мою душу, но я не подаю виду и невозмутимо, будто выслушивать сообщения о капитуляции вражеских крепостей для меня – самое обыденное дело, отвечаю:

– Поговорим о деталях сдачи.

Через несколько часов мы с Гришиным снова входим в цитадель, на сей раз через разбаррикадированные ворота. В огромном дворе строятся в колонны немецкие солдаты и офицеры. Советские автоматчики уводят их на сборный пункт для военнопленных. К нам подходят Юнг и Кох. Последний неожиданно произносит на чистом русском языке:

– Мы хотели бы попрощаться с вами, господа офицеры...

Он замечает наше удивление и, как бы отвечая на незаданный вопрос, добавляет:

– Я двадцать лет жил в Санкт-Петербурге и немного говорю по-русски...

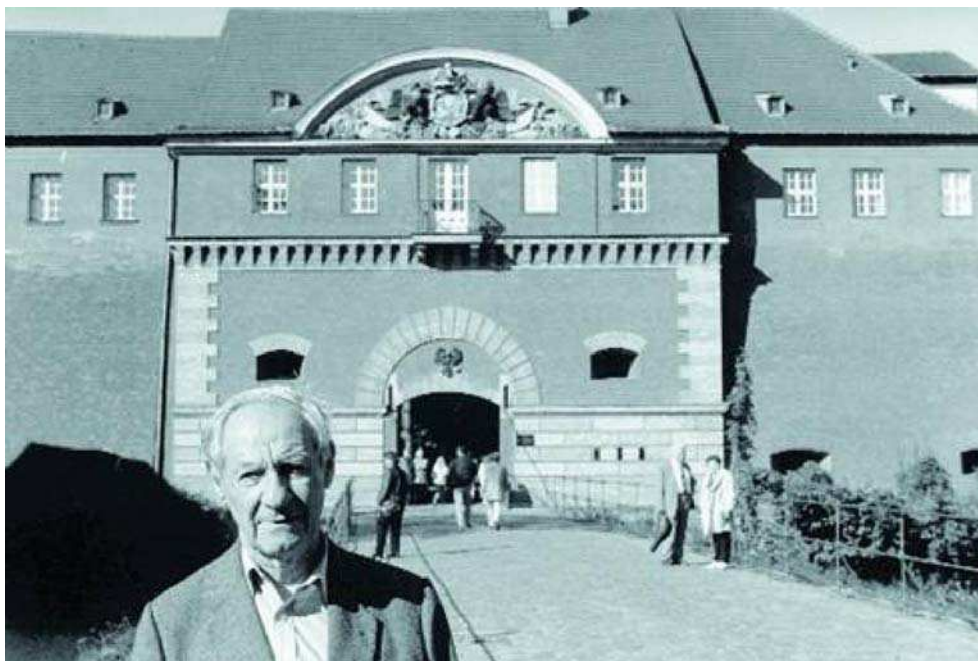
Подполковник Кох явно скромничал: он говорил по-русски очень хорошо, почти без акцента. Так вот почему он всё время был возле нас во время переговоров – и у стен крепости, и внутри. Хорошо, что мы не обронили ни одного неосторожного слова!

Во дворе цитадели столпилось множество штатского народа: женщины с детьми, старики. Это родные офицеров и обитатели Шпандау. На лицах страх и смятение. Что их теперь ждет? Сибирь? Расстрел?

Отдаем приказание в рупор:

– Гражданское население может покинуть крепость и отправиться по домам!

Шумный и пестрый поток устремляется к воротам.

Ὁὰ νῆαι ὑὰ ἀϊ δῖ ὀὰ ἐδῆϊ ἱπὸ ἐ.

Ἰ ἀϊ ἰ ἐϊ ἐ ἀκῆῆ ἰ ἰ, ἡ ἐ ἰ ὀ ἰ δῖ ἂ ἡ ἀδῖ ἡ ἐ ἐ ἀδῆ ἂ ἰ ὀ ἡ ἐ ἂ ἰ ὀ ἰ ἐ ὀ ἰ.

ἰ ἰ ἰ ἀ ἐ ἰ ἀδῆ ἂ ἰ ὀ ἀδῖ ἰ ἰ ἂ ἰ ἡ ἐ ἐ ἡ ἰ ἂ ἐδῆ ἰ ἡ ὀ ἰ ἰ.

* * *

Вечером мы с майором Василием Гришиным докладываем начальнику политотдела армии полковнику М. Х. Калашнику, что задание командования выполнено: цитадель капитулировала, кровопролитие предотвращено. Лицо Михаила Харитоновича, обычно строгое и даже суровое, светлеет, он встает из-за стола и крепко обнимает нас. Честно говоря, ничего подобного мы не ожидали: полковник не страдает избытком сентиментальности...

В соседнем доме, где разместилось наше седьмое отделение, попадаем в объятия друзей; те поднимают бокалы (точнее – жестяные кружки) за наше здоровье.

Вдруг из закутка, где стоит служебный радиоприемник, в комнату вбегает лейтенант Кони Вольф. Он любимец политотдела армии и самый младший среди нас по званию и возрасту: ему 19 лет. Сейчас у Кони какой-то радостно-растерянный вид. Еще неокрепшим, да к тому же и дрожащим от волнения голосом он кричит, стараясь перекрыть радостный шум:

– Гитлер капут!

Бурный взрыв смеха в ответ. Эти слова давно и хорошо знакомы нам, они – пароль для перебежчиков, они написаны на всех листовках, обращенных к немецким солдатам. Но Кони сердится: мы его не поняли.

– Да нет же, ребята, Гитлер действительно капут. Только что я поймал специальное сообщение ОКВ (верховного командования вермахта). Под траурные звуки фанфар диктор замогильным голосом объявил: «Фюрер вместе со своей женой Евой Браун добровольно ушел в мир иной».

Гремит радостное «Ура!»

Но буквально на следующий день Шпандау опять дает о себе знать. Меня вызывает полковник Калашник. Склонившись над картой, разложенной на столе, он делает на ней какие-то пометки красным карандашом, потом говорит мне:

– Ночью большая колонна немцев прорвалась к Шпандау. Хотят сдаться американцам. Наша артиллерия их уже рассеяла. Колонна распалась на группы, а те прячутся в лесах и рощах. Командование фронта хочет избежать стрельбы и смертей. Кому это сейчас нужно? Вам задание: отправляйтесь на агитмашине туда, где скопилось особенно много немцев (он показывает на карте), ведите непрерывную передачу, объясните им всю бессмысленность сопротивления и постарайтесь убедить сдаться в плен...

В голове у меня мелькает тревожная мысль: «Нельзя испытывать судьбу дважды». Но приказ есть приказ. Он должен быть исполнен.

Отправляемся втроем: водитель Коля, Кони и я. Прибыв на место, мы с Кони устанавливаем МГУ на холме, репродукторами к дороге, и, попеременно сменяя друг друга у микрофона, ведем передачу. Репродукторы далеко разносят наши голоса, призывающие немцев сдаваться. И они сдаются. Конечно, вряд ли только потому, что мы так уж убедительно агитируем: скорее из-за того, что положение у них действительно безвыходное.

Перейдя ручей, с поднятыми руками они приближаются к агитмашине, бросают оружие и отходят в сторону. Вскоре возле машины вырастает целая гора из автоматов, карабинов и пистолетов. Я даже еще и несколько фаустпатронов разглядел. С каждым часом толпа пленных увеличивается. На грузовике подъезжает майор Эммануил Казакевич из разведотдела армии. Седьмое отделение тесно сотрудничает с разведотделом, и мы с Кони давно дружим с Казакевичем. Однажды он сказал нам, что до войны был писателем, но мы тогда не совсем поверили будущему лауреату Сталинской премии, автору знаменитой повести «Звезда».

Казакевич обещает прислать нам автоматчиков для конвоирования пленных и машину для транспортировки трофейного оружия.

Начинает темнеть. Мы уже было собрались заканчивать передачу, но у перелеска появляется новая группа немцев. В бинокль видно, что их очень много. Пожалуй, это самая большая группа из всех, что сдались нам в плен. Решаем провести еще один, последний «заход» передачи и усталыми, охрипшими голосами отдаем команду в микрофон.

Вначале всё идет гладко: немцы переходят ручей и направляются к нам. Однако затем происходит нечто неожиданное: вместо того, чтобы поднять руки и двигаться гуськом, они рассыпаются цепочкой и, развернувшись в боевые порядки, приближаются к нам, обходя холм с флангов. В моей голове вновь вспыхивает: «Всё-таки не следовало испытывать судьбу дважды!»

Я говорю Кони:

– Будет нас здесь трое или двое – это ничего не изменит. Уходи, пока еще есть возможность.

Кони отрицательно качает головой:

– Нет, Володя, я останусь с вами.

Мы втроем стоим с автоматами, снятыми с предохранителя, и смотрим на приближающуюся цепь. Нервы напряжены до предела. Немцы уже совсем близко. Кажется, еще секунда – и они бросятся на нас. Но вдруг (очевидно, по команде, которой мы не слышали) они сворачивают боевые порядки, выстраиваются гуськом и с поднятыми руками подходят к нам.

Впереди шествует (именно шествует, а не идет) морской офицер в парадной форме капитан-лейтенанта. Он останавливается в нескольких шагах от нас, молодецки отдает честь, отстегивает от пояса офицерский кортик, молча протягивает его мне как старшему по званию и удаляется, четко печатая шаг. Его солдаты хмуро бросают свои автоматы на груду оружия и тоже отходят в сторону.

С того памятного дня прошло 60 лет, но я до сих пор не могу понять – зачем капитан-лейтенанту понадобился этот спектакль? А может, он действительно хотел атаковать нас, но в самый последний момент передумал?

Подъезжает грузовик с конвоирами. Они загружают трофейное оружие в кузов машины и уводят пленных в тыл, в лагерь. Майор Казакевич сдержал свое обещание.

Но Шпандау не оставляет меня. Прямо наваждение какое-то... В Кладове (пригороде Шпандау) обнаруживаем и везем в штаб нашей 47-й армии Ольгу Чехову. Она была женой великого русского актера Михаила Чехова, племянника А. П. Чехова, уехала с ним в Германию, осталась там после его отъезда в Америку и стала известной немецкой киноактрисой. Я вспоминаю, что еще в начале 30-х годов подростком видел нашумевший фильм «Мулен Руж» с О. Чеховой в главной роли.

Командующий армией гвардии генерал-лейтенант Перхорович гостеприимно встречает актрису и долго беседует с ней. Хотя она не забыла русский язык, я выполняю функции переводчика. Перхорович принимает решение отправить Ольгу Чехову в Москву, и полковник Калашник вместе со мной отвозит ее на аэродром в трофейном «опель-адмирале».

Вернувшись через несколько часов в политотдел армии, мы узнаем, что Ольгу Чехову тем же самолетом вернули обратно, правда, не к нам, а прямо в Берлин. Там она и остается. Ее считают загадочной личностью. О ней ходит множество слухов, и их диапазон весьма широк. По одной из версий, она была, наряду с Евой Браун, любовницей Гитлера, а по другой – секретным агентом советской внешней разведки. Эта последняя версия просочилась даже в российские средства массовой информации.

День 7 мая проходит в обычных хлопотах. Но внезапно Кони Вольф отрывается от радиоприемника и кричит срывающимся от волнения голосом:

– Ребята! Би-би-си передало, что сегодня в Реймсе представители союзников и какой-то высокопоставленный немецкий генерал подписали предварительный протокол о капитуляции. А завтра в полдень по радио выступит Черчилль. Он официально сообщит всему миру, что вечером в Берлине высшие чины союзных армий и верховного командования вермахта подпишут акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Победа!

Трудно описать, что творится с нами. Мы обнимаемся, целуемся. Через мгновение потрясающая новость облетает весь политотдел. Офицеры выбегают на улицу, поздравляют друг друга. Темпераментный майор Григорян хватает автомат и дает очередь в небо. Трассирующие разноцветные пули прорезают темное вечернее небо. Это – предвестник салюта Победы, который прогремит 9 мая в Москве и в других городах нашей Родины...

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ.

(Ī ōāō, ēōī nī ēī àĕ ēñōī ðē × āñēēā ēāādū)

Владимир Берман

Во втором томе «Кинословаря» есть небольшая заметка. Привожу ее с сокращениями: «Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР, режиссер-оператор Моисей Абрамович Шнейдеров – один из старейших работников Рижской киностудии. Родился 18 ноября 1915 года. Окончил операторский факультет ВГИКа в 1939 году. В годы Великой Отечественной войны – фронтовой оператор. В 1942 году за участие в создании фильма “Разгром немецких войск под Москвой” был удостоен Государственной премии СССР. Снимал исторические кадры поднятия красного флага над фашистским рейхстагом в Берлине».

В конце 70-х я записал для «Советского экрана» воспоминания Моисея Абрамовича о последних днях войны. Тогда они не были опубликованы. По словам редактора журнала, количество еврейских фамилий в нем перекрыло все дозволенные по тем временам мерки. Более четверти века мемуары М. Шнейдера пролежали под сукном. Полагаю, настало время, когда они должны увидеть свет. Ниже публикуется отрывок из них.

Ī. Ōīāēāādū ā ī ā ēōīēā ðāēōīō āāā

ī ī āy 1945 ā āā. Ī īñēāāī ēā ēāādū āēō āū çā Āāðēēī.

– Каждый фронтовой кинооператор, – так начал свой рассказ Моисей Абрамович, – сам по себе стратег. Не будучи посвящен в планы военных операций, он должен интуитивно ощущать их ход и в нужный момент оказываться с камерой в том месте, где происходят главные события.

Последние дни войны мы с кинооператором Авениром Софриным провели в расположении 69-й армии. Армия стояла против Франкфурта-на-Одере и ждала приказа о переходе в наступление. Но на этом участке большое наступление не состоялось. Боясь пропустить момент, когда наши войска войдут в Берлин, Софрин и я двинулись к столице рейха. Мы успели снять конец сражения на Зелловских высотах, десятки подбитых немецких танков, дымящееся железо, груды брошенной техники. Затем продолжили свой путь и, наконец, влились в наступающие части.

Читаем на указателях: до Берлина 20, 15, 10 километров. Вот уже и берлинские пригороды с пропагандистскими щитами: «Шпион подслушивает», «Берлин останется немецким»...

Снимаем уличные бои. Чем ближе наши подходят к центру, тем упорнее сопротивляются фашисты. Цепляются за каждый дом, за каждый перекресток.

Узнаю, что в Берлин прибыл кинорежиссер Юлий Райзман, назначенный руководить документальными кино съемками. Фронтовые операторы получают от него съемочные задания. Снятый материал сдается в политуправление 1-го Белорусского фронта; там я встречаю Льва Саакова – в то время начальника фронтовой киногруппы. Получаю приказ срочно перебраться в 3-ю Ударную армию: по сведениям политуправления, воины этой армии будут водружать знамя победы над рейхстагом, а там якобы нет кинооператоров.

Докладываю начальнику политотдела 3-й Ударной полковнику Лисицину о полученном задании. Полковник тотчас отправляет меня в 75-й стрелковый корпус, предупредив, чтобы я ни минуты не медлил.

Ориентируясь по проводам связистов, добираюсь до штаба корпуса. В штаб уже прибыли командующий 75-м корпусом генерал Переверткин и писатель Борис Горбатов. Объявил генералу, с каким заданием приехал. Генерал ответил, что у него в корпусе уже есть два кинооператора. Помог связаться с ними. К аппарату подошел оператор Симхович, сказал, что вместе с оператором Фроленко находится прямо перед рейхстагом. В передовой части. «Здание горит, и из-за дыма почти ничего не видно. Снимаем, что можем...» Это было вечером 30 апреля.

Генерал Переверткин приказал: с наступлением темноты доставить меня на передовую. Пришел солдат, парнишка лет 18-ти, и мы отправились. До сих пор удивляюсь, как мог мой проводник так легко ориентироваться в незнакомом ночном городе. Идем через проломы в стенах, через канавы, шагаем по разрушенным мостам. Добрались наконец до полуподвального помещения, где разместилось командование части и те, кому предстояло поднять над рейхстагом победное знамя. Командир части познакомил меня с будущими героями.

Рассвело, и из окон полуподвала стал виден рейхстаг. Вернее, слабый его силуэт.

Первый кадр в тот день я снял, когда солдаты, выпрыгнув из окна, побежали в сторону площади. Я побежал за ними. Солдаты вскоре залегли. Я тоже упал на землю. Черный от копоти, обгоревший массив здания почти навис над нами.

Солдаты лежали. Красное знамя было прикреплено к груди одного из них. Потом встали и повернулись в мою сторону. Тут мне удалось снять их со знаменем. В объектив кинокамеры я видел, как бегом, миновав лестницу, они скрылись в портале рейхстага.

Боюсь потерять их. Вбегаю в здание. Догнал. Темно, снимать невозможно. Находим выход на крышу. Сквозь едкий дым видим под собой раскаленные металлические балки. Купол рейхстага разбит; подняться на него нельзя.

Принимается решение – вывесить флаг у скульптурной группы над главным входом. Снимаю. Дублей (понятное дело), быть не могло... Весь материал упаковал в небольшую коробку и отправил на проявку в Москву.

За съемки при водружении знамени победы над рейхстагом командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков наградил меня орденом Красного Знамени.

Υοίò ìèì τé Á. Óáεάε ìάεάε 1 í àÿ 1945 áää

Óíòíεíððáíííááíò «Íðááú» è ÓÀÑÑ, íí ìèì äè áíεíóíò áá í áðáíá áí í ìñááí áñ áíÿ.

Í ááðáε ááíí τðááí áí è Èðááíí τé Çááçáú è Í òá: áñò ááíí í τé áíεíú Ì ìò áí áí è, í áááεÿí è.

Оператор Иван Панов, коллега Моисея Шнейдерова, тоже находившийся на площади перед рейхстагом, описал то, что увидел ранним утром 1 мая 1945 года. «Ночь уже на исходе. Небо начинает светлеть, становится рыжеватым... Вот наконец делается более или менее светло, по краям площади прорисовываются контуры развалин, высвечиваются детали... Я вдруг вижу – на крыше, у скульптурной группы, красное полотнище! Как пламя взметнулось оно...

Вставляю в аппарат новую кассету и уже в рамке, в сильном ракурсе снизу вижу полощущийся алый стяг».

Юлий Райзман, режиссер-постановщик документального фильма «Берлин» оставил в своих мемуарах запись: «Все помнят незабываемые кадры штурма рейхстага и водружения на нем красного знамени Победы. Эти кадры удалось снять операторам И. Панову и М. Шнейдерову».

Моисей Шнейдеров умер в декабре 1985 года. За год до его смерти издательство «Искусство» выпустило сборник «Их оружие – кинокамера», посвященный военным кинооператорам. В сборнике помещена статья Ивана Панова «Над рейхстагом – красное знамя», записки Юлия Райзмана о последних днях войны. К сожалению, в нем отсутствуют публикации о Моисее Шнейдерове, снявшем кадры, вошедшие в золотой фонд мировой кинодокументалистики. Имеется только его фотография. Моисей

Абрамович снят в военной шинели с кинокамерой в руках. Под фотографией подпись: «М. Шнейдеров, 1-й Белорусский фронт, Берлин, 1945 год». И больше ничего...

ШТАНДАРТЫ У ПОДНОЖЬЯ МАВЗОЛЕЯ

Ефим Березовский

23 июня 1945 года, за сутки до исторического Парада Победы, нам впервые был дан отдых от тренировок. Командование осталось довольно нашей строевой подготовкой. Да мы и сами видели, что несколько недель репетиций не прошли бесследно. День отдыха ушел на подгонку нового обмундирования. Фуражки, парадные мундиры, галифе, хромовые сапоги – всё, как говорится, с иголочки. Спать легли пораньше, а утром 24-го, построившись, отправились на Красную площадь. Шли под несмолкаемые аплодисменты. Люди заполнили все улицы, хотя час был ранний. Начал крапывать дождь, но мы его не замечали.

Ī ādāā çāāāōēēññ. Ī ādōāē Ā. Ē. Āōēīā

À ãæèããíèè ì àðèà çàñòóèè ìíèèè.

Наш полк, сводный полк 2-го Украинского фронта, выстроился напротив Мавзолея. За минуту до того, как куранты начали отбивать десять, на Мавзолее поднялись руководители партии и правительства, руководители некоторых зарубежных компартий, маршалы.

С последним ударом курантов из ворот Спасской башни на белом коне выехал маршал Жуков – он принимал парад. Навстречу ему на темно-коричневом коне ехал командующий парадом маршал Рокоссовский. Обоих сопровождали офицеры по особым поручениям. Рокоссовский представил Жукову сводные полки фронтов, начиная с самого северного – Карельского; затем шли полки Ленинградского фронта, Прибалтийских и Белорусских фронтов, Украинские.

Маршалы подъехали и к нашему полку, Жуков обратился к нам с приветствием. Мне показалось, что он очень возбужден, как и мы. После объезда войск Жуков произнес речь и закончил ее возгласом «Ура!». Мы в ответ прокричали «Ура!» троекратно. Над площадью гроыхнул артиллерийский залп. Командующий парадом отдал команду прохождения торжественным маршем. Первым двинулся вперед Карельский фронт. Сводный оркестр – 1500 труб! – заиграл походный марш.

...Идет батальон маленьких барабанщиков. Еще один батальон из 200 человек несет 200 знамен разгромленных фашистских соединений. Потом батальон резко поворачивает направо, и к подножью Мавзолея под мелкую барабанную дробь летят гитлеровские штандарты и знамена.

Я потом делился впечатлениями с товарищами. И буквально все говорили, что в этот момент у них от восторга по телу побежали мурашки. А что дождь лил как из ведра, я вспомнил лишь тогда, когда мы вернулись в общежитие, где нас ждал праздничный обед. Вечером состоялся прием в Кремле.

Следующим утром нас построили и объявили благодарность за отменную подготовку к параду. Командировка в Москву закончилась. Кто-то возвращался в свою часть в Европу, а многие на Дальний Восток, готовиться к войне с Японией.

Èç-çà í àí í à àú àí ç à ó ó í ú é í à ò à à í à ù ò ì y è ù ù .

È í à ò à ò í à è è ù ò ò è ç à à í à 46-à à e à í ù è í à ù í è è à í í : í ù ò à ù à à ò à è ò í à u è è í à

Ñ ò à à è à à à ò à è ó à à - à à à à à ò ù ì y ò ù Á à ò í à à Ñ í à à ò ù è í à Ñ í ç à è Ò í ù è .

È à ò ì í à à à è ò à è è .

ВО ВСЕХ АРМИЯХ

Анатолий Вайнер

Около миллиона евреев отважно сражались на фронтах второй мировой войны в составе вооруженных сил стран, вступивших в борьбу с фашистской Германией и ее союзниками. Их подвигам посвящено немало исследований, а также изрядное число публикаций в западной прессе. В России о них известно не так уж много. Тем важнее посвященные этой теме работы наших соотечественников – доктора исторических наук Ф. Свердлова и его соавтора, доктора исторических наук Э. Гринберга.

Наибольшее число воинов-евреев, сражавшихся в составе союзных армий, было из **Соединенных Штатов Америки**. По некоторым данным, их количество доходило до 600 тыс. человек. То есть примерно каждый седьмой-восьмой еврей США был в вооруженных силах. Они составили 3,4% от всей численности американских войск. Среди сражавшихся на фронте евреев было 6 генерал-майоров, 12 бригадных генералов, 4 адмирала, 3 контр-адмирала.

За боевые подвиги 36 тыс. воинов-евреев были удостоены правительственных наград. Трое из них – сержант Исидор Вакман, лейтенант Раймонд Зусман и генерал Моррис Роуз – получили высшую награду в США – «Почетную медаль конгресса» («Медаль Славы»). Весомый вклад в победу внесли американская морская пехота и десантные войска («морские пчелы»), которыми командовал еврей – контр-адмирал Бен Мурер, награжденный многими орденами и медалями США, Великобритании и Франции.

В 1945 году президент США писал: «Патриотизм и героизм наших граждан иудейского вероисповедания, чем мы гордимся, – это удар по фанатикам и ненавистникам».

В Вооруженных силах **Великобритании** служили воины-евреи из **Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР**.

С началом войны 30 тыс. евреев вступили в английскую армию. Затем численность евреев там возросла до 62 тыс., что составляло 13% от численности еврейского населения островов. Только в авиации воевали 14 тыс. евреев. В 1944 году была сформирована Еврейская бригада. Умелыми военачальниками проявили себя 6 генерал-майоров и 5 бригадных генералов.

Под командованием еврея Мартона Менделя полк первым ворвался в Германию.

Из проживавших в **Канаде** 160 тыс. евреев почти 17 тыс. воевали в составе британских войск в Европе, Африке и Азии.

Из 25-тысячного еврейского населения **Австралии и Новой Зеландии** 4 тыс. человек воевали на различных фронтах в составе союзных войск.

Это были преимущественно высококлассные летчики и моряки. Когда ЮАР вступила в войну, в числе первых воинов-добровольцев оказались евреи. Каждый десятый еврей вступил в ряды армии.

Во **Франции** евреи приняли активное участие в рядах французского Сопротивления.

В созданной генералом де Голлем Освободительной армии сражалась бригада «Свободная Франция», в которой служили сотни воинов-евреев. Около 700 из них удостоены французских боевых наград.

Большая роль в освобождении Франции принадлежала подпольщикам и партизанам. В партизанских отрядах «маки» не менее 20% составляли бойцы-евреи. Они провели около 2 тыс. боевых операций, в том числе 750 диверсий на железных дорогах. В 1944 году они были в первых рядах восставших против оккупантов в Париже, Лионе, Тулузе.

В Польше воины-евреи вступили в бой с немецко-фашистскими поработителями в первый же день второй мировой войны. За месяц кровопролитных сражений погибло 35 тыс. евреев. Многие оказались в германском и советском плену.

После разгрома Польши воины-евреи были разбросаны по всему миру. 30 тыс. вступило в Красную Армию, 14 тыс. – в образованную во Франции польскую армию. Нескольким тысячам евреев пришлось служить в созданной на территории СССР польской армии; многие из них потом перешли в еврейские палестинские военные формирования. Это они позже заложили основы Армии обороны Израиля.

На советской территории была сформирована польская дивизия имени Костюшко под командованием З. Берлинга, выросшая впоследствии в Польскую народную армию. Один из основателей армии – генерал Кароль Сверчевский (Вальтер), бывший командир 14-й интернациональной бригады в Испании и 248-й стрелковой дивизии Красной Армии, в дальнейшем командующий 2-й польской армией, заместитель министра обороны Польши.

Àì àdècáí ñècá àí èíèà òí òíèòòò ò òíèó à Ààòí àí èè.

À àòí èè ÑÒÀ ñààc àéíñíáí 600 ò òñ àáòcáá

В начале 1944 года в Польской народной армии воевало 4 тыс. евреев, из 598 командиров 203 были евреями. Польскими и советскими орденами награждены более 100 воинов, а капитану (будущему генералу) Юлиусу Хюбнеру присвоено звание Героя Советского Союза.

Многие воины этой армии вошли позже в состав ЦАХАЛа и отважно сражались за независимость Израиля. В Центральной Польше в 1942–1943 годах действовали 27 еврейских и 13 смешанных партизанских отрядов.

В варшавском гетто в июле 1942 года еврейские подпольные организации образовали Еврейскую боевую организацию, готовившую вооруженное восстание. 18 апреля 1943 года началось знаменитое Варшавское восстание евреев. Планируя покончить с восставшими за один день, гитлеровское командование бросило против них дивизию СС, артиллерийскую бригаду, батальон танков, два батальона пехоты, авиаполк и другие части. Но, потеряв около 2 тыс. солдат и офицеров, фашисты за месяц ожесточенных боев не сумели сломить сопротивление героев.

В августе 1944 года варшавские евреи вновь приняли активное участие в восстании. Оно было жестоко подавлено. Многие участники восстания погибли.

5000 евреев были в армии **Югославии**. О том, сколько их сражалось в партизанских отрядах, статистика умалчивает. Партизаны отвлекали регулярные части вермахта, наносили немецким войскам чувствительные удары.

32 тыс. евреев, ставших впоследствии гражданами **Государства Израиль**, задолго до его официального образования сражались во всех армиях стран антигитлеровской коалиции. Многие из них потом были доблестными защитниками своего молодого государства.

В **Греции** накануне войны проживало 77 тыс. евреев; 13 тыс. сражались с оккупантами. Среди них – 343 офицера. В их числе национальный герой Греции полковник Мордехай Фрагги.

Во время оккупации большинство евреев воевали в партизанских отрядах «Греческого национально-освободительного фронта» (ЭАМ) в лесах Эпира.

В **Чехословакии**, где в годы Катастрофы погибло почти 80 тыс. евреев, борьба с нацистами велась и на фронте, и в тылу врага. В 1939 году евреи сражались в составе Чехословацкого легиона под командованием полковника Людвиг Свободы (будущего президента Чехословакии) на территории Польши, в 1940 году – в 1-й Чехословацкой дивизии во Франции. После поражения Франции из воинов дивизии в Англии была сформирована бригада, треть которой составляли евреи. Бригада участвовала в открытии Второго фронта в Нормандии. 2500 чешских солдат и офицеров-евреев воевали на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В 1942 году Л. Свобода на территории СССР сформировал Чехословацкий пехотный батальон. Из 1000 воинов 600 были евреями, 500 из них пали в боях смертью храбрых.

В **Словакии**, где с 1938 года утвердилась профашистская власть, положение евреев оказалось ужасающим. Тысячи их были депортированы в лагеря смерти.

Однако сопротивление не прекращалось. Следует особо выделить Словацкое народное восстание в августе 1944 года. Все евреи, способные носить оружие, примкнули к восстанию, в котором участвовали 60 тыс. солдат и офицеров Словацкой армии и 15 тыс. партизан.

В **Бельгии и Голландии**, оккупированных германскими фашистами в мае 1940 года, проживало около 250 тыс. евреев; более 150 тыс. из них были депортированы в лагеря смерти.

Многие евреи из числа оставшихся активно участвовали в Национальном движении Сопротивления. 13 тыс. воинов-евреев Бельгии и Голландии сражались на фронтах в армиях стран антигитлеровской коалиции.

Вклад евреев в движение Сопротивления высоко оценен бельгийской общественностью. В центре Брюсселя воздвигнут памятник с указанием имен, дат рождения и смерти 242 бойцов-евреев, павших в борьбе с нацистами. На памятнике по-французски, по-голландски, на иврите и на идише написано: «Слава евреям Бельгии, погибшим в боях с захватчиками».

К сожалению, немного найдется подобных памятников на территориях других государств – государств, земли которых, во имя их освобождения, обильно политы кровью еврейских бойцов.

Вторая мировая война – это незабываемая глава в истории еврейского народа, глава, повествующая об огромной его трагедии и о великой боевой славе.

Следует заметить, что при отборе имен, при установлении числа евреев, принимавших участие в вооруженной борьбе, всякий раз неизбежно возникают серьезные трудности, а порой – неодолимые препятствия. Скажем, по ряду обстоятельств многие евреи утрачивали свою документальную принадлежность к еврейству. Приведенные выше сведения о численности бойцов-евреев, другие данные могут быть не совсем точны. Но если цифры нужно корректировать, то только в сторону увеличения. Можно смело утверждать, что количество воинов-евреев и подвигов, совершенных ими в годы войны, было гораздо больше, чем зафиксировано в анналах истории.

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

Самуил Крупкин

Задолго до того, как летчик сядет за штурвал самолета, идет невидимая, но отчаянная борьба конструкторской мысли: борьба за скорость, вес, живучесть и массу других параметров. Борьба конструкторов разных стран.

Считалось, что в середине 30-х годов советские истребители не уступали зарубежным. Однако в небе Испании прошла проверка боем, и выяснилось, что немцы ушли вперед. Нашим летчикам храбрости было не занимать. Но, когда противник быстрее, маневреннее тебя, у него пушка, а у тебя пулемет, тогда одной смелостью не возьмешь.

Изучив опыт боев в Испании, руководство страны приняло меры к развитию авиации на современном уровне. Когда подвели итоги своеобразного конкурса конструкторских бюро, то оказалось, что наиболее перспективные модели разработали КБ, возглавляемые молодыми конструкторами – Яковлевым (Як-3), Микояном с Гуревичем (Миг-1) и Лавочкиным в содружестве с Горбуновым и Гудковым (ЛаГГ-1).

К этому времени Семен Алексеевич Лавочкин успел поработать у Андрея Николаевича Туполева, многому у него научился. Туполев заметил вдумчивого инженера, пригласил его в Наркомат авиационной промышленности, где Лавочкин начал самостоятельно работать в содружестве с Михаилом Гудковым и Владимиром Горбуновым.

Так, в невероятно тяжелых условиях – не было своей производственной базы, не хватало специалистов, – родился ЛаГГ-1, передовой по тому времени истребитель. И так начался путь Семёна Алексеевича Лавочкина – дважды Героя Социалистического Труда, генерал-майора инженерно-авиационной службы, члена-корреспондента Академии наук СССР, четырежды лауреата Государственной премии, кавалера многих орденов, в их числе и полководческих – орденов Суворова I и II степеней, депутата Верховного Совета СССР. Автор – главный специалист НПО им. Лавочкина.

Семен Алексеевич Лавочкин был и ученым, и руководителем коллектива, и государственным деятелем. Но главная его ипостась – Конструктор с большой буквы. Смелость его мысли – поразительная. На первый взгляд предлагаемые им решения – абсурдны, такого никогда не было... Но проходило время, предложение обретало черты реальности, и приходилось констатировать: гениально!

Об одном таком новаторском предложении Лавочкина доложили Сталину. Он недоверчиво отнесся к нему: самолеты делали из металла, из алюминия, а Семен Алексеевич предложил использовать дельта-древесину, пропитанную особыми составами. Нарком авиационной промышленности Алексей

Иванович Шахурин взял образцы этой древесины и вместе с Лавочкиным прибыл в Кремль. Сталин с недоверием выслушал доклад конструктора, подошел к изделиям из дельта-древесины, вынул изо рта свою знаменитую трубку и горячей стороной положил на дерево. Оно даже не обуглилось. Тогда Сталин взял перочинный нож и стал скрести и резать поверхность. Она осталась неповрежденной.

Дельта-древесина была тяжелее алюминия. Но, когда снаряд или даже крупнокалиберная пуля попадали в металл, он от пробоины тотчас распался, и образовывалась крупная дыра, а то и вовсе отпадали большие куски. В древесине же снаряд и пуля делали только дырки, и самолет не терял живучести. Летчики рассказывали, что они приводили истребители Лавочкина на свои аэродромы и насчитывали в машине до 70 пробоин! Живучесть необыкновенная! Потому и любили летать на них.

Воздушные бои продемонстрировали отличные летные качества машины Лавочкина, но выявили и недостатки, которые надо было устранять. Производственники знают, что в условиях серийного выпуска вносить какие-либо изменения чрезвычайно трудно. Но делать это было необходимо, хотя прибавились еще и организационные трудности: часть КБ переехала в Тбилиси.

Семен Алексеевич нервничал, понимал, что частными усовершенствованиями боевой потенциал машины существенно не поднять. Нужен был новый самолет. И он с группой ближайших сотрудников работал над ним. Условий не было никаких, Ла-5 создавался почти тайно. Стоит с горечью отметить, что даже в то тяжелое время кое у кого личные амбиции и интересы своей фирмы брали верх. Я имею в виду работников другого КБ.

Но наперекор всему чудо свершилось: Ла-5 родился! Наступил день испытаний. Ла-5 летал чинно, по кругу, а Як выделял в небе сложные пируэты. Первый секретарь Горьковского обкома партии М. И. Родионов сказал Лавочкину: дескать, видите, какая разница. Семен Алексеевич попросил послушать доклады испытателей. Летчики коротко доложили о своих впечатлениях. При этом Иван Федоров, пилотировавший Як, заметил, что машина Лавочкина не хуже, а в некотором отношении лучше конкурента.

– Не верите?! – воскликнул испытатель. – Могу доказать!

И поднял Ла-5 в воздух. Присутствовавшие на аэродроме были в изумлении: машина творила чудеса. Родионов доложил Сталину: у Лавочкина качественно новый самолет.

А вскоре Семен Алексеевич лично докладывал Верховному Главнокомандующему о новом самолете. Постановлением ГКО его тут же запустили в серию на нескольких заводах. Но не всё оказалось так гладко: серийные самолеты отличались от опытного образца. ГКО принял на этот счет специальное постановление.

Семен Алексеевич не опустил руки, он работал с удвоенной энергией: выезжал на фронт, встречался с летчиками – асами и молодыми, внимательно выслушивал их замечания, советы. На Ла-5 летали знаменитые трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин. Иван Кожедуб на машине Лавочкина сбил 45 немецких самолетов. Не знаю, правда это или «летчицкая байка», но говорят, когда Кожедуб приходил на аэродром, то приветствовал свою боевую машину по всей воинской форме.

Как ни хорош был Ла-5, но военные требовали улучшить разные характеристики. Одним из основных требований было увеличить дальность полета. Бомбардировщики летали всё дальше за линию фронта, их нужно было сопровождать. Главных конструкторов вызвали к Верховному. Семен Алексеевич знал, о чем пойдет речь, он не раз уже вместе с сотрудниками всё просчитывал. И каждый раз приходил к выводу: на тот момент еще не было резервов для увеличения дальности полета. Все подобные попытки должны были привести к ухудшению других летных качеств.

Сталин выслушал заверения ряда конструкторов о том, что они выполнят его задание. Рапортовали так все, кроме Лавочкина. Семен Алексеевич потом рассказывал, что Сталин спросил его: «Значит, моего предложения ваш самолет не принимает?» Конструктор ответил: «Не принимает, товарищ Сталин, не могу». Сталин предложил: «Посидите, подумайте». Семен Алексеевич сел, через некоторое время повторил доводы, почему сегодня Ла-5 не может летать дальше... Все ждали грозы – ведь известно было, что Верховный не терпел возражений. Но Сталин неожиданно миролюбиво закончил: «Ну что я могу сделать? Не хочет! Что ж, оставим так».

Семен Алексеевич, конечно, не оставлял намерения усовершенствовать машину. Заочный ожесточенный спор советских и немецких конструкторов продолжался. Немецким специалистам были известны наши последние разработки – советские машины рано или поздно оказывались у них. Но и к нам попадала трофейная немецкая техника. И знакомство с ней подтверждало: советская конструкторская мысль опережала германскую.

Истребитель Ла-7 (1944 года) имел на вооружении уже две пушки и развивал скорость 680 км/ч. Напомню: ЛаГГ-3 (1941 года) – 585 км/ч; Ла-5 (1942 года) – 600 км/ч; Ла-5 ФН (1943 года) – 650 км/ч. Очень важно, что каждая новая модель была технологична при изготовлении в серии. Это позволило в годы войны изготовить для фронта 6500 истребителей ЛаГГ-3, 10 000 – Ла-5 и 5750 – Ла-7. Всего свыше 22 тыс. самолетов! Другими словами, каждый третий (!) истребитель, воевавший в годы войны, был создан Лавочкиным. Трудно сказать, сколько машин противника сбили наши пилоты, летавшие на Ла.

Разумеется, главному конструктору помогали десятки, сотни талантливых людей. Он умел подбирать кадры, доверял им, но и спрашивал крепко. Интеллигент, он никогда не повышал голоса, когда был недоволен действиями работника, не унижал его. Впрочем, за многие годы работы я был свидетелем двух необычных ситуаций.

Одна фирма не поставила в оговоренные сроки разъемы. Семен Алексеевич пригласил главного конструктора фирмы к себе. Тот с ходу стал жаловаться: этого нет, того не дают, главный технолог – такой-сякой... Лавочкин выслушал его и, едва сдерживая гнев, произнес: «Я бы вас и рядовым чертежником не взял. Перестаньте плакаться, идите и работайте». Это подействовало...

Γὰρ ἐξ ἐσῶ-σέθ' εἰπὸ δάκρυά τ' ἀέρι ἀοιδῶν ἰ ἐδῆ τ' ἀέ ἀίετ' ἠ εἰπὸ δάκρυα Ν. Εἰπὸ-εἰτ' ἄ

Υἱὸν ἄε ἰ τ' ἐσῶ-σέθ' ἀίετ' ἠ εἰπὸ δάκρυα

В другой раз я зашел по важному делу в кабинет Лавочкина. И первый раз увидел, как он, весь красный, довольно громко распекает старшего инженера за нерасторопность.

Особенностью главного конструктора было то, что он всячески поощрял инициативу, призывал спорить с ним, с другими авторитетами. Вспоминаю такой случай. Обсуждали проектное предложение, Семен Алексеевич предложил что-то переставить. Молодой парень в ответ ляпнул: «Вы ерунду говорите!» Повисла мертвая тишина... Заместитель Лавочкина чуть ли не за шиворот выволок наглеца и напомнил ему, кому он такое сказал. А Семен Алексеевич как ни в чем не бывало продолжал обсуждение. Когда оно закончилось, парень подошел к Лавочкину и стал извиняться. Главный в ответ только улыбнулся: мы ведь спорили! Подумаешь, какое дело – ну, не так сказал... «Идите работать!»

Семен Алексеевич умел ценить своих работников, горой вставал на их защиту. Виктор Иванович Смирнов, ветеран нашего КБ, рассказывал, как, запуская в производство одно изделие, он значительно уменьшил его размеры. Специалисты из НИИ предъявили ему претензии и заставили делать так, как они рекомендовали. Пришлось подчиниться. Но практика показала, что прав был Смирнов, – и Семен Алексеевич настоял на «инженерной реабилитации» своего сотрудника. А когда однажды некое изделие отказало из-за дефекта в конструкции и потребовали привлечь к ответственности работников КБ, он заявил: «Я – главный конструктор, я за всё отвечаю».

Лавочкину приходилось работать в разных регионах, и везде он находил взаимопонимание с руководителями городов и областей. Его часто поддерживали, но и он не оставался в долгу. Семен Алексеевич одним из первых решительно взялся за строительство жилья для своих работников. Он ломал бараки и на их месте возводил современные дома. Если подсчитать, наверное, половину подмосковного города Химки застроило НПО им. Лавочкина.

Семен Алексеевич был очень смелым и принципиальным человеком. Почти сразу после войны Берия подготовил расправу над бывшим во время войны наркомом авиационной промышленности А. И. Шахуриным. Была создана специальная комиссия, которой поручили собрать «компромат». На одно из заседаний пригласили Лавочкина. Он спокойно и обстоятельно рассказал о большой плодотворной работе наркома во время войны.

А история с «безродными космополитами»? Близкие ему люди говорили: «Семен Алексеевич, ты еврей, многие твои ближайшие помощники – евреи. Своих “безродных” и так сверх меры, а ты еще берешь уволенных из других КБ...» Действительно, многих выдающихся специалистов изгоняли под флагом «борьбы с космополитами». А Лавочкин охотно приглашал их к себе, основными критериями в его решениях были порядочность человека, его качества как специалиста, а какой он национальности – Лавочкина не интересовало. Согласитесь: в тех условиях это было очень смелой позицией.

*Ν. Έαατ:έεί :απότ απόδα:αέτττ πάλιααττ ε έαο:έείατ ε, ατ ετ αοαέτττ τ δειπώοεάαέτττ ε εδ ζατ α:ατ έττ ε
τ δαάέττ αάτ έττ.*

Τ τέδτσεείό (τττττ) απότ:οτ δατττττττττ Έαατ:έείό

Удивительно, но борьба с «космополитизмом» обошла наш коллектив стороной. Нахожу этому только одно объяснение: Лавочкина очень ценил Сталин, а его подручные знали мнение «хозяина» и не решались трогать конструктора.

Жизнь ставила перед коллективом всё новые задачи: самолеты со сверхзвуковой скоростью, ракеты, луноходы... Это уже другие страницы славной истории коллектива, послевоенные. И сегодня они пишутся, увы, без Семена Алексеевича. Он был не совсем здоров, когда шли испытания невиданного доселе комплекса «Даль». Испытания шли трудно, руководство нервничало. Хрущев потребовал, чтобы руководители КБ лично присутствовали на испытаниях. Министр распорядился командировать Лавочкина на южный полигон. Стояла страшная жара. Семену Алексеевичу стало плохо, а врача в коллективе почему-то не оказалось... Вызвали доктора из воинской части. Тот прибыл быстро, но всё-таки оказалось уже поздно... Семену Алексеевичу не было еще и шестидесяти. Сколько бы он сумел еще совершить!..

РАБИНОВИЧИ – ОТ АБРААМА ДО ЯКОВА

Илья Моисеев

Вы любите рассказывать анекдоты? А слушать? Анекдот, по определению Владимира Даля, – это сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка. Почему-то принято говорить: еврейский анекдот, грузинский, армянский. Анекдоты бывают смешные, очень смешные, так себе, злые, с нехорошим душком, просто неприличные.

В так называемых еврейских анекдотах почти всегда присутствует одна фамилия. Какая? Правильно, Рабинович. Почему? Просто это весьма часто встречающаяся еврейская фамилия.

Никто не подсчитывал, сколько Рабиновичей ушли из жизни уже после Победы – раненых, искалеченных, не вынесших напряжения военного лихолетья. Никто не знает, скольких Рабиновичей варвары XX века расстреляли, повесили, закопали живьем в ямы, сожгли в печах лагерей только потому, что их матери были еврейками.

Пусть не покажется вам кощунственным переход от анекдота к скорбному. В «Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» целый ряд страниц, на которых одна и та же фамилия – Рабинович. Только имена и отчества разные. Разные даты рождения и смерти, места, откуда призывались в армию, звания. Фразы «Погиб в бою», «Умер от ран», «Пропал без вести» тоже ведь отличаются по смыслу. И не везде сказано, где похоронен.

Чуть более 200 Рабиновичей не вернулись с войны. Погибли с оружием в руках, защищая свою землю, свои семьи, меня, вас, всех ныне живущих. Открывает скорбный список А. С. Рабинович. Неизвестно, как его звали, сколько ему лет. Известно лишь, что этот красноармеец призывался Московским горвоенкоматом и погиб в 1941 году. Следом за ним – Абраам Яковлевич Рабинович. Погиб в бою.

Листаем список. Абрам Семенович, мой ровесник, 1924 года рождения, из Кемерово, погиб в 1945-м близ германского города Фестенбург. Вон куда дошагал сибирский еврей!.. Еще один мой одноклассник – Алексей Иосифович. Москвич, может, и встречались когда-нибудь... Как и я, рядовой. Не дожил до своего 20-летия – убили... Илья Иосифович на год моложе, тоже москвич, рядовой, убит в бою... Лева Рабиновичу тоже не было 19-ти, когда он погиб в бою... Гвардии лейтенант Юлий Рабинович – командир танка. В своем танке и сгорел. Я служил в танковом корпусе, это страшное зрелище, когда вынимают тела из машин... Рабинович Зельда Моисеевна. Военврач. Скончалась от ран. Похоронена в братской могиле под Сталинградом. До капитуляции Паулюса оставались считанные дни... Зиновий Хаимович родился аж в 1899 году. Погиб в 1945 году. До Победы было близко... Завершает скорбный список Рабиновичей Яков Хаймович, 1911 года рождения, рядовой, убит в бою в 1943 году. Призывался в Москве.

По официальным данным Центрального архива Минобороны РФ, на фронтах сражались 390 100 евреев. Многие исследователи справедливо считают, что к этой цифре надо прибавить еще 40 000 евреев, которые из-за антисемитизма в стране выбрали себе другую национальность. Выходит – 430 000. Встречается и такая цифра – 450 000.

Немного разнятся данные и о потерях. В том же Центральном архиве МО числится 138 700 погибших воинов-евреев. А в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» указывается другая цифра – 142 500 человек. Это значит, что почти каждый третий еврей, ушедший на войну, домой не вернулся. Добавим еще 26 200 человек, демобилизованных в ходе войны по полной инвалидности вследствие тяжелых ранений.

Признайтесь: вам, наверное, приходилось слышать этакое пренебрежительное «Евреи воевали? Да в тылу отсиживались...» Конечно, были и среди евреев дезертиры, самострелы, те, кто – употребляя современный сленг – косили от армии. Но вот этим фомам неверующим, не ведающим правды, эту бы цифру показать – каждый третий воевавший еврей остался на поле боя. Вот что интересно: таких разговоров на фронте я не слышал, фронтовики-то знали, что рядом с ними воюют, едят из одного котелка, укрываются одной шинелью точно такие же солдаты. Хоть и евреи. Из 204 Рабиновичей, оставшихся на поле боя, 134 – рядовые и сержанты, 39 – офицеры. У 31-го в Книге Памяти не указаны звания.

Но не дай Б-же кому-нибудь подумать об исключительном вкладе еврейского народа в Победу! Никогда не забудем, что две трети павших в той войне – русские. Из 8 668 400 погибших – 5 765 000 русские солдаты, офицеры, генералы. Не забудем...

Í Î È ÆËÂÛ ÐÀÁËÍ ÎÁË×È!

В СЕИВВе (Союз евреев-инвалидов и ветеранов войны) мне назвали четырех Рабиновичей. Первый звонок, и... Раиса Петровна плачущим голосом отвечает, что я опоздал на четыре месяца – Юрий Израилевич скончался...

Зато состоялись встречи и разговоры с тремя другими – артиллеристом, летчиком, моряком. Итак, знакомьтесь:

ÐÀÁËÍ ÎÁË× Î ÈÕÀËË ÑÀÎ ÁÎ ÎÁË×

22 июня 1941 года студент третьего курса Московского химико-технологического института Миша Рабинович сдавал экзамены. А на следующий день пошел в военкомат. Там ему сказали: возьмем в училище, жди повестки. Она пришла через полтора месяца – направлялся в артиллерийское училище.

Перед отправкой зашел в институт – не успел сдать экзамен по английскому. Разыскал преподавательницу Софью Семеновну Рубинштейн, показал повестку, попросил принять экзамен. Билет, дополнительные вопросы...

– Придется прийти еще раз, – со вздохом произнесла Софья Семеновна. – Знания слабоваты.

Признался: в учебник действительно не заглядывал, было не до того. Но когда случится этот «еще раз»? Училище, фронт...

– Жду вас после войны, – сказала преподавательница.

Курс в училище был ускоренный, и уже в марте 1942 года сержант Михаил Рабинович докладывал командиру 231-й артиллерийского полка резерва Главного командования о прибытии в его распоряжение.

– Оружие есть?

– Есть. Английская винтовка, но без патронов. Зато со штыком.

– Пойдешь командиром отделения разведки взвода управления.

Так Михаил оказался в батарее 152-миллиметровых гаубиц. И в первый же день получил приказ: разведать цели противника. Свои пушки располагались в 3–5 километрах от первых траншей. А разведка выдвигалась за эти траншеи, засекала цели и передавала точные координаты на батарею.

Северо-Западный фронт... Казалось, нет там ни одного клочка суши – кругом болота. Проклятые, они не замерзали даже зимой. Пробирались по узеньким тропинкам из настилов. Долгое время линия фронта не изменялась, но артиллеристам – и нашим, и немецким – часто приходилось «сдвигать» позиции, чтобы не засек противник. Кто кого перехитрит, кто быстрее и точнее обнаружит цель.

– Никогда не забуду эту рощу, – вспоминает Михаил Семенович. – Прозвали ее за необычную конфигурацию Пистолетом. За ней и стояли немцы. Первая разведка сообщений не передала и не вернулась.

– Твоя очередь, – кивнул Рабиновичу комвзвода.

Михаил и двое связистов с катушкой провода перебежками и ползком миновали рощу и окопались. Засекли цели, передали координаты. Но и немцы поняли, что где-то поблизости наблюдатели. Открыли огонь по площадям. Михаил Семенович вдруг почувствовал удар в ногу, увидел кровь. Сам вынул пулю, бойцы помогли перевязать. С наступлением темноты вернулись к своим.

Однажды Рабинович шел к своим позициям. Отошел от окопов на километр и вдруг услышал звук летящего самолета. Тотчас вокруг него запрыгали фонтанчики из пыли и травы. Он бросился к огромному валуну. «Мессершмит» проскочил, развернулся и вновь дал очередь. Михаил успел обежать камень с другой стороны, прижаться к нему. Немец стрелял метко, пули цыкали по валуну. Так повторялось несколько раз: как только самолет разворачивался, Михаил выбирал защищенное место. Расстреляв весь боезапас, истребитель улетел.

Но так удачно складывалось не всегда. Уже в Белоруссии перед нашим наступлением немцам удалось окружить наблюдательный пункт. Михаил по радиации передал координаты вражеских батарей и закопанных танков, успел сообщить, что принимает бой. Втроем отстреливались. Очередь из автомата прошила плечо, грудь. Остался лежать без сознания. Но уже спешили на помощь.

Одиннадцать госпиталей прошел сержант Рабинович, прежде чем всё зашили. И врачебный приговор – инвалид второй группы. Вернулся в Москву. И чуть ли не первой, кого он встретил в институте, была... «англичанка» Софья Семеновна Рубинштейн.

– Знаете, почему вы вернулись живым? – сказала она. – Потому что не сдали мне экзамен.

Не сразу, но сдал-таки!

– Как ни странно, но в нашем полку был еще один Рабинович, командир второго дивизиона, – замечает Михаил Семенович. – Не успел с ним познакомиться, он погиб.

ДААЕІ ІАЕ × АЕААЕІ ЕДІ АДЕІАЕ ×

– Знаком с Риббентропом, – оgoroшил меня Владимир Маркович.

– Как это?

– 23 августа 1939 года был дежурным по аэродрому, – весело улыбается он. – В Москву прилетел фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии. Ну я и встречал его. Конечно, близко не подходил, знакомство, можно сказать, шапочное.

А когда началась война, летчика В. М. Рабиновича зачислили в авиагруппу особого назначения при Генеральном штабе. Они летали над передовой, ближним немецким тылом, по их докладам командование принимало оперативные меры. Было это в дни битвы под Москвой. О том, какая была сложная обстановка и какую роль сыграли воздушные разведчики, рассказал много лет спустя командир авиагруппы полковник Сбытов:

– 5 октября на рассвете разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в пятидесяти километрах от города, безусловно в нашем тылу, двумя колоннами идут немецкие танки и пехота. Информация исключительно важная, поэтому нуждалась в тщательной проверке. Был у меня такой майор Карпенко, инспектор по технике пилотирования, человек исключительно храбрый. Посылаю перепроверить. Прилетает назад, докладывает: «Товарищ командующий, точно, идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось, что целый немецкий корпус в обход фланга наших войск на направлении Смоленск – Москва прошел практически без боя в наш тыл и спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов.

Сбытов доложил, ему не поверили, вызвали на Лубянку. А там начальник контрразведки Абакумов, заместитель Берии Меркулов набросились на него: откуда он взял, что это немецкие танки, а может, это наши, панику в Москве хочешь устроить.

Полковник ответил, что летчики проверенные, ошибиться не могли, за эти данные он отвечает. Пригрозили арестом, отпустили. Ночь Сбытов провел в своем кабинете, достал маузер, положил рядом автомат, придут забирать – буду воевать.

Утром позвонил начальник штаба ВВС Ворожейкин (будущий маршал авиации) сообщил: ГКО твои действия одобрил, это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы (имелась в виду авиация) и бей! Начали бить. Сразу же уничтожили примерно 100–120 танков, около 300 машин пехоты. После нашего авиаудара немцы рассредоточились с главной дороги, движение их замедлилось.

Вот и такими делами занимались воздушные разведчики.

В 1943-м Владимира Марковича переводят командиром экипажа в авиакорпус АДД – авиации дальнего действия. У него сохранилась «Тетрадь учета боевых вылетов летчика левого сиденья Рабиновича В. М.» (Летчик левого сиденья – первый пилот, в экипаже еще второй пилот, штурман, радист, три стрелка.) По этой старенькой тетрадке можно проследить, куда летал бомбить Владимир Маркович. Берлин, Кенигсберг, Бреслау, Хельсинки, Будапешт, Штеттин... Это всё крупные города с сильной противовоздушной обороной. Летал он и в Югославию, и в Словакию – к партизанам.

Листаю «Тетрадь учета...» Вот только одна запись.

Ńĩããðeáí eá áíããĩã çãããí eý: ðãððeóóú ðãí úí ñeéé ííðò Áãeãö.

Ðãðeúòãò áũííeíáí eý çãããí eý íí ãíeéããó ðeéíãeã: 4 íðýí úò íííãããí eý, 2 í-ããã ííãeãðã

Êòí, eáé eííòðíeéðíãeé, eáeéá eí áðòñý ãíeóí áí òú è ããã íãðíãýòñý? Í ãeíð Í ãòãeáí eí, áíããĩã çãããí eá 27.

Ðãðeúòãòú áũííeíáí eý çãããí eý íí eííòðíeéúúí ããííúí: ðãððeóáíú è ííãíãeãáíú ñeéããú.

Вывод командования полка и личная роспись: задание выполнено успешно.

Лаконичные строчки отчета полета. Полетов было всего 236, более 100 – на территорию противника. Тяжело загруженный самолет – одних бомб 2 тонны – несколько раз за один вылет пересекал линию фронта, вступал в поединок с ПВО.

– На моих глазах сбивали товарищей, – говорит Владимир Маркович. – Редкий полет проходил без потерь.

Закончил войну командиром эскадрильи в... имени немецкого графа. Здесь базировался полк в майские дни 1945 года.

ΔΑΑΕΙ ΙΑΕ× ΑΕΑΑΕΙ ΕΔΘΑΙ ΝΙΑΕ×

Войну встретил 24 июня 1941 года в Севастополе, был курсантом училища береговой охраны. А уже в октябре участвовал в бою под Бахчисараем, так сказать, в пешем строю. Но скоро курсантов отозвали доучиваться. Закончил училище в Азербайджане и попал на Северный флот. Ходил на катерах, встречали конвои союзников, направляющиеся в Мурманск.

Германские корабли подходить к нашим берегам остерегались, а вот авиация досаждала. Немцы нападали не только на транспорты, но и на суда сопровождения. Атаковали и наши катера. Маневренные суденышки, обладавшие большой скоростью и вооруженные зенитными пушками, не становились легкой добычей немецких летчиков. Наоборот, с катеров нередко сбивали самолеты, но и в них попадали.

Закончил войну майор Рабинович начальником артиллерийского отдела главной военно-морской базы.

(Α ηέταεαθ αίεεαί ίαύμηεού ίί:αί ό οαε εαέίίε:ίί δαίίεααίί. Αεααεί εδ Θαιίηε: ίί:αί θ-οί ίαίόδαξ ίόεααεήη αηόδαεεούηη η αεόίαεεήη; η όδθαίί ηεεαηεεήη ίόααεεού ία ίαηεεεεί αί ίόηηά ίί οαεαόίίά ίαααε αηεαού ηαη όίόίααεεη - ία αηεεε. ί ηεεαίεε ίαε δααά αηδ ί δαδαε... Β, ί δεαί αούηη, οαε ε ία ίίίηε οαείη ίόί ίεαίεη. Αύααό...)

Вот так... Воевали Рабиновичи на земле, в воздухе, на море. А как они воевали? Среди Героев Советского Союза – а ими за войну стал 141 еврей – Рабиновичей нет. Нет их и среди 14 полных кавалеров ордена Славы. А вот Рабиновичей-генералов пятеро: Леонид Юдельевич был начальником штаба механизированной армии, Михаил Владимирович – командующий бронетанковыми войсками фронта, Наум Абрамович – начальник крупных оборонительных строек, Давид Петрович – командир артиллерийской бригады, Исаак Моисеевич – начальник кафедры Военно-инженерной академии.

Так как же воевали евреи? В начале 1943 года Главпул прислал в войска директиву: «Награждать представителей всех национальностей, но евреев – ограниченно». Пока не было этого указания, в 1941-м и 1942-м боевые награды получили 5 200 воинов-евреев, 127 000 русских, 33 000 украинцев, 5 500 белорусов.

В мировой статистике принято все данные пересчитывать на 100 000 населения. Выходит, что русские воины получили 111,4 боевых наград, украинцы – 89,2, белорусы – 69,7, евреи – 226. Так что – больше всех, значит, лучше всех? Нет, конечно, ратные подвиги цифрами не измеришь. Но то, что не уклонялись от боя, – факт.

Так было до «указивки» Главпура. Но если брать цифры за всю войну, то и они впечатляющи. Оказывается, в расчете на 100 000 населения воины-евреи занимают первое место по количеству боевых наград. Всего было награждено 9 284 199 солдат, офицеров, генералов. Из них 161 000 – евреи. Гордиться этим? Безусловно гордиться, но не кичиться. И на вопрос: как воевали евреи? – ответим: защищали Родину, не шадя своей жизни, не прячась в кусты. Ответим так не только себе, но и тем, кто живет в плену предрассудков.

«БРАТЬЯ ЕВРЕИ ВСЕГО МИРА!»

Материалы подготовил Александр Локшин

Евреи Палестины в борьбе советского народа с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Публикуемые ниже выдержки из исторических документов касаются одной малоизвестной страницы Великой Отечественной войны. Речь идет о самоотверженной поддержке Советского Союза еврейской общиной Палестины в годы борьбы с германским фашизмом.

Обращение евреев – деятелей советской культуры к мировой еврейской общественности, можно смело сказать, положило начало созданию Еврейского антифашистского комитета в СССР. Сам факт появления этого документа свидетельствовал об изменении позиции советских властей в еврейском вопросе. В пору, когда фашистская армия стремительно приближалась к Москве и немецкий Генштаб еще достаточно успешно осуществлял свой план «молниеносной войны», Сталин решил отказаться от «элементов» антисемитизма в политике, давших себя знать в недолгий период дружбы с гитлеровской Германией, и поддерживал призыв к евреям всего мира солидаризироваться с Советским Союзом. Мировое еврейство с воодушевлением откликнулось на этот призыв. В частности, в Палестине в 1942 году была создана «Лига «V»»^[1], которая организовывала сбор средств, проводила митинги, устраивала выставки и распространяла в еврейской общине полученные из СССР брошюры, плакаты и другие материалы о борьбе с фашизмом. Усилиями этого общества удалось наладить регулярную демонстрацию советской кинохроники. На средства, собранные Лигой «V», в 1943 году в дар Красной Армии были переданы санитарные машины для оказания неотложной помощи раненым.

Первые контакты между представителями сионистского руководства и советской дипломатией относятся еще к началу второй мировой войны и связаны со встречами советского посла в Великобритании Ивана Майского с Хаимом Вейцманом, будущим первым президентом Государства Израиль, а в то время главой Всемирной сионистской организации. Приводимые здесь документы говорят и о том, что в самый трудный, начальный период Великой Отечественной войны сионистское руководство стремилось оказать посильную помощь советскому народу, борющемуся с фашизмом. Оказывая помощь СССР, оно надеялось установить контакты с еврейским населением страны. Оно послало своих представителей в Советский Союз, рассчитывая, что те поспособствуют освобождению из тюрьмы сионистских активистов и – самое главное – сумеют повлиять на высших наших партийных деятелей, склонят их к мысли о возможности создания в Палестине еврейского государства

Х. Вейцман.

Фактически на всё это советская сторона реагировала или уклончиво, или сугубо отрицательно. Ситуация кардинально изменилась лишь в 1947 году. Мир узнал об этом из воистину сенсационного выступления А. Громыко на пленарном заседании второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 ноября 1947 года. Громыко заявил: «Представители арабских государств указывают на то, что будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны... Евреи как народ потерпели больше, чем какой-либо другой народ... В Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев... Предложение о разделе Палестины на два самостоятельных государства и позиция, которую занял Советский Союз в этом вопросе, не направлены против арабов, что, по нашему глубокому убеждению, такое решение вопроса соответствует коренным национальным интересам не только евреев, но и арабов». В годовщину Великой Победы мы вспоминаем это историческое выступление советского дипломата...

Помещенные в «Лехаиме» материалы впервые увидели свет в сборнике документов «Советско-израильские отношения. 1941–1953» («Международные отношения», М., 2000).

Àréô àí ò 1

ÀÐÀÒÛß ÁÂÐÂÈ ÁÑÃÃÎ Ì ÈÐÀ!

Голос пролитой крови требует не постов и молитв, а мести! Не поминальных свечей, а пламени, в котором палачи человечества должны быть уничтожены. Не слезы, а ненависть и сопротивление извергам и людоедам! И не на словах, а на деле! Сейчас или никогда! [...]

Разъяренные, пьяные от крови и разбоя людоеды напали на страну, где народы обрели родную мать-родину, давшую им прекрасную жизнь, свободу, счастье и расцвет национальных культур. Среди них также еврейский народ впервые за тысячелетия почувствовал себя родным среди родных и равным среди равных...

Красная Армия в битвах с палачом народов – гитлеризмом рождает героев, подобных которым не знает история человечества. И в перечне славных имен мы с гордостью читаем имена евреев, с величайшим советским достоинством выступивших на защиту человеческой культуры от фашистских варваров. Мы с гордостью отмечаем имена наших соплеменников среди тех, кто дерутся с гитлеровскими бандитами в воздухе, и на море, и на земле [...]

Братья евреи во всем мире! Они сражаются и за вас! Они отдают свою молодую жизнь и за ваше благополучие. Ибо коричневая чума, лютая тем более, чем ближе ее конец, пробирается и по ту сторону океана. До тех пор, пока фашизм бушует, в опасности всё человечество!

Наш призыв несется к вам с голосом невинно пролитой крови миллионов евреев. Наше слово несется к вам как сигнал, вызывающий к сопротивлению и к мести. Пусть каждый день приближает вас к часу расплаты над врагом! Пусть с каждым часом всё ярче разгорается в вашем сердце священное пламя мести!..

Ни один еврей не должен умереть, не воздавши фашистским палачам за невинно пролитую кровь! Разверните повсеместную агитацию за солидарность и действенную помощь Советскому Союзу, оказывающему героическое сопротивление носителям смерти и разрушений. Человечество освободится от коричневой чумы! Ваш долг – помочь ее выжечь! Пусть и ваша доля будет в этой страшной войне!

С. Михоэлс – профессор, народный артист СССР; Перец Маркиш – поэт; Давид Бергельсон – писатель; С. Самосуд – народный артист СССР; Яков Глиер – лауреат Международного конкурса пианистов; С. Маршак – писатель; А. Тышлер – художник; Сергей Эйзенштейн – кинорежиссер; С. Галкин – поэт; М. Рейзен – народный артист СССР; В. Зускин – народный артист РСФСР; Илья Эренбург – писатель; Клара Юнг – актриса [...]

«I daava», 25 aavnuo 1941 a

Документ 2

0AEEADA I A I INEA NNND A AAE EI ADE OAI EE E. I.
I AENEI AI A IEA NNND

2 nu oyaoy 1941 a

Ni aade ai i i mediao i i

I ai aaeai i i

0 i ay niaay au epanoie eead niefci a Aaeoi ai. I deae i dnoou maoo I adu ai ea aada NNND i aoei aieute io eee niae aada Aiee e Ai aeee²⁹. Aaeoi ai io ei ate niefenoiea aaeae ey oi oe au io daeou oaeai i o m-aeoay e i deaonay a ioao ia yoi adu aiea Noieo ee ai o yoi aaeou [...]
Aaeo iodeoaeui ia ioioaiey maoneta i dae oaeuoa e niefci o, ia aiciao ee aa oaeai i a aeie-eeai iodeoaeui ie daeoe?

B ioaodee, oi ia aeao niaaiee, i i: ai o au Aaeoi ai ia i ia i nnoou niae oaeai i u, i i i nnooiaae ai oi nnaeioaiaou oi o, oi au io eee ia adu aiea auee ia oieuei io niefenoia, i i oaeae io adaeo aaeiee io iaeoae [...]. I aeao oai i i e oao niaai i aeui i oioaouy ei ai i ia maoneta adu aiea [...]. N aieuei oiaaeo adaeai i i einnoeoduo, oi aein aada a yote aiea ai adu a daeaeey ec NNND [...]. I i aiaei i deaonaoio eieeaeo eao maoniee aada

I aeiee

Áîéòí áí ò 4

CAÏ ÈNÙ AANÁÄÛ Í ÐAÄNÁÄÄÖÄËB ÁÄÐAËNËÏÄÏ ÄÄÄÏ ÖNÖÄÄ ÄËB Í ÄËÄNÖËÏ Û Ä. ÄÄÏ-ÄÖËÏÄ ÄÏÏÏËÏÏ ÑÑÑÐÄ ÄÄËËËÏÄÐËÖÄÏ ËË È. Ï. Ï ÄËËËËÏ.

9 îéòÿáöÿ 1941 ä

Ñäéðäòíí

Сказав, что я очень благодарен за его любезность принять меня в эти трудные дни, сразу перешел к цели моего визита.

[...] В настоящее время мы чрезвычайно заинтересованы в отношении России: первое – мы очень хотим сделать всё, что в наших силах, чтобы помочь достижению нашей общей победы; второе – мы хотели бы развеять неправильное понимание, возникающее в связи с Палестиной [...].

Понимаем, что сейчас главной заботой для Москвы является война [...] Мы поэтому хотели бы направить в Москву делегацию из двух-трех человек с целью [...] уточнить, каким образом мы можем оказать содействие СССР. В самой Палестине уже 100 000 человек вступили в британскую армию и еще 40 000 желают сражаться. Но мы полагаем, что в состоянии сделать что-то и вне Палестины [...].

Ä. ÄäÏ-ÄöðÏÏ

Áîéòí áí ò 5

CAÏ ÈNËÄ ÇÄÄÄÄÖÐ ÛÄÄÏ ÑÐÄÄÏÄÄÏÑÖÏ × Í ÛÏ ÎÖÄÄËÏÏ ÍËËÄ ÑÑÑÐÑ. È. ÈÄÄÖÄÐÄÄÇÄ ÍÄÐÄÏÏ Ö ÇÄÏ ÄNÖËÖÄËÐ ÍÄÐÏÄÏÏÄÏ ËÏÏ ÈÑÑÄÐÄ ÈÏÏÑÖÐÄÏ Í ÛÖÄÄË Ä. B. ÄÛÖËÏÏËÏÏ Ö

31 ääéäáöÿ 1941 ä

Ñäéðäòíí

[...] По личной рекомендации английского посла в Анкаре посол СССР т. Виноградов принял представителя еврейского палестинского агентства Эпштейна Элиаса Менахема [...]

Он сделал т. Виноградову следующие предложения: Палестина желала бы установить торговые связи с СССР путем поставки в Союз медикаментов. В случае положительного отношения советского правительства к этому Эпштейн хотел бы поехать в СССР вместе со специалистом по производству химиком Ильей Добкиным для ведения переговоров. Эпштейн указал при этом, что представляемая им организация могла бы послать в СССР бригаду врачей с походными госпиталями [...].

Çäääðÿéé ÑääÏÄäÏÏÖÏ:ÍÛÏ ÎÖÄÄËÏÏ

Ñ. Èääöäðääçä

Ï ÈÑÛÏ Ï Ï ÐÁÇÈÄÄÏ ÒÀ ÂÑÂÏ ÈÐÏ Ï È ÑÈÏ Ï ÈÑÒÑÈÏ È
Ï ÐÄÏ Ï ÈÇÀÏÈÈ Ò. ÁÁÈÏÏ ÁÏÀ Ï ÏÑÈÏ Á ÁÁÈÈÈÏ ÁÐÈÏÏ ÏÈ È. Ï.
Ï ÁÈÑÈÏ Ï Ò

2 Ï áðòà 1942 á

Óáææáá ùé áÏ ÏÏÏé

[...] я хотел бы выразить твердую уверенность в том, что советские войска, которые уже добились великолепных побед, освободят свою землю от захватчиков и таким образом уничтожат темную завесу, которая сейчас простирается над обезумевшим миром, и что все прогрессивные и свободные силы объединятся для того, чтобы восстановить всё то, что было разрушено. Не сомневаюсь, что советское правительство и народ проявят симпатию и понимание в запутанной еврейской проблеме, которая довллет над нами и Европой уже столько десятилетий [...].

ÈíèðáÏ Ï á Áàç, Ò. ÁÁèÏÏ áÏ

Ñíéääòú ááðáíéíé áðèááü Áðèòáííéíé áðí èè.

1944 áá

**Ἐς τὴν νῦν ἂν ἰδῶμεν ἂν ἔσονται εἰς ἀδελφότητα ἀλλήλων ὁ νόμος ἁῖς
ἰσχυρῶς ἐστὶν ἡ ἀσπασίαν τοῦ ἱ. ἁγίου αἰῶνος ἰσχυρῶς ὅς
ἂν ἴσῃ τῆς ἀσπασίαν τοῦ ἱ. ἁγίου αἰῶνος**

27 ἰ αῦ 1943 ἄ

[...] Большая, если не самая большая, часть первых поселенцев и создателей Палестины были русские евреи с естественной симпатией по отношению к России, в которой, в отличие от царской России, больше не существует антисемитских настроений. Таким образом, вполне естественно, что еврейская община в Палестине должна с большим энтузиазмом поддерживать героическую борьбу Советской России против нацизма. Недавно этот факт нашел свое подтверждение в статье, опубликованной в газете «Правда» и переданной в сообщении Еврейского телеграфного агентства (ЕТА) из Москвы 17 мая, в котором говорилось, что палестинские евреи передали в дар Красной Армии несколько автомобилей для оказания первой помощи и мобильный госпиталь. ЕТА передает: «Сегодня в московской прессе выражена благодарность палестинским евреям, которые первыми из всех евреев демократических стран откликнулись на призыв оказать помощь российской армии». «Автомобили, – пишет “Правда”, – проделали путь в 2000 км по пустыне и горным районам Аравии и Ирана... Рабочие, земледельцы и интеллигенция Палестины с энтузиазмом участвуют в сборе средств для медицинской помощи Красной Армии... просили передать горячий привет Красной Армии как борцу за цивилизацию».[...]

В результате изоляционистской политики, проводимой ранее Советской Россией, евреи России до настоящего времени не имели возможности контактировать с остальным еврейским народом. Эта политика изменилась после вступления России в войну. Еврейский антифашистский комитет предпринимает значительные усилия для обеспечения взаимопонимания и сотрудничества евреев во всем мире, и, как указывалось выше, его деятельность нашла самый искренний отклик среди евреев Палестины. Чрезвычайно важно, как с точки зрения сближения между Советской Россией и другими демократическими государствами, так и с точки зрения евреев, укрепить контакты между крупной российской еврейской общиной и другими еврейскими общинами. Лучшим способом достижения этого была бы выдача советскими властями разрешения представителям всемирного еврейского сообщества и сионистского движения на установление контактов с евреями России. Визит подобной делегации в Россию мог бы быть полезным с точки зрения улучшения понимания между еврейским народом, включая сионистов, с одной стороны, и российской еврейской общиной и Советской Россией – с другой.

В заключение я хотел бы добавить, что нет ничего более ошибочного, чем выражаемое некоторыми руководителями Советской России мнение о том, что сионистское движение антагонистично Советской России. Ни сионистская идеология, ни сионистская политика не дают никаких оснований для подобного антагонизма. Сионизм всегда был на стороне прогрессивных движений [...]. В связи с вступлением России в войну появилась надежда на то, что, возможно, теперь отношение к сионизму со стороны советского правительства изменится. Всё сионистское движение с глубоким удовлетворением восприняло бы такое изменение позиции, а так же осознание Советской Россией того факта, что у нее каких-либо серьезных причин для борьбы с сионизмом нет и что, напротив, у Советской России есть все основания для поддержки требований сионистов об окончательном и справедливом решении еврейской проблемы.

**ÈÇ ÐÁ × È Ì ÐÁÇÈÄÄÌ ÒÀ ÁÑÁÌ È ÐÌ Ì È ÑÈÌ Ì È ÑÒÑÈÌ È
Ì ÐÄÄÌ È ÇÀÏÈÈ Õ. ÄÄÈÏÌ ÄÌÀ ÌÀ ÌÄÄÄÄ Ä × ÁÑÒÛ ÄÄÈÄÄÄÏÈÈ
ÄÄÄÈÑÈÌ ÄÌ ÄÌ ÕÈÏÄÏÈÑÒÑÈÌ ÄÌ ÈÌ Ì ÈÏÄÏÄ ÑÑÑÐ**

25 éþÿ 1943 ä

[...] Мы помогли и будем впредь материально помогать Советскому Союзу посредством поставок медикаментов, одежды, продовольствия и прочих предметов первой необходимости. Я горжусь тем, что 600 000 евреев служат в Советской армии и бесчисленное множество других в составе партизанских отрядов сражаются с немцами в тылу. Многие отмечали самоотверженный героизм еврейских мужчин и женщин, проявленный в боях и труде.

Мы клянемся их кровью, что продолжим эту народную войну и что, в свою очередь, мы не пожалеем своей жизни, богатства, таланта и труда для того, чтобы нигде в мире больше никто и никогда не был парией или изгнанником и чтобы все жили в безопасном и свободном мире.

¹¹¹ «V» – ÌÀ: äèÛ äÿ äóèà àí äèèèèèä ñèèàà «victory» («ÌÄÄÄÄ»).

¹² Ñì. äèèè äí ò 1.

¹³ Ñì. äèèè äí ò 1.

ПРИСВОЕНО ПОСМЕРТНО

В. Кардин

Когда я, наконец-то демобилизовавшись, нанес чисто формальный визит в райвоенкомат, девушка, уныло записывавшая мои анкетные данные, оживилась при словах об Отдельной бригаде особого назначения. Краем уха она, надо полагать, слышала о ней от таких же пришельцев. Даже, оказывается, помнила фамилию одного из моих бывших сослуживцев.

В ответ на ироническое замечание, касавшееся широкой известности омсбоновцев в женских кругах, укоризненно покачала головой: у вашего брата одно на уме...

Полемика теряла резон. Тем паче что произнесенное девушкой имя значило для меня гораздо больше, нежели для нее, живущей на улице, названной в честь Лазаря Паперника.

Не стану утверждать, будто, служа в одном батальоне, мы особенно приятельствовали. Но я всё же очень неплохо знал Лазаря до того рокового дня, после которого его имя канонизировали: как-никак, первый в бригаде Герой Советского Союза.

Частная, сугубо личная подробность, не игравшая сколько-нибудь существенной роли, невзначай закрепила дружеские отношения. Перед отправкой на задание (февраль 1942-го) мы случайно обменялись шапками-ушанками. Велика беда! Группы вернутся, и каждый возьмет свою.

Лазарь не вернулся.

Заменив командира, возглавил горстку омсбоновцев, угодивших во вражеское кольцо. Бились до последнего.

Последним оказался он, Лазарь Паперник.

Когда на него навалились, он выдернул чеку из противотанковой гранаты и взорвал себя вместе с навалившимися.

В нашей суперсособой бригаде преобладали спортсмены. Среди них – самые прославленные. Чемпионы. Вчерашние студенты, вчерашние рабочие составляли меньшинство, не желавшее, однако, признавать свою второстепенность. Меньшинство это отличалось слитностью. Мы стремились вместе идти в наряд, дежурить по кухне, где каждого неизменно ожидала чистка картошки. Это тоже на свой лад

сближало, и отнюдь не меньше, чем процесс овладения тайнами подрывного дела, вызывавшего у нас недоумение, – на кой ляд оно?

Обременительные ночные дежурства имели, однако, свои преимущества, благо развязывали языки, и мы нередко узнавали друг о друге что-то неожиданное. Иной раз оно обладало дополнительной силой сближения.

Так произошло с Сариком Гудзенко (с легкой руки великого тактика И. Эренбурга ему суждено было стать Семеном, убив мамину мечту о красивом итальянском имени Сарико). Продолжая губить материнские надежды (а мама его обожала Италию), он затягивал не итальянские, а украинские или еврейские песни. Остальные его поддерживали. Даже не зная языка, на одном энтузиазме. Подхватывал, к примеру, Юра Левитанский, тоже приехавший из Украины. Мне, урожденному москвичу, ничего не оставалось, кроме как присоединиться.

Сарик, Юра и я, мы все трое учились на одном курсе Института истории, философии и литературы. Позже, когда института уже не будет, его задним числом нарекут «Лицеом в Сокольниках». (Лично я не убежден в оправданности столь громкого, чтобы не сказать претенциозного, названия и стараюсь его избегать.)

Вместе с нами, однокурсниками, в бригаду из ИФЛИ пришли еще несколько добротов-старшекурсников. Назову двух, вызывавших у меня наибольшие симпатии, – Гришу Шмуйловского и Наума Кацмана.

Входя в палатку, Гудзенко имел обыкновение зычно командовать: «Кацман! Подай матрац нам!»

Его способность к экспромтам, к импровизациям была неистощима. Когда мы с ним отважились на досуге сочинить нечто как бы детективное из жизни диверсантов и он, сломив мое сопротивление, прочитал написанное бывалым разведчиком, те вначале остолбенели от изумления (нафантазировали мы, видно, Б-г знает что), а потом едва не умерли со смеху. Хотя мы отнюдь не пытались никого смешить и вполне серьезно относились к собственному творению. Как и к литературному творчеству вообще. Всё-таки как-никак кончили два курса филологического факультета, успели нахвататься каких-то знаний, хлебнули воздуха студенческой вольницы, более ощутимой, нежели в других вузах. Не зря же ИФЛИ прихлопнут, едва появится первая возможность для этого, первый повод. После эвакуации поредевшие ряды студентов-ифлийцев вольют в аудитории Московского университета, в ту пору не славившегося свободомыслием.

Что до еврейских фамилий, мелькающих среди моих строк, то в их подборе нет ни малейшей нарочитости. Как не было нарочитости и при наборе студентов. Такое даже в голову не приходило. Никто не думал о национальности и при формировании нашей Особой бригады. И там, и тут различия по анкетным признакам отсутствовали, не шли в расчет. Никого не интересовало образование мастера часового завода Л. Паперника. Вполне достаточно того, что он слыл, как тогда выражались, «своим в доску» и явно обладал чувством юмора.

А вот малограмотных младших командиров, прибывших в качестве «варягов», у нас не жаловали. Но не они, слава Б-гу, делали погоду.

На ночных дежурствах по кухне звучали разноязычные песни, и если я сейчас говорю о еврейских, то лишь потому, что в те дни среди моих однополчан преобладали евреи, не видевшие в своей национальности ни особых преимуществ, ни повода для стыдобы. То и другое начисто отсутствовало. Как и должно быть.

Если украинские песни я чуть-чуть знал благодаря довоенному радио (черная тарелка висела в комнате), то о еврейских не имел представления. И вот теперь-то, на солдатских ночных дежурствах, благодаря Сарик, Лазарю и Юре я мог что-то ухватить.

Ночные дежурства составляли не менее значимую часть омсбоновского бытия, нежели дневные занятия, осложнявшиеся двумя обстоятельствами.

Во-первых, мы не могли взять в толк, на кой шут нам надобно уметь определять высоту водокачки, коли она подлежит уничтожению и при посредстве взрывчатки будет разнесена к чертовой матери.

Во-вторых, сплошь и рядом нашим обучением занимались молодые командиры-пограничники. Парни как на подбор, один к одному. Но тоже имевшие туманное представление о будущем своих подчиненных.

Осведомленность, видимо, начиналась на этаже, который оставался для них и для нас недоступен.

Таинственность в таких делах неизбежна и необходима, но она имеет оборотную сторону, склонную напоминать о себе в самую неподходящую минуту. На таинственности явно настаивало командование, предпочитая держать нас в неведении и утаивать имя человека, в руках которого находились наши скромные судьбы.

Я говорю сейчас о П. А. Судоплатове, в чьем непосредственном подчинении, оказывается, числилась бригада с момента ее формирования, то есть с первых дней войны и до последних. Последние мне суждено было провести на большом от нее удалении. А что до самого Судоплатова, то завеса тайны будет с него снята, когда обладатель этого имени пройдет испытания, не снившиеся в 1941-м ни ему, ни нам.

Не только само это имя, но и едва ли не всё, с ним сопряженное, на многие годы останется тайной – странной, необъяснимой для нас и мучительной для него самого.

Беру на себя смелость утверждать, что этот человек, участвовавший во многих чекистских операциях за рубежом (об их характере можно лишь догадываться), сыграл заметную роль не только в судьбах омсбоновцев, как именовали себя бойцы и командиры Особой бригады, но и в судьбе Москвы, обороной которой он занимался непосредственно еще осенью 1941-го. О чем, разумеется, умалчивают историки, якобы открывающие нам правду о тех судьбоносных днях, когда площадь Маяковского перегораживали баррикады с узким проходом для транспорта.

Говорю об этом еще и для того, чтобы развеять иллюзию о нашем нынешнем всеведении. Как знали обрывки правды, так и знаем поныне.

Неужто понадобятся еще десятилетия, чтобы истина стала достоянием хотя бы тех, кто интересуется историей своего города и своей страны?

Да, П. Судоплатов – повторю еще раз – сыграл тогда весьма важную роль и многое сумел сделать. Надо ли говорить, что роль его всячески «затемнялась». Тем паче что Судоплатову по советской традиции потом клепали черт-те что, бросили на тюремные нары, дабы впоследствии реабилитировать. Измученного своей участью человека мне и довелось встретить в 70-х годах. Встретить и навсегда запомнить. Довелось выразить лично свое к нему отношение. Отношение к тому, кто прошел все этапы почти «типовой» советской жизни, не исключившей ни орденов, ни лагерной баланды.

Судьба Лазаря Хаимовича Паперника проще, но еще горше.

И то обстоятельство, что она совпадает с тысячами других, не снижает ее трагизма.

Оглядываясь назад, понимаешь: о противнике, о вражеском государстве, о деяниях высших его чинов (наша дивизия участвовала в освобождении Освенцима) мы имели в каком-то смысле более здоровое представление, нежели о порядках, царивших в собственной стране. Много, несказанно многое в ней тоже оставалось тайной за семью печатями, и если Сталин с бухты-барахты приказывал сделать 1942 год годом окончательного разгрома врага, то даже этот бредовый, невыполнимый приказ оставался для нас чем-то вроде высшей мудрости, и, ежели мы его не могли выполнить, то наша, стало быть, в том вина.

Н. Асташиев

Хорошие мы были солдаты, только умишком оказались слабоваты, и зря сегодня в каком-нибудь телевизионном «Штрафбате», наряду со всевозможной, чисто фронтовой галиматьей, изображают бойцов эдакими карбонариями образца нынешних дней, трепетно религиозными и почитающими священника выше командира соединения...

Наше тогдашнее недомыслие сказывалось и на фронтовых делах. Тяжело сказывалось. Зачем же подменять его пресловутым задним умом?

Однако непонимание того, «кто есть кто» и «что есть что», можно – не без натяжки – оправдать скудостью житейского опыта, куцей осведомленностью, привычкой верить слову, раздающемуся сверху. Привычкой, конечно, прискорбной, но едва ли неизбежной в тяжкую пору. Особенно для молодежи – хотя ее с великим упорством отучали работать собственной головой.

Объяснить, а то и оправдать можно многое. В этом все мы большие специалисты. Но грешно упиваться победой, забывая о ее непомерной цене, о том, что даже лучшие командующие, планируя операции, заранее исходили из неизбежности грядущих наших чудовищных потерь, – будь то даже операции оборонительные. За них, между прочим, мы платили куда больше, чем противник за свои наступательные.

Наотрез отказываюсь верить в дальновидность Сталина, однако убежден: его устраивали, чтобы не сказать – ублажали, наши баснословные потери, запросто восполняемые неисчерпаемыми резервами. Для него война в каком-то смысле служила продолжением «года великого перелома», когда на гибель обрекались тысячи и тысячи крестьянских семей, а также массовых репрессий второй половины 30-х годов, когда он лично возглавлял беспрецедентные кровопускания. Потери были для него хороши еще и тем, что уменьшали численность самоотверженных людей, от коих неведомо чего можно ждать.

Одним из них был Лазарь Паперник. Отнюдь не в силу антисоветизма, которого у него не было в помине и который нынешние теле- и кинодеятели изображают как нечто повсеместное (изображают вопреки жизненной правде). По крайней мере, Лазарю он был чужд. Он, подобно каждому из нас, переживал беспрецедентные наши фронтовые потери. Сохраняя, однако, веру в их ненапрасность. Иначе невозможно было существовать. Тем паче что сила и власть иной раз играют роль более чем сомнительную.

Армейское командование не имело право задействовать ту или иную нашу группу во фронтовой передышке. Но поступало так, как ему сподручнее было в эту минуту. Как неоднократно поступало. Есть под руками люди? Бросай их на убой. Никто не спросит, никто не упрекнет. Зато когда одна из наших групп возвращалась с задания, командующий армией вылез из своей генеральской «легковушки», чтобы ее лично обматерить.

І. Неііеаоіа

Став командиром, пусть и небольшим, я и сам не всегда терпел «свободомыслие» подчиненных. Напрасно... С горьким чувством признаю давнюю вину.

Но ничего не остается, кроме как опять напомнить о заднем уме...

Мы с Сариком Гудзенко тяжело перенесли гибель Лазаря. Написали о нем в бригадную многотиражку.

Я уже служил в другом соединении, когда Гудзенко то ли за своей и моей подписями, то ли под нашим общим псевдонимом напечатал статью о Папернике в еврейской газете, выходившей тогда в Москве. О чем мне (как ефрейтор капитану) доложил – едва мы после долгого перерыва наконец встретились осенью победного

МОЙ ОТЕЦ СИДИТ В ПОТЕМКАХ

Áæáðí Áæáí áí

У отца есть странная привычка. Он любит сидеть один в потемках. Порой я прихожу домой за полночь. Свет в доме потушен. Я вхожу как можно тише: не хочу беспокоить маму. У нее чуткий сон. Прокрадываюсь в комнату на цыпочках, раздеваюсь, не зажигая света. Выхожу на кухню – выпить воды. Ботинки снимаю, ступаю бесшумно. Вхожу в кухню и только что не наталкиваюсь на отца. Он сидит на стуле в пижаме, курит трубку.

– Привет, пап, – говорю я.

– Привет, сынок.

– Пап, ты почему не ложишься?

– Еще лягу.

Но с кухни не уходит. Я уже давно заснул, но не сомневаюсь, что он всё еще сидит на кухне, курит.

Я частенько сижу у себя в комнате допоздна, читаю. Слышу, как мама копошится по дому. Слышу, как укладывается спать мой младший брат. Слышу, как возвращается домой сестра. Как она возится с баночками, гребенками, но вот и она затихает. Я знаю, что она уснула. Чуть погодя я слышу, как мама желает отцу спокойной ночи. А я всё читаю. Вскоре мне захотелось пить. (Я пью много воды.) Иду на кухню. И снова едва не наталкиваюсь на отца. И едва ли не каждый раз поражаюсь. Я забыл о нем. А он – вот он тут: курит, сидит, размышляет.

– Пап, ты почему не ложишься?

– Еще лягу, сынок.

Но не ложится. Сидит, курит, думает. Меня это тревожит. Я не понимаю его. О чем он может думать? Как-то раз я спросил его:

– Пап, о чем ты думаешь?

– Ни о чем, – говорит он.

Как-то раз я оставил его на кухне и пошел спать. Несколько часов спустя я проснулся. Пошел на кухню. Так оно и есть – он тут. Трубка потухла. А он всё равно сидит – уставился куда-то в угол. Через минуту-другую я освоился в темноте. Попил. А он всё сидит и смотрит. Смотрит не мигая. Меня он, похоже, и не заметил. Мне стало не по себе.

– Пап, ты почему не ложишься?

– Еще лягу, сынок, – говорит он. – А ты ложись, не жди меня.

– Но ты, – говорю, – сидишь тут уже Б-г знает сколько времени. Что случилось? О чем ты думаешь?

– Ни о чем, сынок, – говорит он. – Ни о чем. Мне так покойно. Только и всего.

И так он это сказал, что я поверил. Не похоже было, чтобы его что-то точило. Голос у него был ровный, ласковый. Вполне обычный. И тем не менее понять его я не мог. Сидит один, на неудобном стуле, далеко за полночь, в потемках – ну отчего ему тут может быть покойно?

Что его точит?

Я перебрал все варианты. Дело не в деньгах. Вот уж нет. Денег у нас не густо, но, когда он тревожится из-за денег, тайны из этого он не делает. И не в здоровье дело. Всё, связанное с его здоровьем, он обсуждает открыто. И здоровье домашних его вряд ли тревожит. Может, с деньгами у нас и не так хорошо, зато со здоровьем очень даже неплохо. (Постучи по дереву, сказала бы мама.) Так что же его точит? Увы, мне это неизвестно. Но тревожусь от этого я не меньше.

А что, если он думает о своих братьях, оставшихся там, на прежней родине. Или о матери и двух мачехах. Или об отце. Но ведь все они давно умерли. Да и вряд ли его томят мысли о них. И сказать, что его томят мысли, нельзя. Никакие мысли его не томят. Похоже, он вообще ни о чем не думает. Слишком уж у него спокойный, слишком, нет, не довольный, а просто спокойный вид – так что не похоже, чтобы его что-то точило. Возможно, всё именно так, как он и говорит. Возможно, ему и впрямь тут покойно. Но поверить в это трудно. Вот что меня тревожит.

Знать бы только, о чем он думает. Знать бы только, думает ли он вообще о чем-то. Не исключено, что я и не смог бы ему помочь. Не исключено, что он и не нуждается в помощи. Не исключено, что всё обстоит так, как он говорит. Не исключено, что это его успокаивает. Но в таком случае меня, по крайней мере, перестало бы тревожить это его обыкновение.

Почему он сидит в потемках? Он что, своротил с ума? Нет, не может того быть. Ему всего пятьдесят три года. И ум у него такой же острый, как и прежде. Вообще-то он такой же во всех отношениях. Как и прежде, любит свекольник. Как и прежде, приступает к чтению «Таймс» со второго раздела. Как и прежде, носит высокие воротнички. Как и прежде, верит, что Дебс1 мог бы спасти страну и что Т. Р.2 был марионеткой в руках крупного капитала. Он такой же, как прежде, буквально во всем. За прошедшие пять лет он ничуть не постарел. Это отмечают все. Он, по общему мнению, на редкость хорошо сохранился. Так-то оно так, и тем не менее он сидит далеко за полночь один в потемках, курит, смотрит, не моргая, прямо перед собой.

Если ему, как он говорит, тут покойно, пусть бы себе сидел. А что, если нет? Что, если дело в чем-то таком, чего мне не постичь? Что, если ему нужно помочь? Почему он молчит? Почему не хмурится, не смеется, не плачет? Почему бы ему хоть что-то не предпринять? Почему он просто сидит себе и сидит?

В конце концов меня это начало сердить. Не исключено, что причиной тому неудовлетворенное любопытство. Не исключено, что я всё-таки слегка тревожусь. Но как бы там ни было, это его обыкновение начало меня сердить.

– Пап, что-нибудь случилось?

– Ничего, сынок. Решительно ничего.

Однако на этот раз я твердо вознамерился не дать ему отделаться отговорками. Я рассердился.

– Раз так, почему ты сидишь тут один допоздна, о чем-то думаешь?

– Мне тут покойно, сынок. Мне это по душе.

Так я ничего и не добился. Завтра он снова засядет допоздна на кухне. Я буду недоумевать. Тревожиться. Нет, я на этом не остановлюсь. Я рассердился.

– Нет, а всё-таки, пап, о чем ты думаешь? Почему ты сидишь в потемках? Что тебя точит? О чем ты думаешь?

– Ничего меня не точит, сынок. Всё у меня хорошо. Просто мне тут покойно. Иди спать, сынок.

Сердиться я перестал. А тревожиться – нет. И решил во что бы то ни стало дознаться. Это же ни на что не похоже. Почему бы ему не открыться мне? Меня не оставляет чувство, что, если не узнать, в чем дело, я рехнусь. И я гну свою линию.

– И всё-таки, пап, о чем ты думаешь? Что у тебя на уме?

– Ни о чем, сынок. Так, вообще. Ни о чем в частности. Так, обо всем.

Ответа мне не удастся добиться.

Уже очень поздно. На улице тихо, в доме темно. Я поднимаюсь по лестнице медленно, через скрипучие ступеньки переступаю. В звонок не звоню, открываю дверь своим ключом, прокрадываюсь к себе. Раздеваюсь и тут вспоминаю, что мне хочется пить. Босиком иду на кухню. И, еще не дойдя, понимаю, что он там.

Вижу отца – его силуэт выделяется своей темнотой и в потемках. Он сидит на том же стуле, оперев локти в колени, сжимает в зубах потухшую трубку, глаза его, не моргая, смотрят прямо перед собой. Он, по всей видимости, и не осознает, что я здесь. Он и не слышал, как я вошел. Я молча стою в дверях, слежу за ним.

Всё стихло, тем не менее ночь полна звуков. Недвижно стоя в дверях, я начинаю их различать. Тикает будильник на леднике. Еле слышно шуршат шины автомобиля, проехавшего за несколько кварталов. Шелестят бумажки, которые гоняет по улице ветер. Шепотной звук становится то громче, то тише, как дыхание. Непонятно почему, но он ласкает слух.

Однако пересохшее горло напоминает о себе. Я решительно вхожу в кухню.

– Привет, пап, – говорю я.

– Привет, сынок, – говорит он. Голос у него тихий, мечтательный. Он не меняет позы, не переводит взгляда.

Я не могу найти кран. С улицы через окно в кухню проникает смутный свет, отчего комната кажется еще темнее. Я дотягиваюсь до короткой цепочки посреди кухни. Дергаю за нее, включаю свет. Отец выпрямляется, вздрагивая так, точно его ударили.

– В чем дело, пап? – спрашиваю я.

– Ни в чем, – отрезает он. – Только выключи свет.

– Чем тебе мешает свет? – говорю. – Что случилось?

– Ничего, – говорит он. – Не люблю электричества.

Я выключаю свет. Неспешно пью воду. Не надо пороть горячку, уговариваю я себя. Надо докопаться, в чем тут дело.

– Ты почему не ложишься? Почему сидишь допоздна в потемках?

– Мне здесь хорошо, – говорит он. – Не могу привыкнуть к электричеству. В моем детстве у нас, в Европе, электричества не было.

Сердце у меня екает, я с облегчением перевожу дух. Вроде бы начинаю понимать, в чем дело. Вспоминаю рассказы о его детских годах в Австрии. Так и вижу перед собой корчму, широкие балки потолка, деда за стойкой. Уже поздно, посетители разошлись, дед подремывает. Жаркое пламя погасло, угли подернуты пеплом. В корчме темно, и темнота сгущается. Я вижу мальчика – он пристроился на вязанке хвороста по одну сторону огромного очага, его глаза сияют, он не отрывает глаз от унылых остатков потухшего пламени. Мальчик этот – мой отец.

Я вспоминаю, до чего же приятно мне было смотреть на отца, когда я стоял, ничем не обнаруживая своего присутствия, в дверях.

– Значит, тебя ничего не точит? И ты, пап, сидишь в потемках, просто потому, что тебе так нравится? – я с трудом удерживаюсь, чтобы не закричать – до того обрадовался.

– Ну конечно, – говорит он. – Не могу думать при свете.

Я ставлю стакан на стол, поворачиваюсь – направляюсь к себе.

– Спокойной ночи, пап, – говорю я.

– Спокойной ночи, – говорит он.

И тут я спохватываюсь. Оборачиваюсь.

– Пап, так о чем всё-таки ты думаешь? – спрашиваю я.

Его голос, как мне кажется, доносится откуда-то издалека. Снова спокойный, ровный.

– Ни о чем, – тихо говорит он. – Так, обо всем. *Ίάματὰ πάλαι ποτέ ἐν τῷ Ἑ. Αἰῶνι αἰετῶς*

СВИНЬЯ В АПЕЛЬСИНАХ

Яков Шехтер

Эта история произошла в Бней-Браке, городе, словно специально созданном для диковинных историй и удивительных происшествий. Сама по себе она может показаться малозначительной, но опытный летописец непременно обратит на нее внимание. Никогда ведь не знаешь, в какую бездну может закатиться оброненная со стола пуговица...

В один из мясных магазинов, расположенных на улице Рабби Акивы, вошла женщина. Роста она была среднего, худощава, двигалась легко и грациозно. Платье из чуть выгоревшего голубого ситца ладно охватывало фигуру, коротко подстриженные седые волосы создавали вокруг головы подобие сияния.

Оглядев застекленную витрину прилавка, она протянула хозяину листок бумаги и с сильным русским акцентом спросила:

– Есть?

Хозяин взглянул на бумажку и онемел.

Спектакли, которые ставит жизнь, зачастую убедительней любого вымысла. Как должен стараться писатель, ломать голову режиссер, репетировать артист, чтобы достигнуть такого эффекта?! А в жизни случайный человек безо всяких репетиций говорит одно-единственное слово – и наступает тишина.

Впрочем, продолжалась она недолго. Хозяин закрыл рот лишь для того, чтобы немедленно его раскрыть. Нет, он не кричал, речь его была достойна и уравновешенна, но посетительница, даже не разобрав ни одного слова, произнесенного на чужом для нее языке, немедленно ретировалась.

Промокнув бумажным полотенцем обильно выступивший пот, хозяин пригладил бороду и еще раз взглянул на бумажку. Сомнений не оставалось: животное, неумелой рукой изображенное на рисунке, могло быть только свиньей.

– Ну уж это явные сказки! – воскликнет читатель и... ошибется. Конечно, трудно представить такую неискренность, перемешанную с наивной верой во всемогущество магазинов центральной улицы. Трудно, но можно. Ведь как ни крути, а случай произошел, повергнув хозяина лавки в состояние полной деморализации.

Немедленно заперев дверь, он уселся на стул и, покручивая рукой пейсы – старая привычка, еще с ешиботных времен, – погрузился в размышления. Куда понес его поток мыслей, разобраться совсем не просто, поэтому для начала оглядим внимательнее героя рассказа.

Умеренного телосложения, слегка сутул, высокий лоб, две глубокие морщины на переносице. Очки плотно сидят на внушительных размеров носу, дужка смяла кожу и удобно устроилась в образовавшейся складке. Небольшие пейсы, обычно заправленные за уши, на первый взгляд могут показаться типично «литовскими». Но длина седой бороды, туфли без шнурков, штаны с завязками до середины икр и высокие черные носки однозначно свидетельствуют: их обладатель, человек, мучительно размышляющий о жизни в самом разгаре рабочего дня, – хасид.

Трудно даже представить, в какие дебри самоанализа поверг реб Шлойме неумелый рисунок. Вся его жизнь замельтешила перед мысленным взором, словно страницы забытой на сквозняке книги. Впрочем, время для ревизии такого рода было самое подходящее. Нежданный визит пришелся на пятый день месяца тишрей, самую середину Грозных дней между Рош а-Шона и Йом Кипуром.

– Почему она пришла именно ко мне? – думал реб Шлойме. – Кому придет в голову искать свинину в Бней-Браке? Не ангела ли послал Г-сподь, напомнить о моих прегрешениях?

Одни вопросы порождали другие, другие – третьи. Пугая реб Шлойме неприступным видом и каменной остротой углов, они собирались в глыбу чуть ниже сердца. Так и этак прокручивал он возможные проступки, и чем больше думал, тем страшней ему становилось. Выход из этого кошмара был один: немедленно посоветоваться с раввином.

Хождение по раввинам приняло в Бней-Браке характер повальной эпидемии. О, если б Моше-Рабейну, установивший это правило, мог знать, какими вопросами станут донимать знатоков его Закона! На любое маломальское затруднение тут же находится немедленный ответ – посоветуйся с раввином. Перезезжать ли на другую квартиру – стоит поговорить с раввином. С кем из двух врачей поликлиники проконсультироваться – к раввину. Во что вложить деньги на бирже – снова к нему.

Шутники утверждают, будто истинная мудрость состоит в знании, к какому раввину идти в каком случае.

– А что произойдет, – вопрошают они, – если посреди Бней-Брака приземлится летающая тарелка?

И сами же отвечают:

– Улицы опустеют. Дети побегут советоваться с мамами, мамы с мужьями, а мужья с раввинами.

Дело осложняется тем, что из десяти жителей Бней-Брака трое – раввины. Но это вовсе не снимает с них обязанности советоваться с другими знатоками, более сведущими в Законе, а следовательно, и в мудрости жизни.

Бней-бракцы не верят в существование летающих тарелок, пришельцев с других планет и прочую телевизионную нечисть, порожденную средневековыми страхами современного обывателя. В городе нет телевизоров, и оттого этот анекдот вызывает особенную улыбку. Но в соседнем Рамат-Гане, где над каждой крышей торчит антенна, его воспринимают совсем по-другому.

С реб Шлойме дело обстояло несколько проще. Как настоящий хасид, он по любому вопросу обращался к Ребе, всегда получая практический совет и душевное успокоение. Ребе обладал удивительной способностью увидеть последний поворот мысли, сразу оказаться в той точке, которую собеседник еще только пытается нащупать в тумане собственных слов.

Реб Шлойме закрыл магазин и направился напрямиком в микву. О миква! Где найти слова, откуда взять краски, достойные повествовать о тебе! Как передать дрожь, пробегающую по телу вступающего под твои священные своды, чем отразить покой, чистоту и отрешенность тех, кто покидает сей прекрасный удел...

Горячий воздух, словно целебный бальзам, смягчает самые заскорузлые души. Обычай твой прост и суров, о миква, точно справедливый судья ты взыскуешь лишь истину, обнажая правду, доселе скрытую покровами лицемерия и лжи.

Повесив одежду на крючок в раздевалке, реб Шлойме, стараясь не поскользнуться на влажном мраморном полу, вошел в зал. Четыре бассейна открылись его взору; первый, набитый битком, он прошел, даже не замедлив шага. Во втором резвилось несколько мальчишек, явно перепутав место ритуальных омовений с обыкновенным бассейном. Третий был полон лишь на треть, вода, шурша и захлебываясь, струилась из отверстия в голубой кафельной стенке. В четвертый степенно погружался старик, с багровою лысой головой. Лысина то показывалась над паром, стелющимся по поверхности воды, то исчезала в тумане.

Реб Шлойме ухватился за блестящий металлический поручень и начал спускаться по ступенькам. Войдя по щиколотку, он замер, уже во второй раз за последние полтора часа. Жидкость, наполняющая бассейн, походила на плазму в свободном состоянии, на бушующее пламя ада или, в самом крайнем случае, на крутой кипяток. Бросив недоумевающий взгляд на багровую лысину, реб Шлойме ойкнул и быстро выскочил наружу.

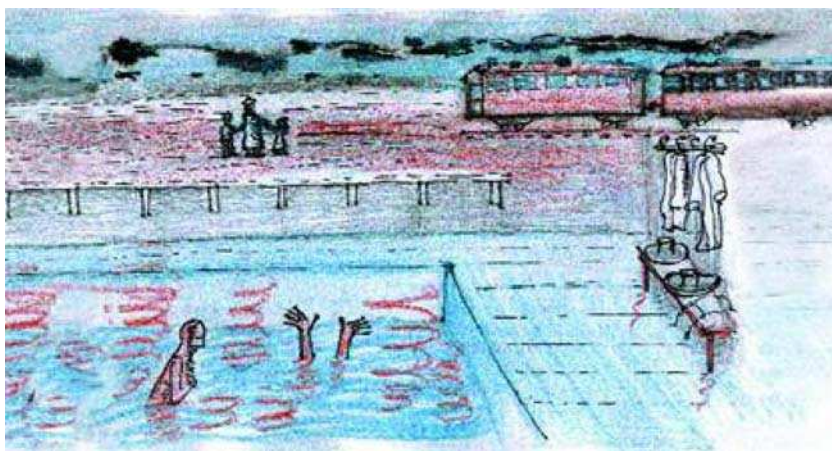
Настоящий хасид любит горячую микву. Неизвестно, откуда берет свое начало этот обычай, но так сложилось, так повелось, и не нам его менять. Свидетельствует ли он о температуре души или о степени отрыва от проблем плоти, а может, извечный дух мужского соперничества дает о себе знать в такой странной форме, кто знает?

Начиная с погружений в бассейн с комнатной температурой, хасид постепенно воспитывает в себе способность купаться чуть ли не в кипящей смоле. И пусть смеются «литовцы» в стриженные бороды, пусть называют это тренировкой, деликатно намекая на расплату, ожидающую в будущем мире последователей Баал-Шем-Това, ничто не остановит хасида перед раскаленной миквой.

«А ведь на прошлой неделе я еще мог! – вздрогнул реб Шлойме. – Не зря этот странный визит, ох не зря».

Шикнув на мальчишек, он вошел во второй бассейн, обернулся лицом к стене и медленно погрузился до шеи.

Окунался реб Шлойме ровно восемнадцать раз. Закрыв глаза, он вспоминал события прошедшей недели, месяца, года. Попросив Всевышнего очистить его от известных и неизвестных прегрешений, набирал полную грудь воздуха и нырял. Вода смыкалась над головой, и становилось тихо. Привычные звуки исчезали, им на смену приходило глухое гудение водопроводных труб. Задержав дыхание, реб Шлойме представлял, как черные пиявки, порожденные его поступками, нехотя отлипают от тела и растворяются в горячей воде.

В микву он ходил каждую неделю на протяжении многих лет, и память ни разу его не подвела, услужливо напоминая о пропущенных молитвах, резком тоне, завистливых мыслях. Реб Шлойме отчаянно мычал и немедленно погружался поглубже.

Но в этот раз всё пошло по-другому. Вместо перечня прегрешений перед его мысленным взором вдруг поплыли давно позабытые картины войны.

Поддавшись общей панике, они успели на единственный поезд, ушедший 23 июня из Каунаса. В суматохе посадки мать вместе со Шлойме и Ривкой сумела пробиться в вагон. Спустя полчаса патруль, разыскивавший немецких парашютистов, обнаружил безбилетных пассажиров. Выяснив, что брони у них нет, он высадил «зайцев» на первом же полустанке.

Трехлетняя Ривка сильно ударилась о ступеньку вагона и плакала не переставая. Ножка начала опухать, и мать решила возвратиться домой. Спустя четыре часа они вернулись в город, а еще через шесть в Каунас вошли немецкие танки.

Отца дома не оказалось. Кто-то рассказал, будто его мобилизовали сопровождать партийный архив. Больше Шлойме его не видел. Кроме коротких детских воспоминаний от отца не осталось ничего, совсем ничего.

Несколько недель они просидели запершись, не решаясь выходить на улицу, а когда закончилась еда, перешли в гетто. Было очень холодно, чтобы хоть как-то согреться, разбирали пол и жгли доски в маленькой железной печурке. Постоянно хотелось есть, мать с утра уходила на работу, а вечером, возвращаясь, доставала из складок одежды всего несколько картофелин.

Прошло несколько месяцев или лет – Шлойме плохо ориентировался во времени, каждый день тянулся бесконечно долго, не принося ни радости, ни утешения. Однажды утром по гетто разнесли приказ – всем детям собраться на площади перед юденратом. За невыполнение приказа – смерть.

Мама одела потеплее Шлойме и Ривку и увела на чердак. Там, забившись в темный угол, они просидели до полудня. На чердаке царил студеной тишина, заиндевелые изнанки черепицы искрились в лучах солнца, проникавшего сквозь окошко. Лучи были настолько яркими, что казались нарисованными, словно неведомый художник провел их, не жалея желтой краски.

Иногда с улицы доносился крик или приглушенный расстоянием звук выстрела. Мама еще крепче прижимала к себе Шлойме и Ривку и шептала в маленькие ушки, согревая их дыханием:

– Всё будет хорошо, нас не найдут, всё будет хорошо.

После полудня на лестнице раздались тяжелые шаги. Из щели в полу, прямо перед Шлойме выскочила мышка, как видно, напуганная скрипом лестницы. На Шлойме она не обратила ни малейшего внимания, словно он был уже неодушевленным предметом, наподобие стропил или дымохода.

Поводя глазками, мышка принюхалась, смешно топорща усы, и юркнула обратно в щель.

«Счастливая, – подумал Шлойме, – и я бы хотел стать такой мышкой, спокойно жить под полом, искать крошки, зерна, а при опасности скрываться в первой щели».

На чердак ввалились двое полицаев. Один бегло осмотрел чердак и, ничего не заметив, стал спускаться вниз. Второй задержался, что-то заподозрив, выставил перед собой винтовку со штыком и подошел к углу.

От него пахло водкой и чесноком. Наверное, собираясь на работу, он основательно выпил.

Мама заплакала. Она так кричала, так билась, так умоляла пожалеть детей, что полицаи уступил:

– Ладно, – сказал он, отводя штык, – оставь себе одного. Но второго я уведу.

– Нет, нет, – плакала мама, – пожалуйста, нет!

Полицаяю надоела возня, он поднял винтовку и направил ее на Ривку.

– Тогда останетесь тут втроем.

Шлойме тогда было десять лет, и он всё понимал. Какая-то сила подняла его на ноги, отцепила от сжавшихся пальцев матери и выбросила на середину чердака.

– Я пойду, – сказал Шлойме. – Не волнуйся, мама, я уже большой.

Полицейский хмыкнул и двинулся следом. Спускаясь по лестнице, Шлойме посмотрел в тот угол, где оставались мать и Ривка. Последний взгляд Ривки до сих пор стоит перед мысленным взором Шлойме, стоит лишь прикрыть веки.

Полицейский вытолкнул Шлойме на площадку и вернулся на чердак. Из-за двери раздались два выстрела, Шлойме завизжал и бросился вверх по лестнице. Второй полицейский схватил его за ногу и выволок на улицу.

Детей собрали на площади и посадили в автобусы. Солдаты с овчарками оттеснили толпу кричащих женщин, и колонна медленно двинулась к воротам гетто. Шлойме показалось, будто он различает голос матери. Он прижался стеклу, пытаясь ее разглядеть, но автобус повернул за угол. Крики отдалились, стали тише, потом еще тише – пока не затихли совсем...

О нескольких годах, проведенных в концлагере Штутгоф, Шлойме старался не вспоминать. Много там было всякого, но какой спрос с ребенка. Ни жене, ни детям своим он никогда ничего не рассказывал. В последнее время ему стало казаться, будто выдавил из себя воспоминания, заполнив опустевшее место отрывками из «Теилим». Увы, он ошибся!

Реб Шлойме стиснул зубы и окунулся три раза подряд. Спрос, возможно, невелик, но что было, то было. После ста двадцати ему наверняка припомнят некоторые случаи лагерной жизни. Правда, он найдет, как ответить судьям, ему есть чем возразить обвинителю. Эту речь он много раз произносил про себя, иногда в микве, иногда в День Искупления.

«Владыка Мира, – шептал реб Шлойме, прикрыв лицо молитвенником. – Ты прав и пути Твои праведны, и законы Твои истинны. Но так тяжело примириться с тем, что справедливость Твоя нам недоступна. Зло торжествует, а грешники благоденствуют. Взрослые, умудренные годами мужи теряют голову, не то что десятилетние мальчишки.

Ты избрал нас как доказательство Твоего присутствия. Всегда, несмотря ни на что. Так я живу. Любой мой поступок – ответ тем, с автоматами в руках. Но иногда, Ты ведь знаешь, не хватает сил. Просто сил, только их, и ничего больше».

Выжил Шлойме чудом, проскользнув мимо смертельных опасностей, словно овечка между семидесяти волков. В последнюю ночь, когда грохот подкатившегося к лагерю фронта напоминал раскаты грома, в барак ворвался пьяный эсэсовец.

– Спите! Германия гибнет, а вы спите! – заорал он и принялся садить по нарам из автомата. Магазин опустел, немец вставил другой и выпустил все пули, все до конца.

Барак молчал. Годы дрессировки приучили живых не шевелиться, а раненых – скрывать боль. Шлойме лежал, словно бревно, пули свистели вокруг него, почти прикасаясь, но мимо, всё-таки мимо. Сверху, прямо на голову, полилась горячая струйка, кровь затекала под робу, щекотала уши, но Шлойме не двигался. Эсэсовец бросил в темноту барака пустой магазин, плюнул и вышел в ночь.

До утра заключенные не вставали с мест, ждали. За стенами потрескивали выстрелы, но внутрь больше никто не зашел. Шлойме совсем застыл, кровь засохла и стянула шею, точно повязка. Лишь только забрезжил рассвет, он тихонько поднялся и выскользнул за дверь, к умывальнику.

В лагере стояла тишина. Проходы между бараками покрывал чистый, выпавший за ночь снег. Неподалеку двери лежал, раскинувшись, мертвый эсэсовец. Снег стоял в его раскрытом рту, словно вата.

С плаца донеслось цоканье копыт. На белой лошади, как Мессия, по плацу ехал русский офицер. Шлойме сразу понял, кто это, возле его хедера в Каунасе была гарнизонная столовая, и русские толпились там целыми днями.

Офицер не заметил Шлойме; судя по всему, он чувствовал себя не очень уверенно и в лагерь забрел по ошибке. Не зная, чем привлечь его внимание, Шлойме стал лихорадочно припоминать обрывки русских фраз, случайно застрявших в его памяти. Вспомнив одну, он сорвал себя шапку и, прижав руки к бокам, словно на построении, выкрикнул изо всех сил:

– Да здравствует Сталин!

Офицер рванул поводья, остановил лошадь и, встав на стременах, завертел головой в разные стороны, разыскивая кричащего. Шлойме крикнул снова, офицер стегнул лошадь и через секунду оказался возле него.

Спешившись, он несколько минут расспрашивал Шлойме, быстро говоря что-то по-русски, но Шлойме не понимал. Когда офицер замолчал, Шлойме попросил забрать его отсюда домой, в Каунас. Говорил он, разумеется, на идише, но русский его понял.

– Каунас? – переспросил он. – Литва?

– Да, да, – закивал Шлойме. – Каунас, Лита, Лита!

Неподалеку раздалась автоматная очередь, офицер вскочил в седло и пришпорил коня. Свобода, спасение, жизнь, пришедшие так внезапно, натянули поводья и так же внезапно собрались своей дорогой.

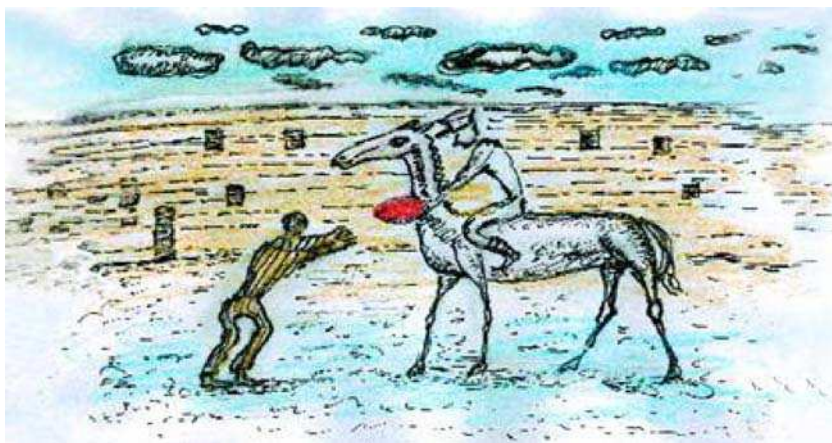
Шлойме не заплакал, нет, слезы давно кончились, но, видимо, было в его взгляде нечто, заставившее русского остановить лошадь. Расстегнув подсумок, он вытащил из него сверток и кинул Шлойме.

– Извини, парнишка, но больше ничем не могу. Извини.

Лошадь взяла в карьер, и Мошиах исчез, оставив за собой резкий запах конского пота и сверток из потертой мешковины. Раскрыв его, Шлойме обнаружил краюху хлеба и две банки консервов. В Штутгофе человеческая жизнь стоила меньше, чем содержимое свертка, и Шлойме кинулся прятать. Ковыляя мимо мертвого эсэсовца, он вытащил из-за его пояса нож и, укрывшись за бараком, вскрыл одну из банок. В ней оказалось мясо, и Шлойме съел его на месте, перемежая жадным надкусыванием краюхи. Вторую банку с остатками хлеба он зарыл в снег.

Сытый впервые за последние несколько лет, Шлойме отправился в барак и прилег на нары. Отдых продолжался недолго; желудок, отвыкший от пищи, отказался переваривать съеденное. Задыхаясь и кашляя, Шлойме выскочил наружу и выплеснул на снег заглотанную пищу, всю, до самой последней крупички.

Это его и спасло. Когда выяснилось, что немцев в лагере больше нет, заключенные принялись искать еду. Вскоре обнаружили две полевые кухни, полные еще теплой каши. Ее хватили руками, набирали в шапки, ели, давясь, и тут же лезли за новой порцией.

Спустя два часа лагерь был усеян валяющимися на снегу скорченными фигурками в полосатых робах – заворот кишок убивал не хуже эсэсовцев.

Американцы появились только на следующий день, хотя Шлойме ждал русских. Он хорошо помнил красную кавалерию на параде 7 ноября, солдат, таких крепких и уверенных. Они излучали несокрушимую силу, поэтому мать и решила вернуться в Каунас. Потом, много лет спустя, интересуясь историей войны, Шлойме никак не мог понять, почему тысячи хорошо вооруженных и обученных людей, словно овцы, сдавались в плен целыми дивизиями, дрожа от вида немецких танков.

Американцы перевезли уцелевших заключенных в большой госпиталь, начали лечить и подкармливать. Английского Шлойме не знал, но за годы, проведенные в концлагере, научился моментально понимать, чего хочет человек в форме.

В один из дней в столовую вошел американский офицер, встал между столами и закричал во весь голос:

– Шма, Исроэл, Ад-най Элокейну Ад-най эход!

Шлойме не поверил своим ушам. Офицер крикнул еще раз, и Шлойме со всех ног кинулся к нему. Из разных углов зала, опрокидывая скамейки, к офицеру бросились еще несколько ребят. Остальные – русские, чехи и поляки – продолжали сидеть, недоуменно переглядываясь.

Американец обхватил ребят руками и заплакал:

– Киндерлах, вос обн зей гимахт фун аих, киндерлах!*

Офицер оказался раввином американской армии. Он ездил по лагерям и отыскивал уцелевших еврейских детей. Шлойме вместе с другими мальчиками перевезли в специальный госпиталь. Почти сразу к нему подсел человек, назвавшийся представителем еврейского ишува в Эрец Исроэл, и принялся уговаривать ехать с ним. В Каунасе бывших заключенных никто не ждет, да и как попадет в Каунас одинокий мальчик, без документов и денег...

Про Эрец Исроэл Шлойме слышал от отца, учил в хедере, рассматривал картинки в календаре. Представитель ишува говорил на идише, а в конце разговора протянул шоколадку. Шоколад Шлойме не пробовал с начала войны.

– Не торопись, – сказал представитель, – когда надумаешь, скажи коменданту, что хочешь поговорить со мной.

– Я согласен, – сказал Шлойме, не откладывая. – Я поеду с вами.

Оказаться снова одному, в чужом и безжалостном мире, он боялся больше всего на свете.

Загадочная штука Провидение. Сколько лет силится реб Шлойме понять его законы, но каждый раз попадает впросак.

Как превратился он, умирающий от голода мальчишка, без родных и близких, в степенного отца семейства, уважаемого члена общины, хасида, жителя Святой земли? Разгадать такое не по зубам простым евреям, для этого существует Ребе.

Реб Шлойме оглядел собственные пальцы, лежащие на кафельном бордюре миквы.

Вот этими вот самыми руками, с помощью Всевышнего, достиг он благополучия и достатка. Зачем же с Небес подложили ему свинью, о чем хотели сказать, на что намекнуть?

Окунувшись три раза подряд, реб Шлойме отер воду с лица и, снова ухватившись за поручни, тяжело задышал.

Годы, годы дают о себе знать. Раньше он мог просидеть под водой около минуты, мысленно перебирая возможные прегрешения, а сейчас после нескольких секунд начинает звенеть в ушах.

Окутанный клубами пара, словно паровоз, мимо миквы прошествовал старик, окунавшийся в соседнем бассейне. Он был неестественно багрового цвета, даже седые остатки волос на голове и те приобрели рыжий оттенок.

«Жена – вот самое главное испытание в жизни мужчины, – подумал реб Шлойме. – Со стороны кажется, будто она такой же человек, только устроенный немного иначе. Ошибка, большая, большая ошибка! Женщина лишь внешне напоминает мужчину, а на самом деле она совершенно другое существо, думающее по-другому и чувствующее иначе».

Когда Шлойме познакомили с Рахель, она была скромной застенчивой девушкой, не поднимающей глаз и говорившей почти шепотом. Как превратилось ангельское создание в базарную скандалистку, известно только Всевышнему. И хоть утверждает Рахель, будто он, Шлойме, довел ее до такой жизни, нет в этом утверждении ни капли логики. Ведь не совершал он ничего предосудительного, никогда не думал о других женщинах, не заводил друзей для бессмысленных разговоров, не убегал из дому для развлечений. Единственное, на что он отрывал время от семьи – кроме работы, разумеется, – так на молитвы и учение Торы.

Первая их размолвка началась через год после свадьбы. Они гостили у ныне покойных родителей Рахели, в Меа Шеарим. Во время обеда в комнату, где за длинным столом восседала вся семья, ворвался брат тестя.

– Нет, вы только послушайте, что пишут эти злодеи! – закричал он, отирая катившийся из-под штраймла пот. «Этими злодеями» в Меа Шеарим именовали сионистов, ведущих Страну Израиля по пути безнравственности и забвения заповедей. Путь сей заканчивался в бездне ада, и поэтому дядя Рахели, беспокоясь за судьбу еврейского народа, не стеснялся в выражениях. Осыпая проклятиями правительство, президента, кнессет, суд, армию, полицию и продавший сионистам раввинат, он пришел в такое возбуждение, что выбежал на улицу и там, размахивая газетой, продолжал честить злодеев.

– Твой дядя настоящий сионист, – сказал Шлойме Рахели.

– Почему? – удивилась она. – Он же их проклиняет!

– В России он никогда бы не стал публично проклинать Сталина, в Англии – королеву, а в Америке – президента. Если он не боится так поступать, значит, чувствует себя свободно, то есть – дома. И, следовательно, он – сионист.

Рахель ничего не ответила, но слегка отодвинулась, а ночью, впервые за их совместную жизнь, отвернулась лицом к стене и не отозвалась на ласковые прикосновения руки Шлойме.

С тех пор она принялась постоянно сравнивать всё, что бы ни говорил Шлойме, с порядками, заведенными в доме ее родителей. Ответить ему было нечем: родительский дом в Каунасе Шлойме помнил

смутно, а правила, почерпнутые в домах товарищей по ешиве, где он частенько бывал, Рахель отвергала безоговорочно. Ее послушать, то обычаи, принятые в иерусалимской общине «ревнителей», восходили непосредственно к Моше-Рабейну, а желание изменить даже мельчайший штрих являлось бунтом против веры и злокозненным непослушанием.

Устав от споров, Шлойме пришел за советом к Ребе.

– Женщину, ребенка и сексуальное влечение левой рукой отталкивают, а правой притягивают, – сказал Ребе, внимательно выслушав жалобы Шлойме. – Не спорь с женой, если она просит делать «кидуш» сидя, – делай сидя. А к сладкому кугелю можно притерпеться; люди привыкают и к более страшным вещам.

Тут Ребе так взглянул на Шлойме, что ему стало стыдно за свое привередничанье.

– Наверное, ты слишком много сидишь дома, – продолжил Ребе, – крутишься под ногами у жены. Учи больше Тору, постарайся подольше находиться в бейс-мидраше. Чем меньше ты будешь видеть жену, тем лучше станут твои семейные отношения.

Уже в дверях он остановил Шлойме.

– В чем разница между правой рукой и левой? – спросил Ребе.

Шлойме мог привести приблизительно три разных ответа, но на вопросы Ребе не отвечает, а ждут продолжения.

– Правая рука сильнее левой, – медленно произнес Ребе, – потому притягивают всё-таки больше, чем отталкивают. Не переусердствуй.

Возможно, он действительно переусердствовал? А может, Рахель с самого начала не была его истинной парой, оттого все споры и разногласия? А истинная, настоящая пара бродит где-то рядом, по тем же улицам Бней-Брака, не находя, подобно ему, покоя и отдохновения.

Глупости! Целую жизнь они прожили вместе, хуже-лучше, но вместе, и он уже не мыслит себя отдельно, без Рахели.

Но почему он выбрал ее, всё-таки ее из прочих кандидаток? Какое незаметное колесико шевельнулось в механизме Высшей Воли, чтоб повернуть его сердце именно к ней? Предложений хватало, Шлойме был в числе лучших учеников ешивы, и многие отцы хороших девушек хотели видеть его своим зятем.

Нет, на Рахель он остановился не случайно, совсем не случайно.

Реб Шлойме набрал полную грудь воздуха и опустил под воду. Закрыв глаза, он припомнил ту встречу, вторую или третью по счету, после которой он понял, что выбирает Рахель.

Она была не лучше и не хуже других: густая коса, переброшенная на грудь, просторная блузка, скрывающая фигуру, юбка до щиколоток, осторожный, осматривающий взгляд. Ни красавица, ни уродка; милостивая, как все девушки в девятнадцать лет.

В тот вечер было ненастно, порыв ветра едва не сорвал со Шлойме шляпу, он еле успел подхватить ее, резко подняв руку. От быстрого движения рукав пиджака соскользнул, обнажив лагерный номер.

– Ты был там? – спросила Рахель.

– Да.

– Расскажи.

К своему собственному удивлению, Шлойме начал рассказывать. Рахель осторожно уточняла подробности, выспрашивала про семью, родственников.

От семьи Шлойме никого не осталось; письма, отправленные в Каунас, вернулись, по указанному адресу проживали совсем другие люди. Шлойме обратился в советское посольство, и спустя несколько месяцев получил вежливый ответ.

«К сожалению, – писал консул, – большая часть еврейского населения Каунаса уничтожена немецко-фашистскими оккупантами. По сведениям паспортного стола города Каунаса, лица с указанной фамилией в настоящее время в городе не значатся».

– Назови имена всех погибших родственников, – попросила Рахель в конце рассказа.

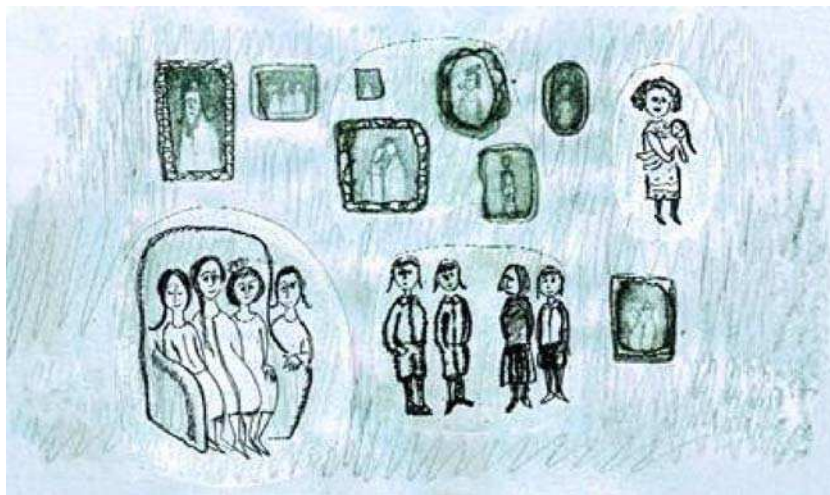
– Соня – моя мама, – начал Шлойме, – Ривка – сестра, Довид – отец, Зелик, сын дяди Хаима...

Он повторял их имена, словно выученное в детстве, а потом забытое стихотворение. Каждое имя тянуло за собой образ, иногда полустертый, а иногда яркий, точно запечатленный несколько часов назад.

– Шестнадцать, – подвела итог Рахель. Она протянула ладонь, словно хотела прикоснуться к тому месту на руке Шлойме, где был вытатуирован лагерный номер. Жест, невысказанный для воспитанной ортодоксальной девушки; такое прикосновение возможно только после свадьбы. Словно прочитав мысли Шлойме, Рахель испуганно отдернула руку.

– Знаешь, – она взглянула Шлойме прямо в глаза, – давай родим шестнадцать детей и назовем этими именами.

Возвращаясь в Бней-Брак, Шлойме еще и еще раз вспоминал слова Рахель и ее взгляд. Автобус не успел добраться до конечной остановки, а он уже окончательно решил.

Как задумали, так и получилось. Шестнадцать детей подняла Рахель, ни одного не отдала болезням. Поначалу Шлойме много помогал ей, но постепенно она захватила все позиции в доме, и его помощь больше мешала ей, чем помогала. У скромницы Рахели потихоньку прорезался командирский тон и скандальные нотки: попробуй-ка справишься с такой бандой проказливых детей, бешеных от жары и фруктов. Нет, реб Шлойме всё понимал и не жаловался, да и на что жаловаться, ведь такое счастье – шестнадцать здоровых, умных детей – не каждому выпадает.

По милости Всевышнего мальчики и девочки родились в точном соответствии с погибшими родственниками Шлойме, один в один, словно чья-то рука направляла таинственный процесс зачатия.

Реб Шлойме много читал, интересуясь механизмами работы Провидения, и законы, постепенно всплывающие из книг и рассказов стариков, наполняли его душу трепетом. Мир был построен разумно и

справедливо, всё в нем гармонично соответствовало одно другому, и не было в его устройстве пробелов или ошибок.

Одно только плохо вписывалось в эту удивительную гармонию – личная судьба самого реб Шлойме. На отвлеченных примерах, взятых из святых книг, он понимал справедливость действия законов и признавал их мудрость, но когда мысль возвращалась к чердаку в Каунасе, чувство перехлестывало доводы разума.

С этим вопросом он пришел к Ребе, чудом спасенному хасидами из дрожащего под немецкими бомбежками Белостока. Ребе внимательно выслушал Шлойме, прикрыв глаза, словно от яркого света. Его семью и почти всех учеников развеяли по полям ветры, пронесившиеся над трубами крематориев. То, о чем спрашивал Шлойме, было для Ребе частью личной судьбы.

– Послушай, мальчик, – сказал он, выслушав Шлойме до конца. – Я расскажу тебе одну историю. Она произошла в прошлом веке, в небольшом польском местечке.

В одной из хороших семей этого местечка старший сын отошел от веры наших отцов и выучился на врача. Всевышний подарил ему хорошую голову и чуткие руки, и лекарь из него удался славный. Он получил право на проживание в Варшаве, разбогател и со временем превратился в лощеного завсегдатая варшавских салонов. Узнать в нем выходца из местечка было невозможно.

Сменив веру, врач тем не менее не стал настоящим христианином, а справлял обряды только для виду. В глубине его сердца сохранилась небольшая точка, наполненная теплым чувством к своему народу.

Каждое лето врач ездил отдыхать на немецкие курорты и в одной из поездок вдруг вспомнил местечко, семью, родственников и решил навестить их. Врач сошел с поезда на ближайшей станции, нанял карету и отправился на свидание с детством.

В местечке ничего не изменилось: те же низкие домики, длинные бороды стариков, пестрые платки женщин, ватаги мальчишек с пейсиками вразлет. Звучание родной речи приятно удивило врача, он уже много лет не разговаривал на идише, и, как выяснилось, этот язык по-прежнему ласкал его слух.

Потрясенные родственники не могли поверить, будто бритый господин во фраке и есть юноша, исчезнувший много лет назад. Разговоры и расспросы могли продолжаться до самого утра, но наступила суббота, и мужчины собрались в синагогу.

Врач пошел с ними. Время многое смыло из его памяти, он с трудом понимал, о чем идет речь, и рассматривал происходящее с интересом туриста.

Служба ему понравилась, ведь в синагоге царил строгий порядок. У восточной стены сидели раввин и почтенные члены общины, за ними члены попроще, дальше бедняки, а задние ряды занимали нищие и дети. Женщины сидели вообще отдельно, на втором этаже. Все одновременно вставали, одновременно кланялись, одновременно провозглашали «Омейн» на благословения кантора.

Вернувшись из синагоги, семья уселась за большой стол, уставленный яствами, и начался пир. После ужина расспросы продолжились, и спать врач отправился около полуночи.

На следующее утро он с удовольствием пролежал бы в постели часов до десяти, но уже в семь его разбудил стук в дверь. Пора было отправляться на молитву.

Проклиная свое любопытство, врач нехотя оделся и последовал за родственниками. На сей раз литургия ему понравилась меньше, особенно чтение Торы.

В начале, предполагал врач, пригласят раввина, потом старосту синагоги, за ним стариков, почтенных граждан и так далее. Но вместо этого первым вызывали какого-то оборванца, за ним безусого юношу, потом мальчишку, затем снова юношу, а про раввина вообще забыли.

После молитвы врач отозвал в сторону старосту и вежливо попросил разрешения сказать несколько слов.

– Послушайте, – сказал врач, стараясь сдерживать покровительственные нотки бывалого жителя столицы. – Всё у вас красиво и ладно, но с чтением Торы есть непорядок. Вы, наверное, давно варите в собственном соку и перестали обращать внимание на вещи, хорошо видимые со стороны.

Староста внимательно выслушал соображения врача, но вместо благодарности еле сдержал улыбку.

– Нет, это вы послушайте, – сказал он врачу, начинающему терять самообладание. – Если бы вы приходили к нам чаще и спрашивали больше, то знали, что первым к Торе вызывают коэна, а вторым леви. Коэн у нас в синагоге только один, тот самый оборванец, леви тоже один, у мальчика была бар-мицва, у четвертого годовщина смерти матери, у пятого – день рождения, шестого и седьмого в этом году к Торе еще не приглашали, пришла их очередь, а раввина вызывали в прошлую субботу.

– Так и человек, – завершил Ребе свой рассказ. – Приходит в мир на короткий срок, не зная того, что было до него, ни тем более того, что случится после. Мириады связей окутывают любую судьбу, влияют на каждый поступок, воздействуют на будущее. Но человек, в беспредельной самоуверенности своей, хочет и требует, чтоб справедливость, причем так, как он ее понимает, восторжествовала немедленно, прямо у него на глазах.

Иди, мой мальчик, учись и думай. Пусть люди рассказывают не о знамениях, которыми удостоил тебя Всевышний, а о чудесах, которые ты совершил для Него.

И Шлойме ушел. Много листов Талмуда прошелестело с тех пор, выросли дети, родились внуки, и с годами реб Шлойме пришел к некоему решению. На первый взгляд оно казалось довольно простым, однако принять его сердцем и сделать линией поведения оказалось совсем не легким делом.

«Не по своей воле я пришел в этот мир, – думал реб Шлойме, – и не по своей уйду. Не я воздвиг горы, населил континенты, завязал и переплел мириады ниточек, связывающих события и судьбы. И не мне страдать от непонимания вселенских процессов. Нужно просто жить, выполнять заповеди и не обижать других людей. А остальное пусть решает Тот, Кто отвечает за судьбы мира.

Позиция устоялась и стала частью внутреннего баланса. Жизнь спокойно катилась к старости, мелкие неприятности не могли задержать ее уверенный накат. И тут эта свинья, и не когда-нибудь, а в Грозные дни раскаяния. Неспроста явилась к нему эта женщина, ох неспроста.

** **Ääòè, ÷òî îî è ñâàî è ñâäèèè, ääòè! (èäèè)***

МЕНАХЕМ-ЦЫГАН

Григорий Канович

Окончание. Начало в № 4, 2005

Бабье лето шло к концу. Расположившийся на косогоре табор готовился не то к возвращению в Польшу, не то к переезду на зимовку в Германию, еще сулившую оскудевшее тепло. По вечерам цыгане жгли костры, и их яркие сполохи ложились на сонные, съездившиеся дома погашенного Йонаместиса. С косогора над Вилией до местечка нет-нет да долетали обрывки тягучих, просмоленных мглой цыганских песнопений и тоскливое конское ржанье.

Ильда больше в местечко с косогора не спускалась, и Менахем уже не надеялся ее встретить. Сам он в табор приходиться не решался – придешь и живым оттуда не уйдешь. Но вдруг, в одно пасмурное утро, перед самым отъездом Ильда сама появилась в местечке и принялась возле синагоги подкарауливать Менахема.

– А я-то думал, что вас уже ветром сдуло, – удивился он, когда столкнулся с ней у ворот молельни. – Вы что – не уезжаете? Остаетесь?

Он уже готов был выплеснуть на нее обуявшую его радость, но Ильда своей хмуростью как бы умерила его пыл – мол, не радость меня сюда привела, а беда.

– Цыгане нигде не остаются. Приходит срок, и мы отовсюду уезжаем.

Она помолчала и через мгновение уже не так резко выдохнула:

– Уедем и отсюда. Если, конечно, кто-нибудь поможет.

– А что случилось?

– Зоська пала...

– Зоська?

– Наша лошадь. А без лошади цыган как без рук и без ног. А нас в семье шестеро – отец, мать, три сестренки, мал мала меньше, да старенькая больная бабушка...

– Я бы рад, – опешил Менахем. – Но у нас дома только кошка и три курицы с петухом.

– Курицу в повозку не впряжешь. Нужна лошадь.

– Да, но где ее взять? Балагула Шая своего битюга не даст. С могильщиком Иосифом и говорить нечего – его кляча еле ноги тянет...

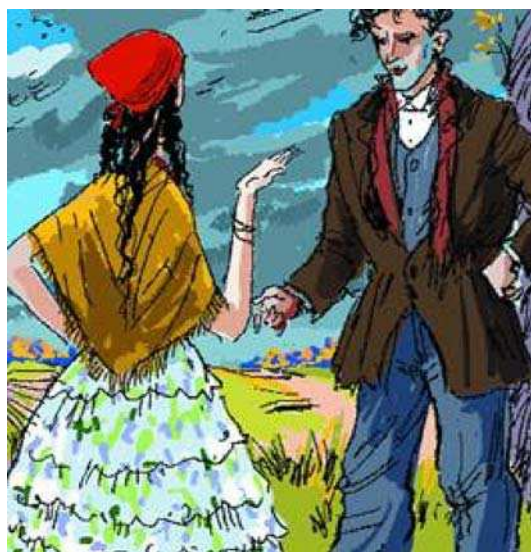
– Следующей осенью, когда приедем снова, мы вернем ее хозяину. Это неправда, что все цыгане – воры. Если поможешь, то всё, что я тебе нагадала, сбудется. Честное слово.

– Я подумаю, – сказал Менахем, не связывая себя обещаниями.

– Табор уходит послезавтра утром, – стараясь скрыть свое недовольство, помрачнела Ильда. – Цыгане не думают, а действуют. А вы думаете, думаете и ничего не делаете. Поэтому вас и не любят.

– А вас не любят за то, что вы делаете, – огрызнулся Менахем.

– А мы в чужой любви не нуждаемся. И ни у кого ее не кланчим! – Ильда вдруг повернулась и вприпрыжку, как вспугнутый зверек, обиженно зашагала прочь...

Всю ночь Менахем ворочался с боку на бок и мысленно повторял ее слова о чужой любви, в которой они не нуждаются, и спорил с Ильдой до самого утра. Она, видно, считает его трусом, не способным на поступок, достойный настоящего мужчины. Но он ей докажет, что это не так. Докажет, что в чужой любви нуждаются все, даже собаки.

Под утро он отправился на окраину к конюшне бургомистра, выпилил лобзиком из деревянной двери замок, нырнул в хлынувшую темень и осторожно вывел бургомистрову лошадь, боясь, что та, почуяв запах чужака, залиvisto заржет и выдаст его.

Уже светало, когда Менахем неуклюже взобрался на рысака и помчался во весь опор к табору.

Табор спал. Услышав конский топот, из шатров то тут, то там стали высовываться их обитатели и с недобрым любопытством разглядывать седока на неоседланной породистой лошади.

– Я ищу... паняле...(барышню) Ильду, – выдавил Менахем.

– Ильду Бальцерович? Их шатер там. Второй с краю, – буркнул кто-то из зевак.

Возле крайнего шатра бугрилась свежая могила, в которую, видно, зарыли павшую Зоську.

– Паняле Ильда! – несмело позвал Менахем. – Паняле Ильда! – его голос ломался от растерянности и нетерпения.

Долго никто не отзывался, и Менахем уже подумывал спешиться, привязать рысака к оглоблям повозки, в которую была свалена упряжь Зоськи, и, заметая следы, лесной тропой вернуться в местечко.

Но тут из распахнутого шатра выскользнул высокий, дородный цыган с пышными, как бы вывязанными из шерсти усами и коротко и зло сказал:

– Ильда спит. Что господину угодно?

– Передайте, что я ее просьбу выполнил.

– Какую просьбу? – неласково спросил усач.

– Пригнал для вашей семьи эту лошадь.

– Ильда! – закричал тот. – Ильда! К тебе какой-то господин. – И, не дождавшись дочери, юркнул в шатер.

Вскоре показалась заспанная Ильда.

– Ой! Менахем! Что я вижу? Лошадь! Живая лошадь! – Она бросилась к нему, схватила за руку и быстро и лихорадочно поцеловала. – Ты... ты настоящий цыган!.. – пролопотала. – А теперь уходи! Слышишь – уходи, пока мой отец не прирезал обоих...

– Счастливо, – выдавил Менахем.

Когда он обернулся, то увидел, как Ильда прильнула щекой к огромной, теплой голове лошади и стала что-то жарко и благодарно ей шептать. Рысак понятливо качал головой, и его лохматая грива шелестела над Ильдой, как плакучая ива.

Поиски похищенного вороного поручили единственному стражу порядка в Йонаместисе Пятрасу Гаршве, но все его старания оказались напрасными. Кроме впавшего в многолетнюю и безмятежную спячку чешского браунинга на тощей заднице, никаких средств для поимки похитителей у него не было. Потерпевший бургомистр несколько раз звонил сыщикам в Каунас, но такие происшествия их сейчас не очень-то заботили и волновали. До рысака ли, когда немцы объявили войну соседней Польше, а русские по навязанному договору под гром оркестров вошли в Литву и разместили в ней свои воинские базы и гарнизоны.

Через сутки после угона Менахем явился в полицию с повинной.

– Ай, ай, ай! Такой серьезный молодой человек, и вдруг конокрад... Зачем ты, дуралей, это сделал? Разве твой дед, гончар Нохем, крал лошадей? Разве твой отец, столяр Лейзер, ночами выпиливал дырки в чужих дверях? Еврей может на пол-лита надуть любого, даже его превосходительство президента, недоплатить в казну налоги, не долить в корчме водки, недодать в лавке сдачи или продать покупателю не весенней свежести селедку. Но врваться в конюшню и красть лошадь?! Фэ!

Суд над гражданином Литовской республики Менахемом Лурье был скорый и справедливый. Как взломщика и вора, угнавшего у официального лица лошадь английской породы, его приговорили к пяти годам заключения в каторжной тюрьме. И куковать бы ему в ней на нарах весь срок от звонка до звонка, вспоминая за решеткой цыганский табор, Ильду с ее бесовскими чарами, бездонными, как омут, глазами, если бы в одночасье в Литве не сменилась власть и в тюрьме не появились бы следователи в чужеземной форме с невиданными знаками отличия и не принялись бы сортировать и отсеивать заключенных.

– За что, голубчик, сидишь? – спросил его на чистейшем идише горбоносый офицер в новехонькой форме победителя...

– У бургомистра нашего местечка лошадь угнал. Хотел помочь одному попавшему в беду семейству, – воспрял духом Менахем.

– Лошадь? У бургомистра? Да за это же, голубчик, тебе не отсидка положена, а высокая правительственная награда... медаль за проявленное милосердие. Ты, можно сказать, против нашего классового врага – буржуев – пошел.

– Да не пошел я против... Просто так вышло. Я...

– Ладно, – перебил его горбоно

сый и рукавом мундира вытер со лба блестящие росинки следовательского пота. – Твоя фамилия Лурье?

– Правильно. Менахем Лурье.

– Так вот что, товарищ Лурье: собери свои манатки, и на выход!

Когда Менахем вернулся в местечко, там уже прежнего бургомистра не было – на своем заграничном автомобиле он заблаговременно укатил в Тильзит к немцам. Не шлифовал больше казенными ботинками улицы Йонаместиса и дозорный Пятрас Гаршва, высматривавший лишнюю кошерную рюмку: Советы у него отняли потертую кобуру с чешским браунингом, и каждый Б-жий день он аккуратно заливал свое безысходное горе не кошерной наливкой у Гедалье Казацкера, а хуторским самогоном.

Выпущенного из тюрьмы Менахема в местечке встретили холодно и даже враждебно. Еще бы – взял и опозорил всех перед всем миром. Теперь куда ни пойдешь, куда ни поедешь – всюду слышишь: ах, эти йонаместские конокрады!

Только хромоножка Броха и престарелый рабби Йехезкель не отвернулись от Менахема – всячески помогли ему поскорей оправиться от каторги и подлечить дырявые легкие.

– Не осуждайте его! Добро в одиночку не ходит, – уверял противников Менахема рабби, умудренный жизнью и не склонный к окончательным приговорам. – Чтобы сделать доброе дело, человеку иногда приходится брать и зло в компаньоны...

Броха поила его разными целебными отварами, готовила для него еду, обстирывала, защищала от дурной молвы, а рабби Йехезкель всё время подыскивал для него какое-нибудь занятие – то попросит половицы в синагоге перестелить, то окна застеклить, а то и сколотить для богомольцев новые скамьи.

Благоволил к «политзаключенному» и новый бургомистр – брат сапожника Гедалье Казацкера, коммунист-подпольщик Хаим по прозвищу Рыжий. По его подсказке Менахема, как борца против угнетательского строя, избрали в какой-то местечковый совет трудящихся, но избранника ни советы, ни дурная молва, ни наставительные беседы с рабби Йехезкилем не занимали. В свободное от работы время Менахем сидел дома и неотрывно смотрел в окно, а в погожие дни отправлялся подышать свежим воздухом на косогор, где в последний раз виделся с Ильдой. Тут, на пустыре, под открытым небом, он мог под умиротворяющее журчанье Вилии без всяких помех предаваться воспоминаниям. Иногда он засыпал на осеннем солнышке, и ему снились цыганские шатры, раскинутые на пустыре; неоседланная вороная лошадь, спокойно прядущая мшистыми ушами; утренний жар Ильдиных губ, обжигающих своим прикосновением его, Менахема, шершавую руку; огромные, как луны, латунные серьги, позвякивающие в тишине – динь-динь-динь; Ильда, шепчущая ему на ухо по-цыгански какие-то слова. Менахем силился понять их потайной, будоражащий смысл, который ускользал от него, как только она их произносила. В сон на цыпочках входила верная Броха, поила его каким-то сладким и дурманящим зельем, а он у нее как будто спрашивал, как по-цыгански любовь. «Как и на идише, – с придыханием отвечала Броха. – На всех языках любовь – всегда любовь». Менахем просыпался и растерянно оглядывался – вокруг носились и жужжали шмели, по небу плыли легкие перистые облака, и в самое близкое из них, которое висело над ним, он кутался, как в саван, и таял вместе с ним в предвечернем мареве...

Осень шла за осенью, но после смены старой власти табор в Йонамиестисе больше ни разу не появился.

– Границу с Польшей перекрыли. Сюда никого не пускают. Но говорят, в Кедайняе какие-то цыгане объявились, – стараясь утешить Менахема, сказала как-то чуткая Броха.

Ее слова приободрили беднягу, и он подумал, не съездить ли ему в Кедайняй – от Йонамиестиса туда было рукой подать. Но тут один за другим из жизни ушли его родители. Отец – в сентябре сорокового, а мать – через два месяца, на Хануку. А потом... потом началась война русских с немцами, и всем стало не до цыган.

На улицах местечка снова утвердился Пятрас Гаршва, правда, в штатском, без чешского браунинга на заднице, но зато с белой нарукавной повязкой и заряженным автоматом наперевес.

Вместе со своими дружками он сгонял, как скот, на рыночную площадь Йонамиестиса всех евреев, которых он когда-то охранял и у которых не раз опохмелялся, не брезгая закусывать и подозрительной мацой.

Впереди всех ковылял рабби Иехезкель с Черной и своим выводком.

– Успокойтесь! Положитесь на Г-спода! – твердил он.

– Сейчас Г-сподь не тот, кто на небесах, а тот, в чьих руках автомат с полной обоймой, – проворчала Черна.

Сапожник Гедаље Казацкер по старой дружбе допытывался у автоматчика Гаршвы, куда тот их гонит.

– В рай, – с ухмылкой ответил Гаршва. – И чтобы не было обиды, всех разом – одним махом.

Менахем-цыган в рай попал не сразу – сперва из Йонамиестиса в каунасское гетто, а оттуда в Польшу, в лагерь.

Лагерь назывался невинно и звонко – Майданек.

От него до рая, как оказалось, было ближе, чем от родного дома до рыночной площади в Йонамиестисе. Каждый день под звуки бравурной музыки в рай отправлялись сотни.

Покойницкая команда, в которую кроме Менахема определили поляка Яцека, француза Жюстена и датчанина Харальда, каждое утро подкатывала к дверям битком набитого еврейками и цыганками женского барака и выносила из него свежие, еще не остывшие трупы голых, обезображенных голодом и побоями невольниц. Задыхаясь от ужаса и жалости, возчики сваливали белеющие, как сухие березовые поленья, тела на дно скрипучей, пропахшей тленом телеги и доставляли их в лагерное чистилище – крематорий.

По ночам Менахема мучили кошмары – он представлял себе, как лежит на досках, голый, еще живой, под грудой покойников, как телега подъезжает к крематорию, как возчики хватают его за ноги и за руки и швыряют в зев пылающей, ненасытной печи. Менахем в ужасе вскакивал с нар, пялился в густую, как обувная вакса, вонючую темноту и на весь барак что есть мочи кричал:

– Что вы делаете?! Я еще живой! Живой!

После этих еженощных снов и ежедневных рейсов Менахему до дрожи хотелось, чтобы поскорей покончили и с ним. Он нисколько не сомневался, что и ему давно уготовано место в покойницкой телеге и что никакого чуда не произойдет. Сегодня он как в гроб укладывает других, накрывает их рваной попоной, а завтра новая покойницкая команда швырнет его на дно телеги и повезет к печам.

Но уж так повелось на белом свете: когда изверишься во всем, когда смерть кажется Б-жьей милостью, как раз и случается чудо.

В начале второй лагерной зимы с ее жестокими морозами Менахем в женском бараке, куда он вместе с напарниками зашел за очередным грузом, вдруг увидел женщину и обомлел:

– Ильда! – окликнул он ее.

Одетая, как чучело, в какие-то топорщившиеся лохмотья, коротко, почти наголо остриженная, без своих латунных серег в маленьких, заросших пушком ушах, в стоптанных, рваных ботинках, она даже не шелохнулась – стояла у нар и с напускным спокойствием смотрелась в осколок мутного, со стершейся амальгамой зеркальца.

– Ильда!

Женщина обернулась, вытаращила на него свои огромные, цвета вишневого варенья, глаза, оглядела и по-польски сказала:

– Pan narówno si pomylił. (Пан, наверно, ошибся.)

Она говорила отрывисто и неохотно, откровенно тяготясь его присутствием.

– Это я – Менахем. Ваш табор когда-то стоял в Литве... в нашем местечке... на косогоре. Ты мне еще гадала по руке...

– Po zydowsku, niestety, nie rozumię. (По-еврейски я, к сожалению, не понимаю.)

– Я Менахем... Тот, кто выручил вас, когда ваша Зоська пала... Помнишь?

– Na Litwie nigdzie nie byłam. Całe życie spędziłam na Śląsku. (В Литве я никогда не была. Всю жизнь жила в Силезии.)

– Ты мне тогда нагадала и любовь, и счастливое будущее. Все прелести жизни... всё, кроме Майданека, – не сдавался Менахем.

Но та, которую он назвал Ильдой, не откликнулась на его воспоминания. Она спрятала в лохмотья Б-г вещь где раздобытый осколок зеркальца и вприпрыжку, как зверек, пустилась к выходу.

– Przepraszam pana, pan mnie z kims pomylił. Szukajcie w drugim baraku swoje Ilde. Wątpię, że vam uda. Tu ludzie prawie codzień się zmieniają – do niepoznania. (Простите, пан, с кем-то вы меня спутали. Поищите свою Ильду в другом бараке... Но вряд ли пану повезет. Тут люди даже за день меняются до неузнаваемости.)

Ильда, Ильда, повторял оцепеневший Менахем. Он ни с кем не мог ее спутать. Ни с кем. Это, голову на отсечение, она, это ее глаза, уши, походка, голос... Просто из гордости не желает признаться, не хочет, чтобы ее видели такой униженной и безобразной и больно жалили ненужной и обидной жалостью. Всё, что она кому-то когда-то нагадала, – золотые горы, пиковые дамы, долголетие, светлое будущее, – всё это чушь и неправда. А правда – вот она, вся на виду: эти нары, эти покойницкие возы, этот дым над лагерем... И в этом виноваты не гадалки и предсказатели. Виноват Г-сподь Б-г, который создал не человека, а зверя с человеческим лицом?

Отчужденность и замкнутость Ильды не остановили Менахема. Каждый день он захаживал в женский барак, расспрашивал о ней, словно провалившейся сквозь землю, но товарки только пожимали плечами.

– Еврейка? – спрашивали.

– Цыганка, – отвечал Менахем.

– Вчера какая-то дура повесилась в нужнике... Но кто именно – мы не знаем.

Он отказывался верить: нет, нет, это не она, это – другая. И всякий раз, подъезжая к женским баракам и загружая роковую фуру, он с какой-то суеверной опаской всматривался в лица уложенных покойниц – вдруг среди этой страшной поленицы обнаружит Ильду. И всякий раз, не найдя ее, Менахем заговорщическим шепотом благодарил отрекшегося от них Всевышнего за то, что Тот уберег ее, и, может, когда на свете утихнет эта кровавая заваруха, всё вернется на круги своя, они встретятся, и она за лит снова погадает ему... Ведь за день до неузнаваемости меняются не только люди, но и их судьба.

О своей «родственнице» он наводил справки даже в лагерной канцелярии.

Ответ был по-немецки краток и деловит:

– Ilda Balcerovich? Keine Angaben. (Никаких данных.)

За три недели до прихода Красной Армии-освободительницы до неузнаваемости изменилась и судьба Менахема. Решив избавиться от лишних свидетелей, лагерное начальство перевело возчиков мертвых в разряд мертвых. Первым в родное небо через печную трубу взмыл поляк Яцек. За ним – француз Жюстен и датчанин Харальд. Не замешкался и Менахем, который, легко и беспечально закутавшись, как в саван, в летучее газовое облако, растаял в предвечернем мареве.

С тех пор минула вечность. Но и сейчас, в ясную погоду, если запрокинуть голову, можно невооруженным глазом увидеть это облако, своими очертаниями похожее на резвую английскую лошадь. Менахем сидит на ней, натягивает поводья и во весь опор скачет в родной Йонамиестис, на косогор, к Ильдиному шатру, туда, где, давно забывши про кочевых цыган и про оседлых евреев, равнодушно, как земное время, течет полноводная и кроткая Вилия. И лошадь, не касаясь копытами гибельной, чернеющей внизу земли, скачет и скачет в вольном небе.

ПЕЙЗАЖИ ИЗ ДЫМА

Діца Ашраїт аад

Çà aṯā aṯ m adòè íaì aḡeay ṽṽyo aṯṯā Dīçā Ašreāṯ aad aṯeā íaḡḡaeāat ā ṯaì ũì ṽṽ-adoṽṽ ũ ṽḡaāṽṽ ŪBĀ - Áṽeṽeṽeṽe eḡaṽṽō ṽṽ «Çā çāṽeçāe». Ūaè aṽṽō ṽeṽeṽe çāḡḡeçeāṽṽ aā aṽeāy è íaèçeay aèçṽ ṽ ṽaṽṽyo aṽṽā èì y ṽṽyo aṽṽṽ - Dīçaeēy Çadḡāḡ (1901-1988); ṽṽ ā ḡṽeēāṽṽ ā çadṽ ṽaèḡāḡ, aṽeā çāì eēy-ēíé çṽāì aṽeḡṽā ṽṽyoā ṽaèy Ūaēāṽ. Áe çāeṽṽṽ aṽaèeḡṽ ā aṽeṽāā è ḡṽeṽā çadṽ ṽaèḡṽā aḡḡōṽ, aṽā ṽṽā ṽṽyo aèāṽṽ ṽṽ aèḡḡeṽ ṽṽāaèeāì. ṽṽṽeā aṽeṽṽ Dīçaeēy aḡḡāeā ā NÇĀ, ḡaāṽṽaèeā ā aḡçḡḡāḡ, ṽaḡṽāṽeēeā. ṽṽeāṽ ṽā ṽḡāè ṽṽaèeḡḡeḡ ḡā aḡ Ašreāṯ aad. ṽṽ ḡṽṽā èèḡḡāḡḡḡṽā èì y ṽṽyo aṽṽṽ.

Á 1964 aṽḡḡ ṽṽā aadṽeāṽṽ ā Aaḡṽṽḡ, aèeēā ā Áṽṽṽeṽṽṽḡḡḡā, aḡḡṽā Aṽṽeçā Aaēṽā, è ṽaḡḡeā ṽṽaèeṽṽḡ ṽeāaṽ

ṽṽā aḡḡḡeḡḡṽeā aṽṽā aṽ aṽeṽṽ ā çadṽ ṽaèḡāḡ (ṽṽṽḡeè ṽeḡḡṽā «Dāḡḡā», 1939). ṽṽ ā aṽṽṽ ḡāeḡḡḡeṽe ṽeḡḡṽeē aṽṽṽ ḡeḡḡe èí eāè aṽe ḡṽe-ḡṽeāṽ; ḡṽṽā aṽā ṽṽaèe ḡṽeḡḡe ṽaèy Ūaēāṽ, ā ṽṽ ṽṽ-çāṽṽ ḡṽeāe. Èeḡṽ ā Áṽṽṽeṽṽḡḡā Dīçā Ašreāṯ aad aadṽeāṽṽ è ṽṽṽe (eí eāè ṽeḡḡṽā «Nēāṽ ṽā eāḡṽ», 1965; «Èṽāṽṽḡḡṽ», 1972). Áṽṽṽ ḡṽā aṽeṽṽ eççāṽṽ aṽeāṽ aḡḡḡḡḡe ṽṽyoè-ṽṽeḡ ṽṽḡeṽṽā (ṽṽṽeāṽ eè - «B aṽā eāḡḡḡ», 1987- aṽḡḡe çā aṽā aṽ m adòè).

Nḡeḡe Dīçā Ašreāṯ aad aṽṽṽ eḡḡḡeè è ṽṽṽeṽḡḡ ṽaḡḡḡḡ ṽḡḡṽe ṽṽṽṽeṽe èeè èeḡḡeṽeṽe ṽṽṽe (eṽḡḡḡṽ è, eāe eççāṽṽṽ, aèeçeāeṽṽ è Áḡḡḡḡ). Ūḡḡḡ-ṽṽeay ṽṽṽ ṽḡḡṽṽ ṽṽṽṽ aṽṽṽḡḡḡḡḡ ḡā aṽ ṽeḡḡḡḡ; «ṽṽeçṽeè eççāṽṽ ā» - ṽḡṽ ṽṽṽ ṽḡḡṽ ṽṽeāṽṽeā è Ūḡḡḡeṽeā ṽṽ ṽṽyo aṽṽṽ aṽ eṽṽḡā aṽeṽ ṽḡḡṽeēeā è ḡḡeèe aad ḡḡṽṽḡḡṽṽṽ aèçṽe: «aèṽṽṽ ḡṽeḡḡḡḡ» ṽṽṽṽ, ḡaçṽṽṽ ṽḡeḡḡḡ èeè ḡçṽḡḡḡ ṽṽeṽṽṽṽṽ ṽḡḡeēā

ṽṽṽeṽ Dīçā Ašreāṯ aad aṽeā ṽḡṽ ā-aṽā ṽ ṽṽeṽ è èeḡḡḡḡḡḡṽ è ṽḡḡṽṽ è (ā ḡṽṽ -eṽeā èeḡḡḡḡḡḡṽe ṽḡḡṽ eāe Aaḡḡḡḡḡeṽe aèaṽṽ èe eççṽṽṽḡḡ eṽeḡḡḡḡ è ṽḡḡṽ eāe èì aṽe çṽāì aṽeḡṽe ṽṽ aṽeṽe ṽṽyo aṽṽṽ Áṽṽḡḡḡ ḡḡṽḡḡ). Èççāṽṽ ṽṽṽ eḡṽṽ ṽṽā ṽṽḡḡḡḡ eā aṽ ṽeḡḡḡḡ aṽḡḡḡ èe. Á Èaèṽṽ ṽṽṽ aḡṽṽ eḡ ṽṽḡḡḡḡḡḡ «ṽṽṽṽḡḡḡ aḡḡḡe Dīçā Ašreāṯ aad». çḡḡḡ ṽṽṽ ṽḡṽṽṽ è aṽ çāì eēyèe ā çadṽ ṽaèḡāḡ. Nḡeḡe Dīçā Ašreāṯ aad aṽṽṽ ṽḡṽṽ ṽḡṽṽṽ aṽ èì aṽeṽṽ ḡṽṽeṽeṽeḡ eḡḡḡḡeēe ṽṽṽe.

* * *

*Áṽḡṽeèe aḡe
ṽṽṽṽḡḡḡḡ èeè ḡḡḡḡḡe
çeṽ ṽeè ḡṽeṽā
Èaè ā çadṽ ṽaèḡāḡ eṽṽṽ-ḡṽ
ṽṽ è ṽṽṽe ṽ aḡṽḡḡ*

* * *

Ēóí à

īī

ì óòòÿ

òí àòòÿ ì àòü

ì òíīī òéàīī

Ñ Ī íēīīī àóóóíī ÷ àòòòííóòóíī

ì ú íá:àí

ì àīīàéüü úé òéáá

Çàáóüé í áé

āīæāāāīá àèíí

Çàçāīīāā

íáí àííí éðàīēá

ÿ āīāīòò

ÿ āīēæíá ñò àòü

ì òí òí:éòáé

Í á óò àò àò í è:òí

Ñ ā ò

ì àāòò àáéüá òíēīòü

íéíí

īīēāíēí

Ā éīī í àò á īīāæééāīī

ēíòéà òóí àíá

áá í éàí àí í úá āēàçà

īēæāòò ãí òéà

áóóóíáá

* * *

Ēíāāÿ

ááæ:æèà èç ääòñòää

ì íá ñ:áñòúá

íà ÷óæ:æíá

çäííóí óéíñü

Êíäáä ý

éí:áí:æà

á ääò òí

ì íá ñäöóá

çàí äçæéí

á ííááèá

B í ääæ è äó äý

óæ:äñ

ò áí ðñ ñéí áíí

æ è ç í ü

** * **

Áí ääü ý ááñòää

íí:ááòü

íà çäçáí íí éíæá

Í àò äíí à

Í àò éóæ:éíá

Ó í ááääæ í í é

Æäó èí ääæ è

Á äí ðæ í í é ñü éá

çäçáí úá ñò äáí ú

ì äáí úá ì óè

ó ò äáý íá í é á:á

çí éí ò í

çäðú ò í á äí ääó.

Áñõü ó í añ

ñòáí'è è íéááí ú

áñéí ú áñáá

í áò áñí à

í áò éááòéíá

Ì áñõí ññòü èç áñí à

Í áéçáæ è èç áñí à

ááç áñò ðà è ññòà

Óññáí áçáéáí ñí èáò òáíá

èáñááò íá ñéðéí éá

çà çááí ðíí .

Ñíéí óá èáò èòññ

á çáçáí úé íáí áé

áñ òáí úí ááááò

íá çááú òúá èí áíá

Áúááéé í añ

Áúááéé í añ

èç Áðéòééé

çàì àðçàáñ àðàì áí è

Ì íèííé

ñí àñé í àñ

íò çì àéí íáñ òíáá

Ì ù òíòèì æèòù

Ááé í àì

ñí í àà

ò àéí àèçà è àíéíñí

àíéíó ò àíéí ò ù

çàçáí úé òíéñò

ñàò è àì í ù

í áñ ò í à ò áðé.

** * **

B í ò é ò ù á ò ò

á ñ à ò ò á ñ é í ò á

á ò í ç á à

Ì í í í à ò

í ÷ ó à á ñ ù ó ÷ à ñ à ò

í ò à á ñ ò ù í ù ó á í ÿ á

Ñ à ò á á ò ÿ í ù á ñ é á ç ù

í á á à ò ò á í è ç

á ò á ò ò ò á ñ í á ò ò á ù á

Ì è ò í á à ò ù

ñ í á ò á ù í è á ò ç ñ ÿ í è

ÿ í ò é á ù é è á

Ì í è í á ç á ù é è

÷ ò í ÿ í á á á ò ò ò ñ í è à ò ù ù

è ç í á é à è í á

éíãã ÿ í à ã ð í é ò ð í á

çãñó ã ã ò è ñ ï æ ã ã ð í é á

ðãçãã è à ÿ ù ã ð é ó

ë þ á í ã æ ã ñ ï é ð ã ñ è á ï ï

ÿ á í æ ò ù ï ã ð è á ï

è í ñ ò á í ã è ã ñ ï

è á í ã ï ð á

í ÿ ÿ æ è ñ ÿ Á ï ï è á ò

è ÿ í ð í ò ÿ ã è ã þ ð é ó

ñ á á ñ à ï í é

Á ñ ñ ò æ í è í ù ï

è í ñ ò æ í ñ ï ï ð æ í è ï .

** * **

ò ù ñ è ù è ò ù

ç á í è ï ã è í ñ ï

í í á ò æ ã ã ð í í é

á ï í à ñ á

ÿ æ ä ó

à ð ï ï à ò à ã ñ ï ï ï è í á í é é

Á í ç á ó

è ã ñ á ò

í í è ï ä ù ó á í ù ï

B ñ í à ñ

ð á á í í é

í á ó ã þ è ð ã ñ è é

í à í á è è ò ð á

á à è à

** * **

Éí ðí èü è à ðí à à à è à

ÿ à è ÿ à ò ñ ÿ

ì í á

í à à è à ç à

Õí : à ò à à í : à ò ü ì á ÿ,

è à è é í ð í è á á ò

í à ò ð í á

í è à ì á í í à ñ á à

Ç à á ü ì á ÿ

é í ð è ü

ÿ ò í è ü é í

ñ ò í á à à ð á à

ì í á í á ó à à è à ò ü

é í ð í ú.

Á ñ ò ü è ò à è í á

Ì ú í à ð á ñ ò à è è

í í í è ì à ò ü ç í à è è

í í á à à à ò ü ç í à è è

Á à è æ á ì í á ç í à è

ããí îè íîãíá

ãðçüŷ

èáí ñò àðíá òí áðèè

èèè æèáò

íîã ÷óæíþ çãçãíé

ããá áùá ããáíðŷò ããðããüŷ

è ããá áùá èþáŷò òããò ù

ãíèæíí áùò ù ãò ù

è ò àèíá

ããáðèò ææèò àŷ çãçãã

** * **

ß æèáò

í à ãíèóãíí ñ ñò ðíãá

èàè èíãã-òí

áãáí ùé ðíæíçíí

Í í áãç ðá:áé

è èþãáé

ŷ ãíèæíá

òí áðáò ù ñ ãéíãá

** * **

çãçãü

èàè ñããò èŷèè

ñèŷþ

ò

Èçòí èŷò ùüŷ

í íæ ðíæíá

è ããæá á òáí ííòá

ãí ãíòá ñ í íãèáøèè è

äöüÿ è

ì í â ã ä å ö ÷ ø ÿ

ë è ø ü

ò ó ä ö ä ü ÿ ã í â

Ãää?

Ãää ì í é

ð æ

â í î ÷ è

â ü ë

ì í é ä ï

è è è ÿ

ò í ë ü ê î

ã ä æ ø é à

ö ä î ä ö ÿ ä í ä ö ÷ ö å þ

â ï ä ö ü í á

ã ä ç æ ö ü ä å þ ö ÿ

ã è à ç à

ë í æ

â ï í á

è ç ì á ã è à

Ï è ñ ü à

Ï è ñ ü î í ò ð ç

è õ ä ö ï à ò

î á í è ì à á ò

ì í á ä ü ö ä í ü à

Ï è ñ ü î í ò ä ñ ò ð

ì á ñ ò ð í á è à è ï ñ í ü

í ð í ù à è ü í í á

* * *

Ī ī nē aī ai ai çā ð aī ai ūā

ā ī ē: ò ī

ē ð aī nē à ò ī ū ē ī ó ū

ī ī ē ī ò ī ò ī ó

ÿ ò ī nē ç

ç ai ēÿ

ī ēÿ ç à ò aī ē ð aī ai ū

ē aē nò ð aē ī ç a

Ī ò ī ū ē à ò ū

nī ī aē ai ai ð a

nò aā sē nē ð aō ai ç a ç a ū.

Ā nò ū ē ai ē a ē ī a ð aī a

Ā ð aē ī ai a ð a ð a ū ç a

КОРОЛЬ МАТИУШ И СТАРЫЙ ДОКТОР

Ñeàçeà-ðàçeàì. Èèòàðàòóðì ùé ñòàí àðèé. (Í óàèééçàòñý à ñèèðàìàí èè.)

Ì èçàèé Èàçéé, Àéàçèñàí àð Óàðíà

Ì ðíàíèçeàí èà Í à:àèí à ¹ 4, 2005

*Àéàçèñàí àð Óàðíà (Í ðòàí ààðà Óàðà Èçðàèéçàèé: 12(25).04.1909, Èéàá – 13.02.1984, Ì ñèèàá),
í èñàòàèù ðíàçèñý à ñàí ùà ìðíòàññèííàèù ùò ðààíèðòèèíàðíà Àíñèòóúàèñý à øèíèà-èíí òíà
Ì èíí-èè àèíèíàè-àñèéé ðàéóèùòàò Ì ÁÓ (1932). Ó-àñòíéé Ààèèéíé Ì ðà:àñòàáí í é àíéíù. Í à:àòàèñý
ñ 1928 ñàà.*

Ì ðÀÓ

Мне кажется, до последних своих дней был он ребенком. Я не говорю ни о каком упрощении, ни о каком детском эгоизме или беспечности. Отец прожил очень нелегкую жизнь, вообще человеческую жизнь считал страшной, до краев полной горя и слез. И в то же время, как ребенок, всё – и хорошее, и плохое – видел необыкновенно ярко и будто впервые: хорошему сразу верил, готов был идти за ним, куда угодно. Наверное, эта вечная, никогда не преходящая детскость – то, без чего настоящие сказки писать невозможно.

Я помню отца очень печальным – смотрел на события совершенно трагически и был таким большую часть времени в последние пятнадцать лет своей жизни. Помню и редкостно добрым, мудрым, всё понимающим, всё прощающим... Помню и удивительно радостным, буквально фонтанирующим идеями, остротами...

Еще совсем маленьким я впервые услышал, как один из гостей говорил другому: «Сегодня Шера в форме». Несколько историй из цикла «Когда Шера в форме» мне и хотелось бы рассказать.

Отец начинал как генетик, учился у Николая Кольцова, но потом стал журналистом. Уже корреспондентом «Правды» в тридцать седьмом году участвовал в зимнем арктическом перелете вдоль побережья Ледовитого океана.

Передохнув на Чукотке, им надлежало отправиться дальше, на всемирную выставку в Америку, в город Портленд. Недалеко от Анадыря прямо в воздухе отказал мотор. Сели чудом... Но настоящим чудом считал отец не приземление, а поломку – по возвращении из Портленда всех наверняка расстреляли бы как американских шпионов.

А так – встретили как героев. Большие ордена, банкеты, чествования. Торжества скоро осточертели. Когда командир самолета на очередной прием не позвал отца, тот был только рад. Но когда не взяли на второй и на третий – удивился, обиделся, потребовал объяснений. Командир молча указал на толстую пачку вскрытых писем, повернулся и вышел.

В пачке – около восьмидесяти адресованных отцу посланий: тридцать от брошенных детей, сорок от жен и девять от матерей (его газетный псевдоним был распространенной местной фамилией). Дети, жены и матери умоляли вернуться в семью беглого сына, мужа, отца... Письмо одной женщины было так прекрасно и трогательно, что до конца своих дней жалел отец, что не поехал...

– Ну, хорошо! – сказал он командиру. – Допустим, я бросил тридцать детей и сорок жен. Но что же, по-вашему, у меня девять матерей?

Командир долго смотрел на него и медленно произнес:

– Достаточно и одной...

На фронт пошел отец в июне сорок первого. Добровольцем. После Арктики был орденосцем, единственным в полку, и старшина, обучавший новобранцев, одобрял отца как солдата, мол, всем хорош, но есть два недостатка: высокий рост, поэтому будет правофланговым и первым погибнет, ну и, конечно, высшее образование – много думает, затягивает шаг... Тот же старшина, участник еще первой мировой, говорил по опыту и вздыхая: интеллигенты быстро вшивеют (в буквальном смысле).

Отец много пил. Но, как бы сказать, не боялся Страшного суда. Потому что за всё оправдался на фронте, в сорок третьем году.

Дело было на Украине. Шел бой. Наши – в полукольце, боеприпасы на исходе. Но взяли в плен двух венгров и трех чехов. Отправить в тыл не с кем: на счету каждый солдат. Командир решил их повесить (жалел патроны... вдобавок выстрелы обнаружат роту). Отец – военный журналист и майор, ротный – капитан. Чехи и венгры стояли рядом, слушали перепалку и всё понимали (чехи переводили венграм). Отец отбил пленных как старший по званию. Сам и повез на редакционном «козлик» без всякой охраны. Пятеро солдат обязаны ему жизнью...

Àëààèè èð Ðàðà

На столах – тарелки с жидкой похлебкой. Ребята обедают. Тишина. Стучат ложки.

– Император Тит, – говорит Корчак, – повелел сжечь все книги. Приказ императора – закон... Но буквы снова собирались в слова... слова оживали... загорались на стенах... в небе... в сердце...

– И сейчас слагают книги? – спросил Янек.

– Да, сейчас тоже. – Корчак взглянул за окно: там часовой...

– Это правда... про слова? – усомнилась Ганна. – Все слова так... оживали?

– Нет, только главные.

– Какие?

– Сама подумай.

– Мама... – И Ганна нахмурилась.

– Любовь... – сказала Анелька.

– Хлеб, – сказал Бенюсь.

Вдруг Янек, подавшись к окну, восторженно заорал:

– Пан доктор! Ребята! Смотрите! Снег! Первый снег!

Все дети и Корчак бросились к окнам. В воздухе, пронизанном солнцем, реют снежинки. Расплющивши нос, ребята уперлись лбами в стекло.

...Корчак идет по улице. Седой старик играет на скрипке. Мальчик держит перед ним ноты. Люди останавливаются, слушают.

КТО-ТО ГДЕ-ТО ЗАМЕТИЛ, ЧТО МИР – ЭТО КОМОК ГРЯЗИ В БЕСКОНЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, А ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ, КОТОРОЕ СДЕЛАЛО КАРЬЕРУ... МОЖНО И ТАК. ТОЛЬКО ОДНО ДОПОЛНЕНИЕ: МНЕ, ЗЕМНОМУ КОМОЧКУ ГРЯЗИ, ЗНАКОМО СТРАДАНИЕ... И СОСТРАДАНИЕ... УМЕЮ ЛЮБИТЬ. ПОЛОН ТОСКИ.

...В детской коляске – книги. Мальчик в тщетном ожидании покупателей. Старик с седой бородой развернул толстый том и беззвучно шевелит губами. Корчак тоже перебирает книги.

В БИБЛИИ СКАЗАНО: ЮНОСТЬ МИРА УЖЕ ПРОШЛА... И ЛУЧШАЯ ПОРА ТВОРЕНИЙ ПРОШЛА... МИНОВАЛА... ЧТО ЖЕ В КОНЦЕ? Глянул на старика, как бы желая спросить о чем-то. Но ничего не сказал. Пошел дальше. В КОНЦЕ – РЕБЕНОК.

Чердачная комната со скошенным потолком. Две койки. На одной – худенькая русая девочка с длинной косой (та, что в сказке была Марысей и кричала Матиушу «ура!»). Стол завален бумагами. Перед столом – кресло. Рядом с кроватью, горбатясь, чтобы не прошибить потолок, – плечистый кудлатый парень...

Девочка (быстро и сбивчиво). А кто сильнее – лев или слон? Красную ленточку кому лучше – собаке или кошке? А Шимек может на голове стоять? А...

Парень усмехнулся, подпрыгнул и зашагал на руках. Вошел Корчак, и парень смутился.

– Не узнаете, пан доктор? – Вынул из кармана пакет с выцветшей фотографией.

На снимке – футбольное поле. Перед воротами – мальчик. Только что лупил по мячу. В воротах – старый неловкий Корчак. Распростер руки, точно наседка – крылья... А мяч-то – в «девятке», в дальнем верхнем углу...

– Хм, – бормочет Корчак, – с офсайда...

– Это же я! – закадровый голос юноши. – Честное слово!

– Мотеле-колобок! – Корчак снял очки, рассеянно протирая стекла. – А говорили, ты бежал... к партизанам.

– Бежал да вернулся.

– Сюда? Зачем?

– За вами. – И достал два картонных пропуска. – Этот – на имя водопроводчика. Этот – мастеру по канализации... Весь город пройдем под землей.

Доктор сбил ртуть в термометре, сунул под мышку девочке. Та качает тряпичную куклу.

– Вы очень нужны там, доктор.

– Пить хочу! – хнычет девочка.

Корчак налил воды. Девочка пьет. Парень вертит в руках пропуск.

– Когда дома дети, из дома не уходят... – Корчак пробрался к столу, перелистал рукописи... – Лучше бы это унес. – Укладывает бумаги в заплечный мешок.

Юноша помогает.

– Ночами, пан доктор, я вижу во сне и дом, и вас... – Закинул рюкзак на спину. – Кабы не вы, я бы, пожалуй, не узнал, почему этот свет называется «белым»...

Корчак взял у девочки термометр.

– Белый свет... черный свет... тридцать семь и шесть... Выползем, Манюшка... Ну, до свидания!
– Прощается с парнем. – Счастливо!

– До свидания, доктор! До свидания, Манечка! Выздоровливай.

– Ты бы хотел быть белым медведем? – спросила девочка напоследок.

– Очень! – сказал парень.

– И я...

Резко хлопнула дверь. Затихли шаги.

– Свобода... свобода... – невнятно бормотал Корчак. – Набережная букинистов... какая дьявольская чепуха...

Лицо побледнело. На лбу выступил пот. Духота... Расстегнул ворот. Сел в кресло за пустой стол. Смотрит на девочку. Она укачивает тряпичную куклу. И напевает, как водится, нашу еврейскую колыбельную.

Матиуш на троне. Вереницей проходят министры, фабриканты, разряженные придворные дамы, генералы... Исполняется некий церемониальный танец под клавесин.

Матиуш поднялся, и музыка оборвалась.

– С сегодняшнего дня, господа, нарекаюсь я Матиушем-реформатором. (Министры переглянулись.) И вот моя первая реформа: пусть в каждой школе будет кинематограф и футбол. Пусть завтра каждый школьник получит фунт шоколада...

– Слишком много, – возразил Старший Министр. – Самое большее – четверть фунта.

– Хорошо. Пусть четверть фунта.

– В государстве – пять миллионов школьников. Если шоколад получат шалопаи и лодыри...

– Все! – вскричал Матиуш. – Все без исключения! Повелеваю завтра же объявить в газетах!

...Дети выстроились вдоль улицы в два ряда. Празднично украшены десантные грузовики. Бравые солдаты вручают шоколад.

Матиуш ехал в генеральской машине со Старшим Министром. Дети ели шоколад и кричали коричневыми губами:

– Да здравствует наш Король!

– Ура! – И Марыська послала Матиушу воздушный поцелуй.

– Я ваш друг! – кричал Матиуш. – Господин Старший Министр! Надо сделать так, чтобы у детей всего мира – белых, черных, желтых – было общее знамя.

– Какое? – спросил Старший Министр.

И Матиуш принял решение:

– Пусть у детей будет зеленое знамя! Ведь дети любят лес, а лес зеленый.

Дом сирот. Дети рисуют...

Невиданные деревья, травы, цветы. Всё зеленое, живое... Вбегает пани Стефа. Очень взволнована:

– Вернулся из комендатуры... еле живой...

Дети рисуют. Зеленый мир рождается на бумаге.

Маленькая комната. На голой стене – фотография: Зигмунд (молодой, но легко узнаваемый в форме гренадера). Вытянулся во весь свой саженный рост... Глаза затекли. Не лицо, а маска. Говорит хрипло, возбужденно... то в крик, то теряя голос:

– ...чуть что, потешались: покойник в отпуску, покойник в отпуску! Все вы – покойники в отпуску... И хохотали. Как в деревне мясник Казимеж. Режет корову и смеется. Кровь хлещет – смеется...

Вошла пани Стефа. Своим почти невесомым телом прислонилась к косяку.

– ...кричали: из всех вас вытопим жир!.. Понимаете, пан доктор?

– Тише, тише. Дети услышат. – Корчак перевязывает его.

– Всех... всех... – шепчет пан Зигмунд. – Неужели и детей, пан доктор, а?

– Нет, нет... тише... Вам бы лучше уснуть. – И накрыл его старой шинелью.

Хрипло, прерывисто дышит Зигмунд. Кажется – спит.

– Это наваждение... – Корчак поправил подушку. – А если не так... мы должны помочь им... детям. – И пошел.

А Стефа:

– Засыпать со сказкой и умереть со сказкой...

Винтовая лестница на чердак. Одна ступенька, другая...

Корчак молотит по стене сжатым кулаком. Выпрямился и поднес к глазам окровавленный кулак. Машинально обмотал платком.

Из-под лестницы – детские голоса:

– Буду столяром! – говорит мальчик. – Когда поеду путешествовать, сам сделаю сундук. И положу разные вещи. Одежду, еду. Куплю себе саблю, ружье. Если нападут дикие звери...

Мальчик и девочка прильнули друг к другу в полутемном уголке. Ярко блестят глаза. Огромные, удивленные. Совершенно круглые (у мальчика)...

– Будешь писать мне? – спрашивает Анелька.

– Да, – говорит Янек. – Когда вернусь из путешествия, то женюсь. Посоветуй, на ком жениться: на Доре, на Геле или на Мане?

– Дора считает, что ты малыш. Маня не согласится из гордости. А Геля не любит таких...

– Ну и пусть! – вздохнул Янек. – Хоть бы исполнилось тринадцать! То-то счастье!.. А когда буду уезжать, со всеми попрощаюсь.

– И со мной?

– С тобой отдельно... У меня есть книжка о путешествиях, но там нет про Австралию. А мне очень надо... Какие они, австралийцы?

...Матиуш вложил в рот два пальца и свистнул. Из малинового куста высунулся Фелек.

– Сегодня ночью бежим в Африку! В страну Бум-Друма! Привезем львов, тигров, слонов. Бежим вместе, Фелек!

– Хоть на край света, Ваше Величество! Тысяча дьяволов и один морской заяц! Бьюсь об заклад, Ваше Величество, что вы самый смелый и фартовый Король. Надо взять только побольше жратвы – колбасы, булок, тянучек.

– Тысяча дьяволов и один морской заяц! Бьюсь об заклад, Фелек, что ты самый смелый и фартовый подданный!

Ночь. Луна. Матиуш крадется к буфету, с трудом отворяя тяжелые створки.

– Проголодался, мой мальчик... – внезапно появился Профессор.

– Следите за мной? – Матиуш прячет круг колбасы.

– Что вы, Ваше Величество! Просто бессонница. Наблюдаю за звездами в эту трубу. На небе – 2 447 520 звезд. А за Большой Медведицей, если повернуть трубу, – государство У-Ринто-Белого-Медведя...

– А как попасть в королевство Бум-Друма?

– Проще некуда. Встать спиной к Большой Медведице – и напрямиком. Сперва по морю, затем по пустыне. Да смотри в трубу. Едва загорится Южный Крест, ты у Бум-Друма.

– У меня – тройка по географии. Я перепутаю и не узнаю Южный Крест... Вы не оставите нас, пан Профессор?

– Но, Ваше Величество, мой долг...

– Пан Профессор, пан Профессор!..

– Поехать с тобой... – Ученый задумался. – Знаешь, я всегда мечтал путешествовать...

Чуть сутулясь, бредет по Дому сирот Старый доктор. Мимо кроватей, где спят дети... Слева у окна – девочка с косичками, у другого окна – мальчик.

Ночь. Луна... Силуэты как в теневоm театре...

– Над моей головой – месяц, – говорит Ганна.

– И у меня, – говорит Шимек. – Над самой головой.

– Значит, два месяца? – удивилась Ганна.

– Давай, – предложил Шимек, – меняться местами.

– Давай.

Меняются... В правом окне – голова Ганны, в левом – Шимека.

– Теперь видишь месяц? – спросила Ганна.

– Вижу.

– И я.

Горький детский плач в темноте. Бенюсь лежит с открытыми глазами. Слезы текут по лицу.

– Не плачь, ребят перебудит. – Корчак присел у кровати. – Ты же знаешь, я тебя люблю и всё будет хорошо. – Протягивает сухарь. – Не плачь. Мы ведь мужчины.

Мальчик берет сухарь и замолкает... Жует, хрустит...

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ, КАК УБЕРЕЧЬ ЕГО, ЧТОБЫ НЕ ЗАТОПТАЛИ...

Спит Бенюсь, спят дети... Слышны морские команды:

– Фок к постановке готов! Грот к постановке готов!.. Отдать концы!

На экране – детский рисунок. Фрегат под парусами вздымается на океанской волне. Зеленый королевский штандарт – на мачте. Матиуш, Фелек и Старый профессор – на капитанском мостике. Ученый приставил подзорную трубу. Уже близко Африка, таинственная страна Бум-Друма...

– По реям! Марсовые к вантам! Грот-стень-стаксель ставить! Фор-бом-брамсель...

Зал заседаний в Королевском дворце. Все министры, кроме одного, – на местах. Распахиваются двери, впуская Министра Внутренних Дел. Колени чуть согнуты. Ступает, как балерина на пуантах. Вооружен лупой. Глаза шарят по полу.

– Господа, страшное преступление! Похищен Их Величество Король Матиуш!

Министры вскакивают. Горбатое МВД вращает длиннющим носом, который точно вытягивается на глазах.

– Следы, следы... приглядимся, принохаемся... принохаемся, приглядимся...

Старший Министр Церемоний звонит в колокольчик.

– Что же нам делать, господа, в этих чрезвычайно необычных чрезвычайностях? Того и гляди, народ узнает... о-о-о... о печальном происшествии и вопреки... э-э-э... этикету поднимет восстание. Вам слово, господин Министр Просвещения. Вы наиболее... о-о-о... образованный...

Министр Просвещения (воздев указательный палец). Хм, хм... Я неукоснительно считаю, что перед «а», «где» и «который» бесповоротно следует запятая. Да! Утверждаю с совершенной определенностью.

Горбатое МВД. И надо построить большую прекрасную тюрьму, господа!

Министр Юстиции. А главное, как оно предусмотрено 122-м тайным примечанием к 17-й секретной статье 5-го негласного тома, взамен, так сказать, утерянного Его Величества следует подыскать или изготовить Его Величество-Двойника.

Старший Министр. Двойника?.. А что... о-о-о... отлично!..

Африка. На берегу, под высокими кокосовыми пальмами, – Матиуш, Фелек и Профессор. Мальчики – в белых тропических шлемах. Построили песочную крепость. Играют.

Профессор смотрит в трубу. На богато разукрашенных верблюдах мчатся всадники.

– Это Бум-Друм! – обнимает Матиуша и Фелека. – Ура!

Праздничная кавалькада приближается. Бум-Друм соскакивает с верблюда. По-братски целует Матиуша. Церемонно раскланивается с Фелеком и Профессором. Курчавая принцесса Клю-Клю (так похожая на Анельку) выглядывает из-за отцовской спины. Фелек соорудил рожицу, Принцесса показала язык.

– Лапперо суто голо эрберо, – говорит Бум-Друм.

– Мой белый друг, – переводит Профессор. – Спасибо, что приехал. Радость лицезреть тебя делает меня самым счастливым человеком на свете. Прошу и умоляю: махни рукой, и я тотчас погрузу это копьё в свое сердце.

– Нет, нет! – Матиуш спрятал руки за спину. – Милый Профессор! Я хочу дружить! Разговаривать, играть, а вовсе не желаю, чтобы Бум-Друм умер.

– Лосено ясано гукс, – перевел Профессор.

Большая поляна. Загорается огромный костер. Отважные воины ловко перепрыгивают через огонь.

Матиуш, Профессор и Фелек восседают на возвышении напротив Бум-Друма. Не выдержав, Фелек тоже перескакивает через костер. Сияющими глазами следит Матиуш за праздником.

Маленькие черные девочки исполняют танец змей. На белом слоне появляется Клю-Клю. Соскальзывает и танцует для Матиуша.

– Как здорово! – кричит он. – Как здорово!

Приносят плетеные корзины, прозрачно прикрытые пальмовыми листьями. В бликах пламени сверкают рубины, алмазы, золотые и серебряные слитки...

– Локарро андо, – сказал Бум-Друм.

– Хочешь, – перевел Профессор, – я всё это отдам тебе?

– Нет-нет! Золото понадобится твоей стране! – И Профессору: – Спросите Бум-Друма, почему не построил железной дороги через пустыню? Или удобные дома? Почему нет кинематографа?.. Скажи ему, милый Профессор: нам ничего не нужно. Только побольше... побольше всяких зверей для зоопарка... ведь дети любят ходить в зоопарк.

Королевский дворец. За столом – министры. Вбегают глашатаи в одинаковых серых костюмах.

Первый. Король Матиуш у людоедов!

Второй. Король Матиуш стал людоедом!

Первый. Он вознамерился жениться на черной обезьяне Клю-Клю!

Оба разом. Отказался от алмазов! От рубинов! И от бриллиантов!.. Отказался от золота!

Старший Министр Церемоний звонит в колокольчик:

– Согласно э-э-э... этикету Их Величество, Которое не приняло золото, не считается впредь Их Величеством, поскольку Само отрелось от Своего Величества. Ваше мнение, господин Министр Юстиции.

– Седьмой параграф третьей главы шестого тома...

– Какова ваша позиция, господин Военный Министр?

– Так точно! Ать-два!

Маршируя под громовую команду, глашатаи расступаются.

Гордо закинув голову, в мундире золотого шитья движется фарфоровая кукла. Ее поддерживают под локоток горбатое МВД и Льстивый Изобретатель.

– Виват! – радуются Министры. – Виват!

Кукла на троне. Льстивый Изобретатель поясняет:

– Она-с, то есть Он-с, то есть Они-с, Их Величество всемилостивейше умеют наклонять голову в знак согласия, исполняя два главных придворных пируэта.

Кукла кивает, демонстрируя свои танцевальные таланты.

Глашатаи, горбатое МВД, Льстивый Изобретатель, Военный Министр, бряцающая шпорами, медалями и оружием, – все (но каждый по-своему) копируют шарнирные, механические, кукольные па.

Льстивый Изобретатель задыхается от придворного усердия:

– И Она-с, то есть Он-с, то есть Они-с, Их Величество обучены записать, по вашему, господа Министры, соизволению, затвердивши по мере необходимости, четыре наиважнейшие государственные формулы, кои вы, господа, соблагovolите продиктовать.

– Казнить! – выпаливает горбатое МВД. – Самое королевское слово.

– Смирно! – рявкает Военный Министр. – Самая королевская команда.

А Старший Министр:

– Наградить... поскольку у Их Величества – преданнейшие Министры.

– И еще эдакое мудрое, – размышляет Министр Просвещения. – Придворные обожают эдакое мудреное... Что-нибудь так, хм... Короли не ошибаются, ибо поступают безошибочно!

Льстивый Изобретатель повернул ключик, и Кукла отчетливо произносит:

– Каз-нить!.. На-гра-дять!.. Смир-но!

Придворные застывают, как манекены. Военный Министр – с обнаженной саблей. Горбатое МВД – с лупой. Министр Просвещения – с грамматикой...

А Кукла отчетливо выговаривает:

– Ко-ро-ли не оши-ба-ют-ся, и-бо по-сту-па-ют без-оши-бо-чно.

– Вот настоящий Король! – провозглашает горбатое МВД. – Не чета этому сопливому Матиушу.

Матиуш в тропическом лесу. Думает. Передразнивая его, мартышка на дереве приложила лапку ко лбу... Клю-Клю выглянула из-за пальмы. Спряталась. Устыдилась. Прямо и гордо идет навстречу.

– Клю-клю лаборудо кио рци анно матили. – И будто сквозь землю провалилась.

Матиуш вбежал в свою хижину:

– Профессор, Профессор! Что значит: «Клю-клю лаборудо кио рци анно матили»?

Профессор приподнялся на звериной шкуре и зачем-то надел очки.

– Это значит, мой мальчик, что Клю-Клю очень любит тебя и хочет поехать с тобой в твою страну. Вот что значит сие на всех двух тысячах семи человеческих, птичьих и звериных языках. И ничего кроме.

Возникает детский рисунок. Черное личико Клю-Клю и Матиуш. Они взялись за руки. Клю-Клю чуть отвернулась и смотрит искоса, разом застенчиво и смело.

В спальне сдвинуты кровати. Пани Стефа играет на разбитом пианино. Анелька (так похожая на Клю-Клю) крутится под музыку. Видимо, репетирует... Вдруг побледнела, прислонилась к стене... Худышка с повисшими руками, выпирающими ключицами.

– Отдохни! – пани Стефа удержалась, чтоб не обнять девочку. – У тебя прекрасно получается.

Рыжий Шимек скучает без дела. Но вот взглянул в зеркало, подпрыгнул (с целью полнее отразиться) и строит уморительные гримасы.

– У меня мама в больнице, – сказала Анелька. – Умрет, как бабушка... а потом выздоровеет.

Лицо Шимека в зеркале – веселое... удивленное... как бы в слезах... гордое... чванливое...

И снова пани Стефа играет, Анелька танцует.

Ī ōāēēāōē Ū ēūē Ōōī āāāēī ē

ē Āēāēī ēōā Ōāōīāī

Ī ēīī :āī ēā ēēāōōōō

ЭТА ДОЛГАЯ, ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

Нинель Краско

Немного статистики. Всего за четыре года Великой Отечественной войны, было госпитализировано 22 326 905 солдат и офицеров. Раненых, обмороженных, больных. Благодаря медикам 17 с лишним миллионов возвратились в строй, снова взяли в руки оружие. Это высокий показатель. Армейские, фронтовые, тыловые госпитали, санитарные поезда... Это была огромная сеть. Только в тыловых госпиталях имелось около миллиона коек.

700 тыс. врачей, сестер, других медработников спасали раненых и восстанавливали их здоровье. Страна отметила героический труд медиков: 8 медико-санитарных батальонов, 39 военных госпиталей награждены орденами. Около 150 тыс. медиков – почти каждый пятый – удостоены правительственных наград, а 47 медработников стали Героями Советского Союза.

К сожалению, нет данных о количестве евреев, раненных на войне. Мы не знаем точно, сколько воевало евреев-медработников. Но известно, что среди генералов медицинской службы было 36 евреев. Это начальники санитарных управлений, отделов армий и фронтов, крупных госпиталей.

Дело происходило несколько лет назад. Сидели за столом в гостеприимном доме Анны Леонидовны и Александра Григорьевича. Стали вспоминать, кто где «венчался». И вдруг хозяйка проговорила:

– А мы венчались под мостом. Под обстрелом...

Волны серебристых волос. Лицо немолодое, но заглянешь в глаза – а они сверкающие, веселые, и ни за что не догадаешься, сколько ей: шестьдесят? Семьдесят? Это Анна Леонидовна Эйнгорн, рядовой военврач, солдат армии славных наших медиков, прошедший Великую Отечественную.

Мы сидим с ней, я ее спрашиваю и вижу – она встревожена, нервничает. Это из глубин памяти всплывают воспоминания, лежавшие там нетронутыми, быть может, целые десятилетия. Вот и удивительное событие, о котором идет речь, рассказывается с затаенной грустью. Ведь нет уже в живых спутника всей ее жизни...

Прекрасная московская квартира. Одиночество не грозит: дочь и два внука живут вместе с ней. Есть еще два внука и правнучка. Есть достаток. И всё же, всё же...

Родилась Анна Леонидовна через год после Октябрьского переворота, как сейчас принято называть Октябрьскую революцию. Родители – революционеры-анархисты, полжизни путешествовавшие по тюрьмам и ссылкам. Отца не знала. Он умер до ее рождения. Себя же смутно помнит с трех лет, когда вместе с матерью «отбывала срок» в Бутырках. За Бутырками последовали Соловки, потом наступил черед ссылки в Сибирь.

Много-много лет спустя Анна Леонидовна получила документ о реабилитации родителей. Узнала, что отца почему-то называли Маленький Христос...

В детстве всё тяжелое переносится легче. А потом она из глухой провинции попала в Харьков, бывшую столицу Украины, поступила в мединститут. Вихрем завертелась веселая, интересная студенческая жизнь. Училась охотно, летом участвовала в альпинистских вылазках. Так и познакомилась с будущим мужем, тоже медиком...

Последний экзамен в мединституте состоялся в день начала войны. Жизнь тотчас резко переменилась: сначала военно-полевые трехмесячные курсы хирургов, потом фронт. Первый госпиталь, и она под бомбежкой ассистирует на первой в своей жизни операции. Потом до самого конца войны – санитарные поезда. При немалом росте Аня весила всего 50 килограмм. Работа скромная, со стороны незаметная. И всё-таки орден Красной Звезды – серьезная награда.

Кровь, человеческие страдания, а в сердце нет пустоты, и только мучит страх – как там Александр? Каждое письмецо рождало надежду: вдруг встретимся? Но надежда на это была, конечно, невелика. Тем не менее подвернулась командировка – ее послали за медикаментами, а полевой госпиталь, где служил Александр, находился неподалеку. И они свиделись. Совсем ненадолго. Саша собрался проводить ее на станцию. Внезапно началась бомбежка, а они плыли в лодке по речке Проне. Решили переждать налет под мостом. Вот этот ад под бомбами она и назвала «венчанием». Кстати, сам мост, как только они выбрались из укрытия, взлетел на воздух.

Попрощавшись, расстались на перроне. Она села в поезд, его вскоре разбомбили. Первые вагоны превратились в страшное месиво; ее вагон, к счастью, остался целым на рельсах. Она кинулась к раненым.

– Я тогда израсходовала весь запас перевязочных материалов, за которым ездил в эту страшную и счастливую командировку.

Как она добиралась до эвакуационного пункта, не помнит. Не раздеваясь, свалилась на первую попавшуюся кровать.

– Проснулась, а около меня сидит – кто бы вы думали? – мой муж.

Анна Леонидовна улыбается, видно, вспоминает их общее, почти мистическое отношение к тому, что с ними произошло в тот день. В первом же освобожденном селе, в Веремейках, Аня и Саша с трудом, но разыскали председателя сельсовета. Председатель долго не понимал, чего от него требуют, но потом вник и «зарегистрировал» их брак. И хотя позднее брак был оформлен по всем правилам, в доме до сих пор хранится та корявая справка.

Продолжалась война, продолжала свою воинскую службу и семья Эйнгорн. Он – в полевом госпитале, она – в санитарном поезде.

– Были на всех фронтах, кроме Карельского, – вспоминает Анна Леонидовна. – Подъезжали как можно ближе к передовой – насколько, разумеется, позволяли колея и обстановка. За считанные часы надо было загрузить три вагона, предназначенных для тяжелораненых, и семь-девять вагонов для легкораненых. Ко времени подхода санитарного поезда людей свозили из полевых госпиталей. Перевязанные, в гипсе, они всё равно нуждались в дальнейшем квалифицированном лечении.

А в поезде всего два врача – она и начальник эшелона. Да еще ординатор имелся. Ну и, конечно, сестры... У врача – отдельное купе, только Анна Леонидовна почти не помнит, чтобы можно было спокойно отдохнуть. То одному, то другому требовалась помощь. А какой отдых, когда в небе вдруг появлялись немецкие самолеты? А погрузка-разгрузка на конечных станциях? Только успевай метаться от одного вагона к другому. Разгрузились – и снова в путь.

Правда, однажды за всю войну поезд поставили на ремонт. Больше уже нельзя было ездить. Вот тогда персонал отоспался! Отремонтировали – и вновь заботы о медикаментах, о том, чтобы были кипяченая вода, пища, белье, чтобы подучить новеньких сестричек... И так до Дня Победы... Нет, даже позже – госпитали ведь не свернули, по-прежнему приходилось вывозить больных. Только уже не надо было бояться бомбежек.

– Везде встречали нас приветливо, старались получше устроить раненых.

Впрочем, одну сцену Анне Леонидовне хотелось бы забыть. Прибыли в Тбилиси. Легкораненые высыпали на привокзальную площадь. А тут их ровесники цветочками торгуют. Не выдержала душа солдатская.

Еле растащили дерущихся.

Потом она оказалась в Институте малярии. И снова бой. Покой ей уже и не снился.

Сегодня мы любим московским Серебряным бором. А тогда, после войны, это было болотистое малярийное место. К счастью для Москвы, заболела малярией супруга одного высокопоставленного деятеля. И тут началось настоящее наступление на болезнь. Сама Анна Леонидовна не заразилась, но ей эта битва стоила ребенка. Неродившегося.

Побывав в нынешнем жилье героини моего очерка, уютном и просторном, я с трудом могла представить себе послевоенное житье-бытье в полуподвале института вместе с подопытными мышами и кроликами. Нет, однако, худа без добра: работа сначала в институте малярии, а потом в институте эндокринологии определила ее судьбу. Она стала серьезным ученым, кандидатом медицинских наук. Впрочем, это произошло позже. А сначала муж вернулся в армию, и началась кочевая жизнь офицерской семьи. Четыре года в Одессе, четыре – во Владивостоке.

Муж «делал карьеру», а она растила сына и дочку и всё время где-то работала. Когда возвратились в Москву, полегче наконец-то сделалась материальная жизнь. Александр Григорьевич – доктор наук, жена – кандидат.

Дети обзавелись семьями. Может, это в генах заложено – крепкие семьи? Сын Григорий женился в девятнадцать. Родители вряд ли сразу пришли в восторг. Но вскоре возрадовались. Сын, пошедший по стопам родителей, оказался хорошим врачом, прекрасным семьянином, двух внуков подарил. К великому несчастью, Гриша внезапно умер. Умер таким же молодым, как мама Анны, пережившая Бутырки и Соловки...

Когда я собралась уходить, Анна Леонидовна захотела проводить меня до остановки.

– Очень скользко, вместе, глядишь, не упадем. Я вас поддержу.

Это она мне, которая на десять лет ее моложе.

...И ДВЕ МЕДАЛИ «ЗА ОТВАГУ»

Èdèià Àdriáà

Átèià çààdriéèà i áiy á íááéüóte ádriá Áopééé Ídriáááééé (òíááà ×éáéíáééé) íáéáñòé. Í ú nì ài íé íááíéá òàì çáááéáéééñí àNì íéáííéá íáñíééòí íá áéáé, áñì, á éíòíðì áééé áí áíéíú, áúé ðáçðóáí...

Леву я впервые увидела в заводском Доме культуры. Это было в 1952 году. Я уже работала и заочно училась в институте в Москве. Наш драмкружок закончил репетицию, мы расходились. Перед началом какого-то мероприятия в фойе собралось довольно много людей, но его я заметила сразу: красивого, с густыми, аккуратно зачесанными черными волосами. На бледном, с неярким румянцем, лице – огромные карие глаза.

– Кто это? – спросила у подруги.

– Наш инженер из конструкторского, холостой. – Подруга работала на заводе и почти всех знала. – Но если ты что-то такое вообразила, то напрасно. У них в отделе таких, как ты, достаточно. Даже еще и получше...

Я вспомнила этот разговор, когда зимой увидела Леву в городе. Он был в коричневом кожаном пальто, меховой шапке и показался мне еще красивее. Потом, когда мы случайно встретились на улице, он тоже поглядывал на меня с любопытством. Как-то раз в кинотеатре он даже сделал несколько шагов мне навстречу, но, увидев, что я с мамой, свернул в сторону.

Познакомились мы уже летом. А через месяц он сделал мне предложение. И добавил, волнуясь:

– Я не очень здоровый человек, со мной всё может случиться. Подумай как следует. Никакой ответ меня не обидит.

После этих слов я влюбилась в него окончательно. И никогда об этом не пожалела.

У моего мужа было два имени: Лейб и Шмуэль. Дома его звали Лева, официально – Самуил Зеликович. Родился он в 1922 году в белорусском городке Дубровно. Отец десять лет прослужил военным музыкантом, потом работал в лесничестве. В семье было пятеро детей. После школы Лева закончил минский строительный техникум, успешно сдал государственные экзамены, но диплом получить не успел: началась Великая Отечественная. Лев-Самуил Каган ушел на фронт, а диплом ему выслали по почте уже в мирное время.

Лева провоевал всю войну, вернулся в 1945-м искалеченным, больным, сразу получил инвалидность. Воевал рядовым, в конце войны получил звание ефрейтора. Мы храним его награды: орден Красной Звезды, две солдатские медали «За отвагу», множество пожелтевших от времени благодарностей Верховного Главнокомандующего. А еще топографические карты с разноцветными отметками – здесь он шел военными дорогами.

На фронте Лева случайно встретился с двоюродным братом; тот рассказал страшную историю гибели Левиной семьи: мать, отца и сестер расстреляли фашисты. Сначала согнали в гетто, потом уничтожили. Два старших брата без вести пропали на фронте. Возвращаться с войны Лева было некуда, и он поехал в Бузулук, в семью двоюродного брата. Инвалидность второй группы не помешала ему поступить на завод тяжелого машиностроения.

Лева был мужественным человеком не только на фронте. Уже после свадьбы он рассказал мне, как его вызывали в органы госбезопасности и предупреждали, что я дочь «врага народа» и ему, коммунисту, не следовало бы со мной встречаться. Он ответил, что на фронте не раз видел смерть и ему ничего не страшно. Мы жили очень дружно. Моя мама любила его как родного сына, мне даже казалось – больше, чем меня.

У нас родился мальчик. Как Лева был счастлив! Возился с ним, купал его только сам – не доверял никому. Водил гулять, читал ему книжки. И сын был к нему очень привязан. Между нами не случалось настоящих размолвок. Самая «принципиальная»: как расставить книги на этажерке. Он считал – по формату. Системы нет, зато красиво! Я настаивала: по темам!

В ссылке, на Севере, тяжело заболел мой отец. Его парализовало, и мать привезла его к нам, еле живого. Лева заботился о нем, пытался как-то облегчить ему страдания.

У нас были друзья, такие же бывшие фронтовики, как мой муж. По праздникам собирались, вспоминали боевую молодость. Впрочем, Лева не любил говорить о войне и особенно о том, что случилось с его семьей.

Лева был очень увлечен ра

ботой. Имея среднее техническое образование, прекрасно справлялся с обязанностями: сначала начальника цеха, потом ведущего конструктора, потом заместителя главного конструктора. Он немало потрудился ради оборудования завода теплотехническими устройствами и коммуникациями. С группой конструкторов работал над изобретением, но не успел закончить. «На таких, как Каган, держится завод», – говорил директор. У нас дома чуть ли не полкомнаты занимала чертежная доска. К ней постоянно был прикреплен какой-нибудь очередной чертеж.

В стране началась мощная антисемитская кампания. В газетах, по радио шло обсуждение «дела врачей». Лева на улице демонстративно разговаривал со старушками-еврейками на идише: он очень хорошо знал родной язык. Мы прожили вместе пять лет. Всего пять, но каких счастливых!

По делам службы Лева было необходимо ехать в командировку. Он мог отказаться по состоянию здоровья. «Надо!» – И Лева поехал в Краматорск. Какое неприятное на слух слово! Почти «крематорий»... В Москве выполнил все поручения своих товарищей по работе: купил фильмоскоп для ребенка, кому-то купил зимнюю шапку, кому-то – логарифмическую линейку, кому-то – конфеты... В дороге он простудился, приехал в Краматорск совсем больной. Но всё, что необходимо, сделал. Все нужные документы оформил.

Мы ждали его с нетерпением. Вдруг пришла заверенная больничным врачом телеграмма: «Каган Самуил Зеликович находится в тяжелом состоянии...» Я бросилась в Краматорск, в помощь мне дали инженера из КБ... Не успели. Он умер с раскрытым учебником английского языка в руках... Леву провожал весь завод.

Я привезла домой его чемодан с покупками для сослуживцев. Лева Кагану было тридцать четыре года... А мне и того меньше. Замуж я больше не вышла, хотя встречала достойных людей. Не могла забыть Леву. И еще растила сына. Он сейчас намного старше своего отца, врач-эндоскопист, живет со мной.

Я решила написать о своем муже еще и потому, что, кроме меня, не осталось никого, кто мог бы это сделать.

Ńi íeáí Ńe

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТРОКИ

*Yoi Ia idnol ienu a Yoi iudare denu na if nea areu aiou yitoe. Ideiaenu eo
odal yony a daci uo adela. E adod dal eonny aa-ii.*

*Iai e iie ideia yony if eiea «Aidyo iiaoea adte», iiaeeiaaie
«Iiee decaodi » a 1973 aa. Caieiee ai u daaeoe «Eaei a».*

Iai eod iaee ei ai a!

Caiaiea Aeiu Eodia

*I dso i adnaou ai i iae i adde, Eodia, idaeapuae a a Eedai, ia yaeedrai a ex
Eadee.*

*Aaei oi eadou a 24 aa, ii a iaioiyuae adia, aa ia anu enoidee aia :aeia: aia
noayony i eeeiiu aeia, y iap adae a ioap, ciay, :oi adna i iei ea e ai, i adaeay a
aeai, adna ia :eou ai i eadou eae iiaiae adae i eda io aeaiie :oi u. xoi aia
iaieiaou?*

I ai a!

I a i ad-aeiy.

Oiaadeu, aai, aiead ia

Caay i eai e adnu ia n-aiouy.

Oaeeci adna oe :oiaai,

E ia iaei ead ai i adnaouy

I ai eod iaee ei ai a!

Eti mi teao Eadoneta itea

Aei a Eodia

Б. Лурье погиб во время уличных боев в Таллине в конце августа 1941 года.

Aidae adnaia

Дорогая Анка! Давно не писал тебе, так как отправить письмо всё равно не было возможности...

Сегодня днем я приехал в свое подразделение... По дороге, уходя из села, в которое вступил немец, я забрал боеприпасы, которые не успели вывезти растерявшиеся тыловики. Забрал двух тяжелораненых, отвез их от переднего края... Разыскал родильный дом на селе и сдал туда раненых. Приказал замаскировать их на случай прихода немцев. Когда я уходил, один из них притянул меня за ворот гимнастерки и поцеловал в губы. Он сказал: «Товарищ майор, ты мне дороже отца». А он в эту минуту был мне дороже моего будущего...

Из письма писателя Юрия Крымова жене

Автор известных книг «Танкер “Дербент”» и «Инженер» Юрий Крымов (Юрий Соломонович Беклемишев) добровольцем ушел на фронт в первые же дни войны. В ночь на 20 сентября 1941 года принял бой в окружении. Утром местные жители села Богодуховка (Полтавская область) обнаружили труп Ю. Крымова. На теле было семь штыковых проколов, во лбу зияла кровавая дыра. В кармане лежало это недописанное письмо, залитое кровью.

Àñ ì ðèããèèññì

...Ì ðèγòíí, ÷òí à òàèèà ììðáíá àíè ÿ í àðíæðñì à ðγáαð çαìεòíèèíá ðíæéíù, ì ðèγòíí, ÷òí ÿ í àíèòíòí ì íáñòíàèèññì è àíγì ìèøαáñ à ðÉÉÁ. Àñ, ÷αì ÿ çαíèì àèññì à ì èðí íá àðáì ÿ: èύαè, àαðòíáγ ãçá, ì αòèáγ ìòðαèύá, - ì íá í-áíù ì ðèããèèññì, è ÿ ñ ãðáíòùð áññì èíáð òá àíè, èíáñ, íáñ ì òðγ ìá ì áðáððèòé ìá ðááíòá ÿ, áñòàèýé, ì òíðáèγèññì ìá ì íèαòù à ì èáíáðíðð øéíèòé èèè ìá çαíγòèγ à èááèαðèèèðð øéíèòé èì. Áçááí ííá, à á áíòíáí úá àíè ì ðííááè ìá Áíòíáíáíòé ãðáð, òí òγ ì à ì íá èðáèèá, èíáñ ÿ èαò àèññì ìá èύααð...

Èç í èññì à Èáçàðγ Ì àí áðí èèá ììòðá

В июле 1941 года начальник цеха 1-го Московского часового завода Лазарь Хаимович Паперник ушел добровольцем на фронт. Стал заместителем политрука лыжного отряда. В бою под деревней Хлудово 22 бойца погибли. Последний, оставшийся в живых Лазарь подорвал себя гранатой. Но враг не прошел. Л. Х. Папернику посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Èáò í à ì ì áðòù ðááè ááñ

5 ìáí òγáðγ 1943 á

Θύδα!

Àñ èíí-áíí, ììááí ÿ èèè çáαððá ì áíγ ðáñòðáèγðò, èáè è ì òíè áðáèòé, ðáñòðáèγííùò ñ ì ìáí òγáðγ. Ì ðíòé ì íááðí, ÷òí èáò ìá ì ì áðòù ðááè ááñ òáè èáè ÿ èðáèè òááγ è ááòáè, èáè ì èèòí ì èèíáñ ìá èðáèè. Ñ èì áè ì ííá ãçì ì æííòðáè èññì òáòù ñ-áíòùá ììáíáñ, ì í èç-çá èðááè è òááá è ááòγì ÿ γòíá ìá ìáèáè. Èíáñ ááòè áíðáíòòò, ìáγññì è γòí èì. Èðáè è ááðáè èá. Õáèòé èò çá ì áíγ, ì ìγ ì èèáγ, ì èèáγ ì àì òèèá.

Õáèðð òááγ. Ì ðíúáè, ì ðíúáè ìáááèè.

Èáíí èá

Ì èññì ì Èáíí èáá Ááèíáðá æáí á

В апреле 1943 года в Запорожье из работников завода «Запорожсталь» была создана подпольная группа. Начальником штаба стал Леонид Владимирович Вайнер. В июне того же года подпольщиков арестовали, а 14 сентября расстреляли. Записку, публикуемую ниже, обнаружили в одежде Леонида после расстрела.

14 ìáí òγáðγ 1943 á

Óì èðááì ááðγì è

Ááðáíí Áíçí áññì èá, 4 è èá òè. Ááðáíí ìá, 1 26

Èòí ì æéáò, ì áðááè ááòγì.

Àñ èðáè áðòííù Áíí-áðá ðáñòðáèγííù 14.IX.43 á

Ίδιοςίαι ί ίά ίά αιεί ίααούϊγ

29 όάάδαιγ 1944 ά

Άίάδτιέ άάί ύ, αάάααό άέόά, άί άί άίγ ί άί ά, άάό δέ:έα Δίγα. Άδεσα έ ί έέάί ύέέ Βοεί ύέά!!!
Νίάσο άίάύεόύ :όί γ αέά έ αάί άί ά :άά έ άάί αέάα. Ί ίέο:έέ ίό άάί ί έϊϊ ί ίό 23:έήέ, άί ί ίγού
ίά ί άίγ ίάέαάάάϊϊ :όί ί άεί ίέοά Άάάϊ γ ίέοό :άδα: έάαάύά όδ έ άίγ, έάά άίέύσα Ί έϊϊ ά,
ίάάάίίά, αάάάέέέϊϊ Ί άάά ίέήαού ίά:άά, αέάό ίέ:άά. Ί:άί ύ άά, :όί Δάγ ήέί άί ίάάά άί ίέ,
άύήέέ ίά 1500 άάέέέ, έάέ γ ί έήέ, ά 1200 άάέέέ, ίάάαέέόά έό Δά, ί όίό ύ ήέί άά άάά άί ίέ.

Νίίάύεόά, έάέ άί αέάάά, ό ί άίγ ί άάί ί ίά ίέ:άά ίάό. Έίί:άα ί έήαού, ί ήό άήϊϊ άάο
ήϊϊ έ άάά Άόέι.

Όάέα έάάί έί, έάάί έί, ίδιοςίαι ί ίά ίά αιεί ίααούϊγ.

Ίέέέόά ίόάίό. Έίί:άα. Άόέι.

Ί έϊϊ ί Άόέι ά Δάγίέέίάά άί άί ύί ήό άί ίά

Через два дня, 2 марта 1944 года, Ефим Давыдович погиб в бою под г. Рогачевым Гомельской области. Ему шел 22-й год. На фронте с 1941 года.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

ВСЕ, ГОВОРЮ Я, БЫЛО ТАК, КАК БЫЛО

Í íá íá çááú òü íò: àÿí í úé áðí ðé
Í íéóò íðéé. Í í ðúò áéí àí àíðíá
Í ò òðí í òà ðí æ áá òí òáð òí ðÿí úé,
Áúáçæáÿ è í ðí ááéé ááÿííí á ÿí ú,
È ðáí áí ú ò ò áí ðÿéí, áéè ò Á-á
Í ò ááò áí ðò íá Í í èéí óò ú ò í ááééí í
Óáðí í í áí ò ááéÿé ðí ðæ áí ò áú ááéúé:
- Í á í ú ò ð - È í á í í é áðí ò áé è í ðò ú é áí .
À ááí ú ðéÿé. È ðé áí ááé çà í áí è
Ðáçí ú ò ú é ðééçò í áí áóéí é «ðáí ú»
È í ò ááéáí í ú é í ðáééí ú é áðí .
Ááçú úá í ááé ðáéí í áí ðí ò,
È ðò í í è è ðéé áçí ááéé í ðí áí áí úá
Í í áðí áò í á á ééú ò í òáí éáò ðáí á
È áééé á ðáí ááò áò ááí ðò ááí í ú é í áðí á -
È í ò áí ðí ò áááéé í í áí ðí ò.
Áúá í áí á í ò ò í ðéá í áí í áé ò áéü
È, ðé ðáí áÿ, áí ðééé áí áé ò áéü
Í á áðáí éé ò ðáéò. È ðò ú é ú á áí ðò á
Óáí ÿí è éÿçáéé, éáé áúú ò í
á éé òí ðááéá
È í ðí í í ðéééíí í èí í á ááí í ðÿáéá
Áéóéá í áçí áéíí ú á í áí ò á
Í áéúéí óá ò áí ú ðééí í áí í í á é ðáí ðò á
Ááðáçú, áééé. Ááá ééü ò ðé éóí ò á

Èçðàæáí í úõ ñèðáí æ è ÷ àðàí óð,

çà í èì è - í áðòí úé çáæèè ñáá

À ò àì è í áéõí è áæèéíñ ò àñáá

Áúéíé óñáúúú.

Í àò, íí áúé í á í ðí àò,

Èèõíé óí óáð ÷ òí çááñí çà ò í ðí í çèè.

È ò í ò, è ò í èí ñ ò ú è àì àì ó áðí çèè,

Í ðí è í áúéýè ñ è ú á è í ð á è á æ á í í é,

Í ðááæéý í ò áúõ í à í ò àì è á ñ á á

Ñí á ò á á á è ó è à è í ñ ò à ò è è ì á è ú ò ñ è è.

Í à ðáñ ò í ý í ú á í ðí è í á á è á í á è.

Áñ, ááí ð ð ý, áúéí ò á è, è à è áúéí,

È æ á à è í á ñ á ð á ú é ñ ò í é á á ç

í ðí ñ ò ú í á è,

Í á á è, ò í è í á í ú é. È ì á í ý ç í á è è í,

È ý è á ò á è ñ ò ð á ñ á á è ú á ò í á í è ç,

Á á á ñ á ì ý ò ñ ò á ñ. Í ÷ í ó è í ñ -

á ð á ú é á è í ñ

Ñ è í á è ì í è á á ñ í ñ í ù í ú á ð è è.

Í í ý ò í áúéí è è ó ú í á ÷ á è í ì ó è è -

Áúé ç á ÷ á ð á è í í á á è í ñ í. Á ç à ò á ì -

Í í ý ò ú í á ð è í ç, í í ý ò ú ý á è ó è í á ì.

Í ðí è í í í è á á è ñ ò á ò á à è á è è ò á í á è,

çà í èì è á ð á á è í ðí è í ú é á á ñ ý ò í é,

Í í ñ è á á è è, Á - á ñ í á á í ú é í á ì í ñ ò á ò í é

È ð è á è, ñ á ì ò ý á ð è è è á è á á ð è.

È Ì ó ç à, è à è ñ ñ ò ð à, ì á í ý æ á à è à

× á ð í á è è è í ò á ì è í é ó ñ ò í é à,

*Èõ íáááèí óεά íá íáðáí εσαεúí
 Êεé ò ó áí ðíáð áááí þþ á ñáí ááò.
 Í í í ò:ááí áεá:áò ì áíý íáçáá,
 Í á çéíá è áεóóíá í áí áεé úá?
 Êáò è ò í íεóò í ðεá ñ óááá í á óáá,
 È ááò áð ááéá, εáε ááçúí í úé, ñáε úáò,
 È ñáí εá:ó ñεáí çúí ááú í áí ðíéíí,
 Óεά í á ðáíñò ááçýñí ñ éíñò úéáí
 Á í ááεεáá, ÷ ò í Á-ñ í áúí áεááε ò í ò ú áò.*

ÁÁÍÛÍÍÁÁÛ

*Ñáñ áíýý áúí íþ áεíá
 Çá ò áá, ÷ ò í ñáí á í ò ñò ðáááεé.
 Í í ááεó ñááþò ì áááεé,
 Í á:áεúí í ñ íε:áò í ðáíá
 Í í çáðááεé ì áíý í ðáçε ááí ò,
 È ì ýð í ðεá ò í áεé ì í á í áεéç,
 È ñεóε á ò ú ñεááò ñεçþ ááεéó
 Áí ò í á í áεé ú á:εáúé ì áí ò.
 Ì ú áúéε εááεé í á í í áúí,
 Áá í íáε, εáε í ðáεεáá, í á ñεóε áò,
 È ÷ áðí ú á áí ðí í ú é ðáε áò...
 Á ì ú áñ εáúí è εáúí. Áááεá Áóò í ááúéεé*

ОБЫКНОВЕННЫЙ АД

(EÍ ÈÆÍ ÛÀ Í ÎÂÈÍ ÈÈ)

*Áëáíà Ì àëàðíàà, Ñàðäæ È àëàðíà, Áëàòàðèíà Í àëëðáíàí,
Áëëòíð Èóí àðí àí*

Èðáí îñòó í àà áàçáí íé. Òàðäçèí ñêèà áí ááí èèè 1942–1945

Ì.: Ì îñòó èóëüòóðû; Jerusalem: Gesharim, 2003 – 408 ñ

Читая эту книгу, понимаешь, почему Михаил Ромм назвал свой фильм «Обыкновенный фашизм» и отчего это словосочетание стало устойчивым. Только извне и постфактум кажется, что фашизм – это катаклизм сродни землетрясению, взрыву, цунами. Ромм сумел взглянуть на природу явления изнутри и понять: фашизм тем и страшен, что превращает ад в обыденность, привычку, норму жизни. Обыкновенный фашизм порождает обыкновенный ад – не одномоментную катастрофу, но растянутый во времени рутинный процесс.

Ад, уготованный евреям руководством Третьего рейха, был с немецкой педантичностью поделен на отделы и подотделы. Терезину в этой разветвленной структуре отводилась роль чего-то вроде «департамента рекламы» – он был призван служить своего рода потемкинской деревней, скрывающей подлинное положение дел. Здесь в 1944 году немецкие кинематографисты снимали пропагандистский фильм «Еврейское поселение»: о том, как хорошо живет евреям под властью нацистов. Сюда приезжала делегация Красного Креста, члены которой пришли в полный восторг от увиденного. Наконец, главный разработчик плана «окончательного решения еврейского вопроса» Адольф Эйхман назвал однажды Терезин «маленьким сионистским экспериментом для будущего еврейского государства».

Почему для создания «крепости-обманки» был выбран именно этот скромный городок в 60 километрах от Праги? Видимо, причина в том, что по географическому положению Терезин являлся идеальным перевалочным пунктом между крупными чешскими городами и польскими лагерями смерти. С конца 1941 года сюда стали прибывать транспорты с чешскими, немецкими, австрийскими, голландскими и датскими евреями. Приехавшие были весьма неоднородны по социальному статусу. В Терезин свозили, с одной стороны, стариков, инвалидов, калек, душевнобольных, которых не успели уничтожить в рамках программы эвтаназии, с другой же – представителей еврейской элиты: бывших государственных деятелей, военных, артистов.

Среди новых жителей Терезина были еврей-дворяне, крупные банкиры, министры, генералы. Впрочем, на условиях существования довоенное положение того или иного лица сказывалось слабо. В городе, рассчитанном на 6–8 тыс. человек, одновременно собирались десятки тысяч (в сентябре 1942 года население Терезина составляло почти 60 тыс. человек). Жилья не хватало, иногда спальные места устраивались даже в витринах довоенных магазинов. Всего через это «образцовое гетто» прошли более 150 тыс. человек, большинство из которых погибли в Освенциме и других концлагерях, а около 35 тыс. умерли в самом Терезине от голода и болезней. Недостатка в квалифицированных врачах в городе-лагере не было, однако хронически не хватало лекарств и медицинского оборудования.

В Терезине практиковалось раздельное проживание мужчин и женщин. Мальчики до 12 лет жили с матерью, а по достижении этого возраста – с отцом. Контакты между полами были сведены к минимуму. Режим был распisan до мелочей, за любое нарушение (например, курение или попытку передать письмо за пределы города) полагались самые жестокие наказания, вплоть до депортации в лагерь уничтожения или смертной казни. Досконально была продумана и система унижений: так, официальная инструкция требовала от обитателя гетто, обращающегося к начальству, «принимать вид провинившегося».

Тем не менее, как констатирует в предисловии к изданному тому Елена Макарова, нацистская попытка превратить людей в безликие «нумера» провалилась. Терезин стал символом духовного сопротивления, опытом выживания человека в условиях реализованной антиутопии. В гетто проходили концерты и спортивные состязания; в местном театре регулярно ставились драматические спектакли, оперы, оперетты; дети выпускали подпольные иллюстрированные журналы; картины, созданные терезинскими художниками, до сих пор выставляются по всему миру. Педагоги, несмотря на строжайший запрет, продолжали обучение детей; лучшие европейские профессора читали лекционные курсы на разные темы; один из самых известных психологов XX века Виктор Франкл создал здесь прославившую его впоследствии теорию логотерапии.

Обыкновенный ад просуществовал в Терезине четыре года. Даже май 1945 года принес избавление не всем оставшимся к этому времени в живых обитателям гетто. Перед самым концом войны сюда свезли больных из различных концлагерей, в городе вспыхнула эпидемия сыпного тифа, продолжавшаяся почти год и унесшая более полутора тысяч жизней. Поэтому последние узники покинули Терезин только в ноябре 1945 года, после окончания эпидемии.

Большую часть «терезинского» тома занимает дневник Эгона Редлиха, дополненный другими свидетельствами, ранее не публиковавшимися. И здесь мы подходим к очень важному моменту: дело в том, что дневник Редлиха, обнаруженный чешскими строителями в 1967 году в Терезине, на чердаке сносимого дома, вот уже почти сорок лет активно используется в антисемитской пропаганде.

Формально руководство гетто осуществлялось Советом старейшин, состоявшим по преимуществу из видных пражских сионистов. Фактически же ни одно более-менее важное решение не могло быть принято Советом без одобрения со стороны немецкого коменданта. Это касалось и самого болезненного вопроса – о депортациях жителей Терезина в концлагерь. Немцы передавали еврейской администрации указания о числе, возрасте и профессиях депортируемых, а конкретные списки составлялись соответствующим отделом самоуправления. В так называемую «рекламационную комиссию», занимавшуюся подготовкой этих списков, входил и автор самого известного терезинского дневника.

В советское время дневник Редлиха трактовался официальной пропагандой как доказательство того, что «сионистская верхушка» целиком и полностью разделяет с нацистами ответственность за уничтожение евреев. Сегодня интерпретации несколько усложнились. Так, известный православный проповедник дьякон Андрей Кураев в январе 2005 года, на съезде армейского духовенства, используя тенденциозно подобранные и лживо истолкованные цитаты из дневника Редлиха, пытался доказать, что сионисты сознательно уничтожали евреев-христиан, внося их в депортационные списки в первую очередь.

В этих целях все упоминания Редлиха о чешском населении Терезина были истолкованы Кураевым так, будто речь шла о крещеных евреях. Например, на основании абсолютно прозрачной и вроде бы не допускающей двойного толкования фразы «узнал, что готовят списки христиан, которые покинут Терезин», Кураев делает следующий вывод: «Были более ценные жизни – это евреи, практикующие иудаизм и разделяющие сионистские идеалы. И были “отмершие ветви” – ассимилированные чешские евреи, иудо-христиане, “выкресты”. Именно из них и составлялись прежде всего списки смерти. Немцы при “окончательном решении еврейского вопроса” не делали различия между евреями-христианами и евреями-иудеями. Но это различие, оказывается, делали их пусть и подневольные, но всё же помощники из руководства сионистских организаций». В подтверждение своей мысли Кураев даже сослался на «авторитетный» источник – сборник 1978 года «Сионизм – правда и вымысл».

Таким образом, кощунственная советская клевета в отношении погибшего в Освенциме юноши, на которого была возложена невыносимая обязанность – решать вопросы жизни и смерти, продолжается. Странно, что никто еще не догадался объявить обличительным документом роман У. Стайрона «Выбор Софи»: там речь идет о том, как мать посылает на гибель своего ребенка...

Впрочем, на самом деле вопрос о еврейском самоуправлении и мере его ответственности за терезинскую катастрофу действительно непрост, и дать на него простой и однозначный ответ едва ли

возможно. Бывший чешский офицер Витезслав Ледерер, в декабре 1943 года депортированный из Терезина в Освенцим, через несколько месяцев бежал из лагеря, переодевшись в эсэсовскую форму, и вернулся в Терезин, чтобы рассказать членам Совета старейшин страшную правду. Неизвестно, поверили ли старейшины Ледереру, но в любом случае сообщенную им информацию они предпочли оставить в секрете. Между тем некоторые историки полагают, что обнародование правды об Освенциме могло бы спровоцировать восстание и предотвратить массовые депортации осени 1944 года.

Вот еще один факт, доказывающий невозможность сведения позиции еврейского руководства Терезина к какой-то простой и все объясняющей схеме. В октябре 1942 года жители гетто узнали из передачи Би-би-си (радиоприемник был нелегально установлен в одном из городских зданий) о массовом уничтожении евреев в концлагерях газом, однако глава Совета старейшин Якоб Эдельштейн назвал эту информацию «гнусной британской пропагандой». В то же время сами немцы вспоминали впоследствии, как бесстрашно общался Эдельштейн с представителями нацистского руководства, как последовательно отстаивал права узников...

Вышедший в издательстве «Мосты культуры» том – это лишь первый выпуск из задуманной Еленой Макаровой и ее соавторами серии книг о Терезине. В последующих томах предполагается рассказать о терезинских детях, о терезинских лекторах, об искусстве в Терезине.

È èòàèè Ýààèèòàéí

КАК НАС УБИВАЛИ

(ÈÍ ÈÆÍ ÛÀ Í ÎÂÈÍ ÈÈ)

Áí ò î è í ã ÿ / Ñ ñ ò . Á í à ò î è è é È à ð ä ä ø

Õ î è í è ñ ò . Ó á è è ñ ò à î á à ð ä ä ä á 1933-1945 ä ä

Ì .: Ä ä à ò / Ç í à í è á 2003 - 410 ñ

Собрание документальных и художественных свидетельств об уничтожении нацистами европейского еврейства до и во время второй мировой войны вышло в издательстве «Даат». Подобная антология на русском языке появляется впервые – большинство вошедших в книгу материалов были доступны и ранее, однако их надо было извлекать из различных источников, а теперь они собраны под одной обложкой.

Озаглавлен сборник «Холокост», однако издатель Иосиф Бегун и составитель Анатолий Кардаш предпочитают использовать ивритский синоним Шоа: по их мнению, это слово, в точном переводе означающее «несчастье», «бедствие», свободно и от теологических коннотаций греческого понятия «холокост» («всесожжение»), и от смысла стихийности, случайности, который заложен в понятии «катастрофа», употребляемом российскими историками.

Открывает книгу очерк А. Кардаша, который пытается определить истоки Шоа и с этой целью обращается к многовековой традиции европейского, прежде всего христианского, антисемитизма, подробно рассматривая в том числе и историю так называемого «кровавого навета». Предисловие носит популярный характер, читатель едва ли найдет здесь новые факты: все приводимые Кардашем сведения можно почерпнуть и из других источников, например из обстоятельного труда профессора Леона Полякова «История антисемитизма». Кроме того, отдельные фрагменты вступительной статьи написаны с избыточной легковесностью – хлесткие журналистские обобщения вроде: «В церквах всего мира Христос на еврея не похож, зато Сатана – непременно по-еврейски крючконос и вислогуб» вряд ли делают честь серьезному исследователю. Не вполне ясно и то, зачем понадобилось автору подверстывать к длинному списку «видных антисемитов всех времен и народов» защитника Дрейфуса Эмиля Золя или, например, Пушкина, разделявшего многие предрассудки своего круга, но специально еврейским вопросом никогда не интересовавшегося.

Впрочем, всё это частности. Главный интерес издания сосредоточен, конечно, не в предисловии, а в публикуемых документах. Книга состоит из восьми разделов. В первом из них – «Шоа глазами историков» – помещен отрывок из работы директора Международного института исследования Холокоста мемориала «Яд ва-Шем» Иеуды Бауэра, посвященной разоблачению различных форм отрицания или фальсификации Шоа. Перевод работы Бауэра на русский язык тем более важен, что в последнее время ревизионистские труды начали публиковаться и в России. Так, крупнейшее российское издательство «Эксмо» недавно выпустило книгу бывшего советского разведчика Виталия Чернявского «Гиммлер против Гитлера», в приложении к которой помещена статья некоего Марка Вебера, директора Калифорнийского института историков-ревизионистов, о чем издательство с уважением сообщает. Из статьи, направленной

против известного «охотника за нацистами» Симона Визенталя, следует, что никакого Холокоста и в помине не было, всё это выдумки Визенталя и компании.

Вернемся, однако, к антологии А. Кардаша. Во втором ее разделе помещены работы, посвященные плану «окончательного решения еврейского вопроса». О том, что предшествовало принятию этого плана – об антиеврейском бойкоте, Хрустальной ночи, принуждении евреев Германии к эмиграции – рассказывается в третьем разделе. Среди прочего здесь напечатаны фрагменты печально знаменитых Нюрнбергских законов, юридически оформивших юдофобскую политику Третьего рейха. На равных правах с документальными свидетельствами звучат и голоса писателей – Л. Фейхтвангера и Г. Габе.

В четвертом разделе слово предоставлено палачам. Языком полицейских директив, приказов, распоряжений нацистские вожди рассказывают о том, как проходила подготовка к истреблению евреев: как строились гетто и концлагеря, как евреи из сел перемещались в большие города, какие меры принимались для обеспечения секретности планов уничтожения.

Дальше идут три самых обширных и страшных раздела. Пятый посвящен порядкам в еврейских гетто, в частности вопросу о юденратах и еврейской полиции. Шестой содержит свидетельства о массовых убийствах на оккупированных территориях СССР. В седьмом рассказывается о концлагерях.

Наконец, восьмой раздел, названный «После всего этого», содержит лишь три материала: отрывок из поэмы Ицхака Каценельсона «Песнь об убиенном еврейском народе», фрагмент выступления Гимmlера перед командирами СС в Познани 4 октября 1943 года – своего рода отчет о проделанной работе – и политическое завещание Гитлера, написанное накануне самоубийства: «Я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всем отравителям всеобщего мира всех народов – интернациональному еврейству...»

Польза выпущенной издательством «Даат» антологии несомненна. Если когда-то в российских школах, как сегодня в школах западных стран, будут проходить уроки, посвященные Холокосту, то этот том вполне может быть рекомендован для использования в качестве учебного пособия. Единственное возможное препятствие – полиграфическое: не слишком четкая печать местами серьезно затрудняет чтение.

И еблел Яаеиу о аел

С первых же слов автор, представляющий новую книгу о войне, чувствует потребность в объяснении – и даже в оправдании. Он вводит фигуру оппонента и, споря с этим воображаемым противником, начинает отстаивать право издания на существование. И это, конечно же, не прихоть или чудачество Ефима Чеповецкого, а отражение вполне объективной, хотя не самой приятной реальности.

Дело в том, что за последние несколько лет (10? 15? 20?) в России, да, пожалуй, и во всем мире, сформировался устойчивый психологический комплекс, который можно назвать «комплексом усталости»: усталости от информации о Холокосте, о ГУЛАГе и о войне. Чем ближе 60-летие Победы, тем больше фильмов и передач, посвященных различным аспектам второй мировой, идут ежедневно по телевизору. И что? Велики ли рейтинги у этих программ? Велики ли тиражи книг, рассказывающих о том же самом?

Конечно, легче всего списать это явление на цинизм молодого поколения, на гедонизм современной цивилизации либо предложить еще какое-нибудь шаблонное объяснение. На самом деле всё гораздо серьезнее.

Выступая в сентябре 2004 года на одном из мероприятий в рамках Фестиваля еврейской книги, поэт Михаил Генделев говорил о том, что современная мировая культура, в основе которой лежит стремление к тотальной адаптации, к всемерному упрощению, не имеет языка для отражения и осмысления Катастрофы. Но ведь то же самое можно сказать и о других крупнейших катаклизмах XX века – и в этом суть проблемы. Другой вопрос, почему дело обстоит именно так. И здесь уместно вспомнить и об информационной перенасыщенности нашей эпохи, и об «уплотнении» мира благодаря деятельности СМИ, и о виртуализации сегодняшней жизни, привыкании людей к виду крови, ежедневно в больших количествах струящейся с экрана, и о естественной защитной реакции человека, чье сознание отказывается вмещать все ужасы, о которых он регулярно слышит... Но факт остается фактом: среднестатистический читатель и зритель (вовсе не фашист, не коммунист, не злодей и не монстр, один из нас с вами), как правило, не хочет больше слышать о войне, о Холокосте, о ГУЛАГе. А также о геноциде армян, о зверствах красных кхмеров и о том, как в Руанде представители племени хуту вырезали представителей племени тутси... Поделаться с этим ничего нельзя. Разве что попытаться найти «новую оптику»: тот язык, отсутствие которого констатировал Михаил Генделев, – язык, который позволит говорить о войне и Катастрофе по-новому, который вновь приблизит к нам эти события.

Есть еще один момент, отчасти объясняющий всё сказанное выше. Информация подобного рода рассчитана не столько на простое запоминание, сколько на более активную реакцию, если угодно на действие, хотя бы внутреннее. Любопытно, кто слышит о преступлениях против человечества, не может не спрашивать себя: как понять происшедшее? Как сделать так, чтобы это больше не повторилось? То есть получение такой информации связано с принятием на себя дополнительной ответственности, к чему готов далеко не каждый. Что же до понимания, то это очень болезненно: ведь осмыслить феномен Холокоста извне невозможно, неизбежно приходится «входить внутрь», становиться «инсайдером»: это тоже не каждому по силам, чувствовать чужую боль как свою и оставаться при этом в здравом уме. Отсюда психологический жест отстранения, сопровождающий сегодня восприятие информации о фактах насилия.

В такой ситуации человек берется за написание еще одной книги о Катастрофе. Как ему быть, как писать, чтобы его труд не прошел незамеченным? Полагаю, вариантов может быть несколько. Автор «Путешествия в страну Шоа» Матвей Гейзер выбрал один из них: он предложил читателю лечение от амнезии с помощью шоковой терапии. Он оказался на грани и за гранью выносимого, наводя резкость и давая крупным планом именно те сцены, от которых хочется бежать без оглядки...

Цель Гейзера – сохранить память о тех, кто погиб во время немецко-румынской оккупации Украины (он активно оспаривает распространенную версию об относительной мягкости отношения румынских властей к еврейскому населению оккупированных территорий). В центре внимания автора – судьбы его земляков, жителей Бершади, а также соседних городков. Впрочем, писатель ставит перед собой и более широкую задачу – запечатлеть погибший в Освенциме мир еврейского местечка, «мир скатерти белой в субботу и стопок» (Б. Слуцкий). Для этого в книгу вводятся очерки о людях, живших в Бершади задолго до Катастрофы: раввине Рафаэле Бершадском, писателе Михе-Иосифе Бердичевском.

Конечно, «шоковая» манера автора кого-то оттолкнет, но другим, наоборот, покажется единственно адекватной за пределами страшного материала. Я отношусь ко вторым, но при том условии, чтобы считать книгу Гейзера полностью документальной. Увы, из текста и сопроводительных материалов мне так и не удалось понять, как соотносятся в ней документальное и художественное начала. Например, главу «Врата раскаяния» сам писатель называет «повестью». А в аннотации читаем: «Книга <...> создана на основе реальных фактов, но в ней, разумеется, есть обобщения. А возможно ли без этого в маленькой

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ИЛИ ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ?

Óäëëñ Êáí äáëü

Êí èñ äðáí áí è ñáúòèé. Õñì 4 Êñò ïðéý ááðááá Ñí ááòñéíá Ñíðçà (1939-1945)

Ì.: Ì ññòú éóëüòóðü; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 328 с.

Помню свое детское недоумение: всякий раз перед показом выпуска «Ну, погоди!» на экране появлялась милостивая дикторша и сообщала: мол, этот мультфильм снят по сценарию А. Курляндского и А. Хайта. А дальше шли титры, где никаких сценаристов не было вовсе – всё начиналось с режиссера В. Котеночкина. Вскоре загадка прояснилась: оказалось, что один из соавторов знаменитого мультлика, Феликс Кандель, известный на доисторической родине под псевдонимом Камов, репатриировался в Израиль, и вся эта канитель с дикторшей и обрезанием титров была затеяна для того, чтобы не осквернять экраны советских телевизоров именем эмигранта.

В Израиле Кандель получил известность как романист и журналист, выпустил сборник очерков об отказниках и узниках Сиона «Врата исхода нашего» и еще несколько книг. Однако главным его делом стал грандиозный проект: создание истории евреев с момента их появления на территории Российской империи и до наших дней. Четвертый том этого капитального труда появился недавно в издательстве «Мосты культуры». На этот раз предметом повествования стала жизнь евреев СССР во время второй мировой войны, их деятельность на фронте и в тылу. Следующий том по замыслу автора должен быть посвящен рассказу о Катастрофе европейского еврейства, об уничтожении советских евреев германскими нацистами и их союзниками.

Несмотря на масштаб задуманного и уже осуществленного, Канделя вряд ли можно назвать профессиональным историком. Его амплуа – популяризатор и систематизатор известных данных, эдакий еврейский Радзинский, удачно сочетающий выверенность фактической стороны с демократичной манерой изложения. Более того, само словосочетание «история евреев» свидетельствует о том, что перед нами скорее популярный очерк, нежели строго научное исследование.

Сегодня в российской исторической науке сосуществуют две дисциплины с похожими названиями: «история евреев» и «еврейская история». Казалось бы, разница невелика, но она принципиальна. Впрочем, применительно к дореволюционной действительности (не говоря уже о времени Танаха или о Средних веках) эти понятия практически синонимичны, различие между ними становится значимо, лишь когда речь заходит о советском периоде (шире – о XX столетии вообще) – то есть о той эпохе, которой посвящен очередной том документальной эпопеи Канделя.

Ассимиляционные процессы, в царской России только намечавшиеся, к середине сталинской эпохи достигли своего апогея. Советское еврейство в тот период было в значительной массе денационализировано. Евреи присоединенных западных территорий, встречаясь со своими собратьями из внутренних областей Советского Союза, с удивлением констатировали: «Они ничего не слышали о Палестине, не знали Библии, не имели понятия о национальной культуре и тех именах, которые дороги каждому еврею, – точно они были с другой планеты. Когда мы им рассказывали о Тель-Авиве, они слушали,

В кафе «У быков» на праздник собрались более 200 человек, многие пришли в карнавальных масках. Дорогих гостей встречали популярными еврейскими мелодиями, которые исполнял на скрипке виртуоз Зиновий Разу. Вечер открыл главный раввин Калининграда Довид Шведик, появившийся на празднике в костюме пирата; он рассказал историю Пурима, напомнил о заповедях, а затем прочитал Свиток Эстер. При слове «Оман» весь зал дружно стучал ногами и хлопал в ладоши. На вечере играл еврейский духовой оркестр под управлением Евгения Кучера, а подпевали все — и раввин, и гость вечера бизнесмен Леонид Ларионов, и, конечно, дети.

Еврейская община **Тулы** отметила Пурим в областной филармонии. Более 300 членов общины пришли на праздник, чтобы послушать Свиток Эстер и трещотками заглушить имя злодея Омана. Вечер открыл председатель тульской еврейской общины Лев Райхлин, который зачитал приветствие главного раввина России Берла Лазара. Учащиеся воскресной еврейской школы показали традиционный «Пурим-шпиль» в постановке заслуженного работника культуры, режиссера филармонии Игоря Москалева. Разумеется, не обошлось без подарков, которые прислала ФЕОР. Весь вечер играл популярный ансамбль klezmerской музыки «Алевай» под руководством Николая Светличного.

В большом зале городского ТЮЗа на праздник собрались около 600 членов еврейской общины **Волгограда**, а также гости из городов Волжский и Светлый Яр.

После поздравлений главного раввина Волгограда Залмана Йоффе на сцену поднялись учащиеся школы «Ор Авнер». В концерте приняли участие артисты недавно образовавшегося музыкального трио: кларнет, скрипка, фортепиано. В их исполнении зрители услышали музыкальные композиции на темы еврейских песен.

На вечере ветеранам были вручены памятные медали «60-летие Победы в Великой Отечественной войне».

На праздновании Пурима присутствовали заместитель главы администрации Ворошиловского района Волгограда Владимир Прибыльский и начальник отдела управления социальной защиты Любовь Измайлова. По поручению главы районной администрации Натальи Яиковой они поздравили ветеранов и приняли участие в церемонии вручения медалей. Еврейскую общину Волгограда пришли поздравить также другие представители городской и областной администраций: заместитель председателя комитета по взаимодействию с религиозными, национальными организациями и казачеством Александр Бабушкин и старший референт ГУВД Волгоградской области Дмитрий Посвежинский.

Пурим в еврейской общине **Перми** привлек внимание многих городских СМИ. Праздничный «Пурим-шпиль» в Детском театре кукол, выступление известных музыкантов и артистов не оставили равнодушным никого из присутствовавших на празднике. Коллектив школы и детского сада «Ор Авнер» подготовил конкурс пуримских костюмов. А в пермской синагоге состоялся банкет для спонсоров общины и представителей еврейской интеллигенции. В ходе праздничной трапезы раввин Залман Дайч поблагодарил всех, кто принимает деятельное участие в жизни общины, кому не безразлично ее будущее, и призвал собравшихся веселиться в этот день вместе со всем еврейским народом.

170 членов еврейской общины **Красноярска** собрались в ресторане гостиницы «Октябрьская». Гостей приветствовал раввин Бенъёмин Вагнер, прочитавший Свиток Эстер. Заместитель губернатора Красноярского края Вадим Медведев передал поздравление от губернатора Александра Хлопонина. Глава областной администрации выразил сожаление, что из-за неотложных дел не может лично разделить этот праздник с евреями. Веселье и танцы продолжались до поздней ночи.

Пурим в **Омске** еврейская община отметила вместе с активистами молодежного клуба «Омец» и учениками еврейской воскресной школы. Раввин Ошер Кричевский подготовил обширную программу: в этот веселый праздник все должны почувствовать победу еврейского народа над своими врагами. Перед чтением Свитка Эстер раввин рассказал об истории Пурима. На празднике всем нашлось место: дети из воскресной школы «Ор Авнер» показали театрализованное представление, молодежь устроила конкурсы и викторины, гостей ожидало угощение и традиционный «лехаим».

Еврейский общинный центр **Еревана** «Мордехай Нави» движения Хабад-Любавич в этом году отмечал два праздника — Пурим и свой 10-летний юбилей.

В праздничный день синагога заполнилась членами еврейской общины и гостями, чтобы исполнить главную заповедь праздника — послушать чтение Свитка Эстер. После молитвы последовала праздничная трапеза с «оменташн» и кошерным вином, сопровождаемая веселыми пуримскими песнями и танцами.

В один из праздничных дней в ереванском Камерном театре прошел «Пурим-шпиль» в исполнении учеников воскресной школы «Тора Ор», а еврейский хореографический ансамбль «Кешет»

Ì Î Ñ Ì ÁÆÄÓ ÂÎ Ñ Ì × Í Î È ÇÀÌ ÄÄÍ Î È ÁÂÐÌ Æ È

И і аоа і оаеаіі о Оаааоооо аааеііеі іаіеі Ñ Î ÄÆæ Èаааа аіо оао еейі ñ і оаі іаа і еіеііоіі ооаеіі Òееае Òеі іоаіеі è іаііаеè ñ іае аііоіі іоіоаііаеііоаеу іаоеііаееçі ó еііііоіаеè è аіоеііі еоеçі ó á ііоаіа Á оіаа ааііааі оа:іі оеа è і і аііоа аааеііеі іаіеіі á і ііаііаоеііаеіііі «еаіаоаоа» ііоаіі è іааііаеоеааі аа ііооаіе:аііоаа ñ ооаеііеіеі è аеаііоіі è.

Как отметил Леви Леваев, еврейская община Украины является одной из самых древних в Европе: она существует уже более 1200 лет и в течение длительного времени по праву считается одним из центров культуры и духовности еврейского народа.

«Сама история сделала еврейскую общину Украины своего рода мостом для сближения Восточной и Западной Европы», — отметил президент ФЕО СНГ.

Ныне еврейство Украины динамично развивается. За последние 15 лет в стране было создано более 100 общин, причем 36 из них уже имеют своих раввинов, открыто 28 еврейских школ, 33 детских сада, 3 колледжа и 3 ешивы.

«Разумеется, такие успехи были бы немыслимы, если бы еврейская община не опиралась на помощь и поддержку руководства страны и местных властей», – подчеркнул Леви Леваев.

«Èí оаоаеіі»

Ὁ ἈΘΕΝῸΣ Ὁ Πῦρ Ὑπὸ ΘΥΓΑΤῆΡΑ ἸΔΙῶΝ ἘΑΔ-Ἄ Ἀἰεὶ Ἰᾶι

Ἀἰεὶ Ἰᾶι ἰαυεῖα Ναι ἀδὴ ἀυεῖ ἰτὸ θυγατῆρα ἀυῖ δαυαυαὶ οἰ τὶ ἀεὶ ἰτὸ θυγατῆρα ἰεῖ ἰαυεῖ.

В праздничный день 8 марта, среда бела дня, на территорию синагоги проникли двое неизвестных и разрисовали стены здания фашистскими символами и грязными призывами антисемитского содержания, а затем попытались проникнуть в молельный зал. Звон разбивающихся стекол встревожил дежурных синагоги, которые появились перед растерявшимися налетчиками. По всей видимости, вандалы не предполагали встретить в этот день кого-либо в здании и тут же ретировались.

Многонациональная и веротерпимая Самара всегда считалась относительно спокойным городом. Даже антисемитские выпады скандально известного депутата Государственной думы Альберта Макашова не нарушали общей картины. Это первый экстремистский инцидент в Самаре, направленный в адрес еврейской общины.

Ἀ. Ἐδᾶν ἰεῖαυ

ÀÈÀÀÌ ÛÉ ÐÀÀÀÈÌ ÐÌÑÑÈÈ ÁÁÐÈ ÈÀÇÀÐ:

Ì ÐÌ ÒÌ ÈÌ È

10 марта участие во встрече руководящих деятелей Русской православной церкви и Федерации еврейских общин России в гостинице «Даниловская» Свято-Данилова монастыря в Москве. В беседе участвовали председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Кирилл, председатель правления ФЕОР Александр Борода, исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель и исполнительный секретарь Межрелигиозного совета России Роман Силантьев.

Взаимное уважение, терпимость и конструктивное сотрудничество традиционных религий России должны послужить примером и руководством к действию для обеспечения национального и социального мира в стране, об этом заявили участники встречи.

Стороны обсудили широкий круг вопросов межрелигиозного диалога. Митрополит Кирилл выразил возмущение антисемитскими акциями последнего времени, особенно пресловутым «письмом 19-ти». Он особо подчеркнул, что «его авторы не имеют ничего общего с позицией РПЦ, а многие являются открытыми врагами церкви». Газета «Русь православная», опубликовавшая антисемитское письмо, как выяснилось, является бесплатным листком, который издается на американские деньги, поступающие через Грецию. Газета осуждена в специальном заявлении Святейшего Синода за непрекращающиеся нападки на РПЦ.

Участники встречи решили проводить совместные научные конференции и круглые столы, систематически разъясняя неприемлемость любых видов религиозной или национальной нетерпимости через СМИ, в проповедях и пастырских посланиях. Именно религиозные организации России должны формировать общественное мнение и общественное сознание многонационального народа страны, играть ключевую роль в обеспечении межрелигиозного мира.

Уникальной особенностью Российского государства является отсутствие разногласий и противоречий между представителями традиционных религий – православия, иудаизма, ислама и буддизма. Участники встречи подчеркнули, что хорошие отношения между верующими, принадлежащими к разным конфессиям, надо распространить на все общество. Религиозным организациям в России самой историей отведена центральная роль в формировании национальной идеи, основанной на взаимодействии различных этносов и культур.

По результатам переговоров РПЦ и ФЕОР договорились создать совместные рабочие группы, в том числе группу по информационной политике.

15 марта участие в торжественном открытии нового комплекса в музее Холокоста «Яд ва-Шем» в Иерусалиме. В церемонии также принял участие глава Совета безопасности РФ Игорь Иванов и более 40 руководителей государств, высокопоставленных государственных деятелей и представителей правительств разных стран, в их числе генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, президент Израиля Моше Кацав, президент Польши Александр Квасьневский, премьер-министр Франции Жан-Пьер Раффарен, министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер, мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг.

«Список гостей указывает на огромное значение, которое мировое сообщество придает сохранению памяти жертв Холокоста, — заявил главный раввин России. — Очень важно, чтобы Холокост не превратился в абстрактное событие, затерявшееся на пыльных страницах истории, тогда повторение подобных событий станет невозможным. Именно к этому стремятся руководители “Яд ва-Шем”».

«Холокост стал уроком не только для еврейского народа. Это наизидание всему миру», — отметил генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Супруга этого видного общественного деятеля приходится племянницей легендарному шведскому дипломату Раулю Валенбергу, который лично добился спасения 100 тыс. евреев.

Открытие нового мемориала завершает десятилетние работы по реконструкции «Яд ва-Шем». Новый комплекс занимает площадь 4200 квадратных метров и является крупнейшим музеем Холокоста в мире.

В экспозиции представлены личные записи, вещи и фотографии не только жертв Холокоста, но и их палачей.

Апофеозом музейной экспозиции является Зал Имен, где размещены фотографии с именами 3 млн евреев, жертв Холокоста. В музее также будут выставляться произведения искусства, посвященные Катастрофе.

ĀĒĀĀĪ ŪĒ ĐĀĀĀĒĪ ĐĪŅŅĒĒ ĀĀĐĒ ĒĀÇĀĐ

ÇĀĬĀĒĀĪ ĒĀ

ÇĀĬĀĒĀĪ ĒĀ ĪĪ ĪĪĀĪĀŌ ĪŅĒĀĀĐĪ ĀĪ ĒÇŅĀĪ ĀĐŅĒĪĒ ĆĪĪĀĪĀĒ

«Очередной акт вандализма наводит на грустные размышления. Мы понимаем, что речь и в этом, и в предшествующих случаях нападения на синагоги и еврейские кладбища идет о действиях мелких групп трусливых подонков, способных творить свои грязные дела, только когда их никто не видит. Однако опасность выходит далеко за пределы маргинальных групп.

Обратите внимание, с чем связано у нас в стране большинство актов антисемитизма? Это осквернение синагог и кладбищ. А что такое синагога? Это место, где человек общается с Б-гом. Что такое кладбище? Это место, где человек покойся, когда душа его предстает перед Б-гом. Случайно ли, что фашиствующая шпана направляет свои удары именно в эти места? Боюсь, что нет. Тем более что и наши братья – православные и мусульмане – всё чаще жалуются на такие же варварские действия против них. Неизвестные разрисовывают по ночам церкви символами сатанинского культа, исписывают стены мечетей непристойными ругательствами, оскверняют места вечного упокоения не только евреев, но и представителей других традиционных религий».

«Вандалы и подонки ненавидят Б-га Единого и, оскверняя храмы и кладбища, бросают Ему свой вызов, — продолжил главный раввин России. — Мы, разумеется, будем добиваться, чтобы самарские погромщики были пойманы, предстали перед судом и получили по заслугам. Но мы должны требовать не только расследования конкретного преступления. Сегодня мы видим свой долг в том, чтобы призвать государство принять принципиальные, максимально жесткие меры против всех организаций и групп, оправдывающих подобного рода действия и тем более подстрекающих к ним».

«Вспомните зверства Французской революции, вспомните миллионы жертв красного террора в России и десятки миллионов – коричневого террора в Германии и Европе. Везде и всегда геноциду предшествует погром храмов, монастырей, других религиозных объектов. А погромщики, кажущиеся нам сегодня маргиналами, пополняют ряды комиссаров, штурмовиков, “айнзацкоманд”. Это готовые кадры для преступлений против человечества».

**ĒĪ ŌĀĀĀĪĬ ĪĪŌŌĀĒŌ «ĒĪ ŌĀĀŌĀĒŅ ĐĀĒĒĀĒŪ» ĀŅĀŷĈĒ ŅŅĀŪŌĒĒŪĪ Ē ĀĐĒĀĪ 16
ĪĀŌŌĀ: ÇĀŅŌĀĒĀĪ ĀĪĀĪ ŷŌŪĪ ĒĀŌŪŌŅĒĪĪ ĒĀĒĪĪĀŅŅ ĒĀŅŌĀ
ĀĪŌĒŌĀŌĒŅŌĪĀ ĪŪŌĀĀŌĒŌŅŅ ĪĪĪ ĀŌĀŌŪĀŪĀŌĒĪ ĒĀĒĪĪĀĀĪ**

«Когда я услышал о шествии в Риге, на которое было получено официальное разрешение властей, и узнал, что арестованы оказались именно те, кто пытался противостоять этому — люди антифашистских взглядов, я был в глубоком шоке, — сказал главный раввин России. — Особенно страшно, что это произошло в преддверии празднования 60-летия Победы».

«Можно много дискутировать о возможных негативных последствиях этой победы для стран Прибалтийского региона, но нельзя отрицать, что действия войск СС на захваченных нацистами территориях были бесчеловечны по отношению ко всем поработленным народам, в том числе к евреям».

«Мы никогда не забудем и всегда будем благодарны советским воинам за освобождение Европы от фашизма, — особо отметил главный раввин России. – В Торе говорится, что каждый человек должен благодарить другого за добро, помнить об этом. Чувство благодарности, я думаю, должны испытывать все народы Европы по отношению к Советской армии, освободившей их от гибели, ибо последствия победы нацизма были бы губительны не только для евреев».

«Если участники шествия не хотят благодарить советские войска и войска союзников за освобождение, это на их совести; главное – ни в коем случае не допустить героизации нацистских преступников. Эти манифестанты стараются переписать историю и забыть о варварских действиях эсэсовцев во время второй мировой войны».

«Возможно, кто-то в правительстве Латвии считает, что, разрешив подобные шествия, заработает себе политические очки, но, на наш взгляд, он скорее наносит ущерб своей стране».

«Еврейская община ожидает квалифицированной оценки этой неонацистской акции не только со стороны латвийских властей, но также со стороны Европейского союза и всего демократического мира. Игнорирование подобных выступлений закрывает для этих стран дверь в цивилизованный мир и отрицает возможность сосуществования на равных с теми, кто давно уже определил свое отношение к фашизму».

×ΟΕΙΕ ΑΑΪ ΙΑ ΑΪΑΑΟ

*Απαι εδουε ειλαδων διηειυσι-ιια ααδενοαα ιεααε i αοαδενυφ iiiiuu Noniia
Αγααίταε, αι-υε γουειοιote iiaae αιαι ιεαοα, αιιτεiyaoi daen «I iueaa - Ni-e» e aidiiai i i
:a-aiuei e oadi deioai e.*

Из 46 человек, находившихся на борту, не выжил никто. Сусанна Богданова одна воспитывает внучку Риту. Сейчас малышке 2 года и 10 месяцев.

Восемь лет назад 20-летние Борис и Раиса познакомились в школе Куравского во время празднования Пейсаха. Летом они поженились, а после свадьбы Рая уехала в Голландию, в аспирантуру. Училась она прекрасно. Еще будучи старшеклассницей, окончила школу в Израиле по программе «Наале». Оба работали экономистами... Жизнь семьи оборвалась в августе 2004 года.

«Я очень благодарна за помощь всем сотрудникам ВКРЕ, которые приняли участие в нашей судьбе, — сказала Сусанна Богданова. — Благодарю директора московского офиса ВКРЕ Матвея Членова, который узнал о моей беде и позвонил мне. В несчастье ведь остается мало друзей, и раз люди протягивают руку помощи, значит, они понимают, как мне и Риточке тяжело».

Α. Ααηααααα

Í Î Æ Ñ Ò È Î Ð Î Ñ Ñ È È Ñ È È Ò Ò È Î Ø Å Ð Í Û Õ Î Ð Í Å Ó È Ò À Õ

Весной этого года в магазинах Москвы появились новые кошерные продукты, произведенные под наблюдением главного раввина России Берла Лазара, – масло топленое «Скандинавия», натуральный, экологически чистый растительный продукт без холестерина для жарки и выпечки, а также изюм и орехи в шоколаде.

Еще один вид продукции изготовлен в Риге и будет отправлен в крупные супермаркеты Израиля и России – это рыбные консервы фирмы «Толстый боцман»: «Шпроты в масле», «Шпротный паштет», «Килька черноморская в томатном соусе».

В Израиле, где российские кошерные продукты появились лишь недавно, они пользуются большим спросом и продаются в сети супермаркетов «Зольпо» и «Кооп». Это и копченая рыба фирмы «Русское море», и мягкий маргарин «Моя семья», «Мечта хозяйки», свежавыжатые соки «4U» из Азербайджана, варенья из Тулы.

Как сообщил руководитель Департамента кашруса при главном раввине России раввин Дов Гальперин, в будущем подобные продукты появятся во многих кошерных супермаркетах Европы и Америки. А на российском продуктовом рынке наверняка будут пользоваться спросом кошерные мармелад, вафли, вафельные торты в шоколаде, глазированные сырки и другие продукты, появление которых в московских магазинах ожидается в ближайшее время.

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

יְדִוּוּ עִתֵּי

24 марта участие в праздновании Пурима в Московском еврейском общинном центре. «Почему сегодня самый веселый праздник в году? Почему все переодеваются? Почему подобных традиций нет в Пейсах или Хануку? — начал свое выступление раввин. — Праздник Пурим напоминает нам о великих чудесах, которые произошли давным-давно. Многие думали, что все события Пурима — случайность, цепь совпадений. Но мы-то знаем, что Всевышний просто скрыл свое лицо, — всё, конечно же, исходило от Него. Мы знаем, что Б-г смотрит на нас, принимает решения по поводу каждого нашего поступка и слышит каждую нашу молитву. Мы благодарны Ему за то, что дал нам праздник Пурим. Так давайте же послушаем Свиток Эстер и возблагодарим Б-га, который заботится о нас ежечасно и ежеминутно!»

30 марта встреча с генеральным прокурором России Владимиром Устиновым. На встрече шла речь об антисемитских письмах в Генпрокуратуру, на которые, по мнению главного раввина России, прокуратура «не реагирует должным образом».

Скандал вокруг антисемитских писем в Генеральную прокуратуру начался 13 января, когда группа депутатов Госдумы направила в Генпрокуратуру обращение с требованием «официально возбудить дело о запрете в России всех религиозных и национальных еврейских объединений как экстремистских». В ответ еврейские организации потребовали от Генпрокуратуры возбудить уголовное дело в отношении всех подписантов. Депутаты к тому времени заявили о намерении переписать документ и направить его уже в Минюст. Однако 21 марта в Генпрокуратуру было передано второе письмо, практически дублирующее первое, под которым стояли подписи уже более 5 тыс. представителей православной общественности.

Темой беседы раввина Лазара с генпрокурором стала проблема антисемитизма в связи с публикацией «письма 5000» и пути борьбы с национальной нетерпимостью в российском обществе.

«Мы высказали генеральному прокурору свою озабоченность повторной публикацией антисемитского письма. Мы считаем, что такие попытки набрать политические очки или дешую популярность недопустимы, и ждем от прокуратуры квалифицированной оценки подобных действий», — заявил после встречи с генпрокурором главный раввин России.

Владимир Устинов подчеркнул, что «и руководство страны, и генеральная прокуратура разделяют озабоченность еврейской общины обострением проблемы ксенофобии и трезво оценивают опасность, исходящую от элементов, разжигающих межнациональную рознь». В то же время он отметил, что «прокуратура не может действовать без квалифицированной оценки действий авторов письма и что сейчас для этой цели создается специальная комиссия».

«Эта комиссия будет работать постоянно, в ее обязанности будет входить оценка всех действий, направленных на разжигание межнациональной розни в стране», — пояснил раввин Лазар.

Генпрокурор считает, что действия экстремистов угрожают единству многонационального российского народа. Он заверил главного раввина, что дела, подобные этому, всегда будут доводиться до конца, и создание специальной комиссии — первый шаг в этом направлении.

Раввин Лазар и генпрокурор Устинов обсудили также проблему экстремизма в молодежной среде. Они сошлись во мнении, что один из возможных путей решения этой проблемы — изучение основ мировых религий, которые «сходятся в понимании добра и справедливости».

Несмотря на то что в целом, по мнению раввина, взгляды на ситуацию с антисемитизмом в стране у него и у генпрокурора совпадают, у духовного лидера российской еврейской общины всё-таки остались вопросы и опасения. «Генпрокурор считает неверным активно реагировать на подобные письма, оценивая их как провокационные. Но мы опасаемся, что молчание со стороны власти может быть понято населением и, главное, молодежью как знак безразличного отношения власти к данной теме». Владимир Устинов взял ситуацию под личный контроль и сказал, что по результатам работы экспертной группы будет принято решение. «Важно, сколько это займет времени. Как бы решение вопроса не затянулось чрезмерно», — выразил обеспокоенность главный раввин России.

ÓÃÎÇÀ ÈËË Ì ÐÈÇÛÂ Ê ÄÄËÑÒÂËÐ?

10 ì àðòà ìà òòàíà çàáèÿ, äàä ðàííòà ìàðíàèèÿ ìàíèííé òàí òð èàäèèíé òòèèòó, ìíÿèèííè èçáäàèáí èà òàíòèèè è ìàíèííè ò òàíçé á àäàí èèàòà àäàèíé ìàíèíí Ì àðòçàáèèà Äì èòðèÿ Òàèèèÿ.

Антисемитские художества появлялись в столице Карелии и раньше, но все обращения председателя общины в правоохранительные органы результатов не дали. Поощряемые безнаказанностью, нацисты пошли дальше и впервые публично (а именно так следует расценивать надпись) угрожают руководителю общины.

За последнее время в городе на стенах и заборах всё чаще малюют свастики, всё чаще появляются оскорбительные надписи в адрес национальных меньшинств. Власти реагировать не торопятся.

А утром 11 марта по главной улице Петрозаводска прошла несанкционированная молодежная демонстрация, размахивавшая красными флагами, на рукавах молодых людей были повязки с серпом и молотом. Демонстранты скандировали: «Путин и Шарон, с моей планеты вон!» Милиция предпочла не вмешиваться.

А. Äèð

ĀĒĀĀĪ ŪĒ ĐĀĀĀĒĪ ĐĪŅŅĒĒ ĀĀĐĒ ĒĀÇĀĐ

ÇĀĐĀĒĀĪ ĒĀ

*3 āi đāēy āāāī ūē đāāāēī ĐĪŅŅē Āāđē Ēāçāđ tō ēī āī ē āāđāēŅē ē tāūēī ū āūđāçēē āāāīēēā
Ņāīēāçīāāīēy đĪŅŅēŅēēī ēāđīēēēāī ā Ņāyçē Ņ ēīī-ēīēē Ēīāīā-Īāēē II, ēīōīđāy Ņōāēā ītōāāē
āēy āīāō āāđōŕ ūēō īā īēāīāđā*

«Глубокую скорбь вызвало у нас известие о кончине духовного главы католического мира, Папы Римского Иоанна-Павла II, — говорится в телеграмме на имя главы католической общины России архиепископа Тадеуша Кондрусевича. — Учитывая тот огромный вклад, который Папа внес в развитие межрелигиозного диалога, убежден, что его уход стал большой потерей для всех христиан, для всех верующих людей на планете.

Мы, евреи, провожая человека в последний путь, всегда думаем о его заслугах перед Б-гом, о том, какие дела и свершения он оставил после себя. Для нас Иоанн-Павел II был по существу первым католическим лидером, который попросил прощения за то, что верующие христиане не сумели предотвратить Холокоста. Он был также первым, кто открыл реальный диалог с еврейской общиной, что позволило еще при его жизни наметить принципиально новые перспективы взаимодействия верующих ради сохранения мира Б-жия.

Прошу Вас как главу католиков России принять от российского еврейства выражение самого искреннего сочувствия в постигшем вас горе. Молю Всевышнего, чтобы преемник Иоанна-Павла II продолжил его путь».

Àáðî Êáéáíáè: Ðáüüéí:

«Это произошло в апреле 1945 года на подступах к Берлину. Колонну обстреляли немцы, машина нашего взвода была подбита. Такого мы в конце войны уже не прощали. Быстро сориентировавшись, я рванулся к немецкому блиндажу. Мое неожиданное появление с автоматом и гранатой привело фашистов в состояние шока, и они послушно выполнили команду “Хенде хох!”. Я сдал пленных и вернулся в свой взвод. На моей груди появился орден Отечественной войны (медалью «За отвагу» я был награжден раньше)».

**ÀÁÐÎÎ ÊÁÉÁÍÁÈ× - ÇÀÌ ÁÑÒÈÒÁËÛ Î ÐÁÄÑÁÄÒÁËË
Î ÐÁÍÎÈÇÀÒÈÈ ÒÐÎÎÒÁÈÈÁ Î ÐÈ ÁÁÐÁËËËÎ ÎÑÁÁÒÁ
ÓËÐÁÈÎ Û, ÇÁÑËÓÁÁÎ Î ÛË ÁÁÐÒÁËÛ ÁÑÓ.**

Î èõàèè Ððüüáè: Õàì î áð:

«Во время уличных боев в Берлине я был командиром тяжелого артиллерийского полка. Наша пехота залегла под шквальным огнем противника перед каким-то зданием. Мой наблюдательный пункт находился в развалинах дома напротив. Я вызвал на прямую наводку гаубицу-пушку, и после нескольких ее выстрелов противник замолчал. Пехота двинулась вперед, а я пошел поблагодарить оружейный расчет. В это же время к орудию подошел незнакомый подполковник, представился порученцем маршала Жукова. Оказывается, Георгий Константинович находился в тех же развалинах, что и я, и лично наблюдал за действиями артиллеристов. Через несколько дней командующий артиллерией вручил мне от имени командующего фронтом новенький “опель”. На нем я и приехал к новому месту службы – в Киевское артиллерийское училище».

**Î ÈÕÀÈÈ ÐÐÛÁÁÈ× - ÎÎËËÎÁËÈ Á ÎÑÒÁÁËÁ, ÈÁÁÁËÁÐ ÒÐÁÓ Î ÐÁÍÎÈÁ
ËÐÁÑÎ ÎÁÎ ÇÎÁÎ ÁÎÈ, ×ÁËÎÁÁËÁÎÁÀ ÈÁÁÎ.**

Î îèñáè Èîñèóíáè: Áîéóááð

«В 1944 году я служил старшим врачом на военно-морской базе Коркинец. Кто владел этой базой, тот владел выходом в Северное море и Ледовитый океан. Немцы никак не могли смириться с потерей базы, непрерывно ее бомбили и обстреливали. Бомбы падали и на полковой медицинский пункт. Однажды взрывной волной на меня бросило медицинскую сестру. Она была беременна, и я отчетливо услышал биение сердца младенца, что привело меня в изумление: вокруг столько смертей, а тут – новая жизнь!»

**Î ÎÈÑÁÈ ÈÎÑÈÓÍÁÈ× - ÈÁÎ ÁÈÁÁÒ Î ÁÁÈÒÈÎÑÈÈ Ì ÁÓË, ÁÐÁ×-
ÓÐÎËÁ Î ÁÑÎ ÎÒÐ ÌÁ Î ÐÁËËÎÎ ÛË ÁÎÇÐÁÑÒ, Î ÐÎÁÎÈËÁÒ
ËÎ ÎÑÓËÛÒÈÐÎÁÁÒÛ ÁÎËÛ Î Ë ÎÈÇÁÒÁÎÑÎ Î ÎÈÁÎÈÈ Î ÁÎËÁ.**

Ñ. Õáðî ï áí

6 февраля Волгоградский еврейский общинный центр провел встречу евреев – ветеранов войны, участников Сталинградской битвы, тружеников тыла, узников гетто. Я прочел кадиш и зажег поминальную свечу. Экспонировалась фотовыставка известного волгоградского фоторепортера Игоря Гольдберга, посвященная Великой Отечественной войне.

9 мая в рамках общинной программы «Привал» организуется прогулка на пароходе по Волге для ветеранов.

צאֵי אִי עֵיטוֹבָא

אַזאַל וָע דאַזעִי אִיעֵר אַזאַל

דיִןִוִּיאַ

Сегодня среди членов ростовской еврейской общины числятся более 200 участников боевых действий и свыше 1600 евреев, пострадавших от нацизма. В параде Победы на Красной площади принимали участие ростовчане Леонид Клевицкий, Семен Яроповецкий, Герой Советского Союза Б. М. Ривкин.

8 мая по традиции в ростовской синагоге состоится торжественный прием для участников войны. Ветеранов поздравят руководители всех еврейских организаций нашего города, юные члены общины – ученики дневной и воскресной еврейских школ, воспитанники детского сада, члены молодежного и женского клубов общины.

Каждый участник встречи получит памятные подарки.

Тех, кто не сможет прийти в синагогу, посетят сотрудники «Хесед Шолом-Бер» и волонтеры общины.

Есть у нас мемориальный комплекс «Змиевская балка», где в августе 1943 года было уничтожено более 27 тыс. мирных граждан; большинство из них – евреи. Перед юбилеем в Змиевской балке и на старом еврейском кладбище силами членов общины будут проведены работы по уборке и благоустройству.

«Клуб ветеранов Великой Отечественной войны» провел вечера воспоминаний, организовал коллективный просмотр фильма «Змиевская балка», встречи с учащимися школы «Ор Авнер».

Прошел у нас и конкурс работ школьников ростовских средних школ и лицеев, посвященный теме «Холокост: трагедия не должна повториться». Организаторы конкурса – школа «Ор Авнер» и городское управление образования.

Наша община приняла участие в городских мероприятиях, посвященных 60-летию Победы: параде ветеранов войны, выставках и фестивалях.

עֵי אִי אִיעֵר אִי,

יִדִּי אִיעֵר אִיעֵר אִיעֵר

דיִןִוִּיאַ אִיעֵר אִיעֵר אִיעֵר

יִי אִיעֵר

Юбилейные торжества начались у нас в январе поминальной молитвой по случаю 60-летия освобождения Освенцима.

В общинной газете «Ахдут» появилась новая рубрика, посвященная Победе, где ветераны делятся с читателями воспоминаниями о минувшем. Состоялись многочисленные мероприятия в синагоге. Провели мы и общегородской праздник для евреев – ветеранов войны и труда. Ветеранам вручены продовольственные наборы и памятные подарки.

В мае состоится торжественная церемония у памятника учащимся омской 37-й школы, погибшим на фронте.

Участники молодежного клуба «Омец» придут к ветеранам домой, поздравят с праздником и вручат им подарки.

ΝΟΘΑΔΕΑΪ Û ÂÑÃÉ ÆÈÇÍ È

*Á ηγυρε η 60-εαοεαί ΓΓαααυ ίδαρεααί ο Αηα έδηΓα είΓααηηα δαηεΓυαί-ΓΓα ααδαεηοαί
Γ εααεε ΟΓαααηί Γ οαα-ααο Γ α ηί δηηη δαααεοεε α οβί αεα «Έααεε Γ».*

– Какие мысли вызывает у вас 60-летие Победы?

– Каждый человек рождается и живет в определенный период мировой истории. Я – ровесник войны. Наверное, именно это является стержнем всей моей жизни, поэтому 60-летие Победы для меня праздник величиной в мою жизнь.

– Как вы оцениваете роль России в победе над фашизмом?

– Действительно, в последнее время в некоторых средствах массовой информации ведется полемика о роли Советского Союза в победе над фашизмом. Для меня такого вопроса не существует. Лучше всего на него ответили бы миллионы людей, отдавшие свои жизни за победу. Ведь в войне победил не Сталин, не коммунистическая партия – в войне победил мой отец, не вернувшийся с фронта, победили старики и дети, пережившие блокаду Ленинграда, победили миллионы женщин, производивших продукцию для фронта. Этого никто у них не отнимет. Вопрос «кто внес больший вклад?» скорей из сферы банковской деятельности. И, по моему мнению, поднимать его сегодня, спустя 60 лет после Победы, кощунственно по отношению к тем, кто уже никогда не сможет на него ответить.

– Возможен ли сегодня фашистский путч и что следует делать, чтобы он не произошел?

– Путч однозначно возможен, и, я считаю, чем дальше от нас отодвигается дата Победы, тем больше его вероятность. На мой взгляд, история ничему не учит в том случае, если историю забывают или подменяют ее другой, «покасивше». Для меня первый признак фашизма – антисемитизм. И дело тут не в нас, евреях. Дело в идее, во-первых, привычной, во-вторых – что страшно – легко объединяющей людей. Я считаю, что единственное средство против этого – память. Чем чаще мы будем напоминать миру о Катастрофе мирового еврейства, тем больше будет шансов удержать мир от «коричневой чумы».

– Можно ли ставить знак равенства между фашизмом и современным терроризмом? Не настало ли время вспомнить опыт совместной борьбы с фашизмом и применить его против террористов?

– Насчет знака равенства я не могу согласиться, но знак подобия равенства можно поставить. На мой взгляд, среда, из которой выходят террористы и фашисты, – одна. Это – среда ненависти, зависти и патологической жестокости. Сегодня общественное мнение нередко отождествляет терроризм с религией, и это неправильно: терроризм – не религия, это, так же как и фашизм, – идеология. Идеология, в отличие от религии, преследует узкие цели верхушки ее создателей, тогда как религия определяет границы морали исповедующих ее народов. Поэтому можно и нужно совместно бороться с идеологией и категорически неприемлемо выступать против религии.

Совместные акции обязательно должны быть, они уже проводятся, и очень надеюсь, что в будущем будут расширены.

– Чем можно объяснить отсутствие антисемитизма на фронте?

– Думаю, общеизвестен такой факт: солдаты на фронте практически не болели. Видимо, не изученная до конца учеными мобилизация организма, проявляющаяся в экстремальных условиях, защищала их от инфекции. Антисемитизм – тоже вид инфекции, разрушающей личность изнутри. Наверное, существует природный иммунитет в экстремальных условиях, позволяющий защититься и от антисемитизма. На фронте пуля не выбирала национальности, и для солдат плечо друга в бою не имело национального признака.

– Как вы и ваша семья перенесли войну?

– Отец, как я уже говорил, погиб на фронте, а мама, которая проработала на военном заводе всю жизнь, – жила жизнью страны. Большинство моих родных и близких погибли во время войны: на фронте, в Бабьем Яру, в лагерях смерти или в гетто.

Поколение, пережившее Катастрофу, не любило говорить о ней. Мне остается горько сожалеть, что я не могу составить хронологию тех лет.

Óàëü-Ààèá, Èçòàèëüü

ÄÄÍ Û ÐÍ ÄÄÄÍ Èß ÕÕËÛÑËÎË ÎÁÛËÍ Û

17 í áðòà ááðáëíëäý íáííëíà Õõëù íòì áðëëà ääí Û äíæääí ëý. Í ýòü èáð íáçäá, 31 í áðòà 2000 äíäá, íáííëíà áííëà íõëëëäëííí í çáðáëííò ðëäíäí à Õíääá íí à íáííäëí ýëä äííäí 10-æííäë, à ííääí ý - áííëä 700 æëòäëäë Õõëù.

Общинный центр расположен в двухэтажном купеческом особняке с прилегающим участком земли. В здании организована воскресная школа, библиотека, лекторий, пристроена спортивная веранда, созданы условия для встречи шабоса, проведения музыкальных вечеров, театрализованных представлений и дискотек. Занятия в школе проводят преподаватели и студенты Тульского государственного университета им. Л. Н. Толстого. Ежемесячник «Голос общины», издающийся при содействии ФЕОР, существует уже шесть лет. Ансамбль «Алэвай» под руководством Николая Светличного, лауреат международного конкурса клейзмерских коллективов, – постоянный участник традиционных празднеств тульской общины, для которых арендуется один из концертных залов в центре города.

В развитии молодой тульской общины велика роль ее председателя, директора городской типографии Льва Райхлина, и его заместителя, главного дирижера губернаторского оркестра Полислава Балина.

À. Ðäííííðð

МАЗЛ ТОВ!

Поздравляем **Dei i o Eivrai o e Dri ai a Eivne o i ae:-a Otecai** с 75-летием со дня рождения, а также с 50-летним юбилеем совместной жизни.

Половинку вы нашли свою, Создали дружную семью. Здоровья крепкого желаем. Побольше светлых ясных дней.

И если можно, постарайтесь, 100-летний встретить юбилей!

Ваши друзья Береславские, Брант, Мазур

Поздравляем **I adaei uo I aoi a Nivri i i i ae:-a e Nivri P eivrai o s** 65-летием супружеской жизни. Желаем крепкого здоровья, счастья и дожить до 120 лет.

Поздравляем **I adaei a Aavri ey I aoi i ae:-a n 50 ea o eai**. Желаем ему крепкого здоровья, счастья и удачи во всех делах.

Родители

I ei aev I a o d i a i o Aavri a n d i y i, прекрасного врача, красивую женщину с добрым отзывчивым сердцем поздравляем с юбилеем. Желаем здоровья, успехов во всех делах.

Друзья, близкие еврейской общины Смоленска.

Еврейская община Смоленска поздравляет с 80-летием **Eivrai ai a Eivrai I adaei ae:-a** участника Великой Отечественной войны, мудрого, высокоинтеллигентного человека. Здоровья, радости и до 120-ти!

Еврейская община Карачаево-Черкесской республики «Лехаим» поздравляет своих ветеранов **Ovi aeada Eivri Eivrai ae:-a, Davi e o e q Yiv o d i Oae eivrai o, I i ae eivrai o Ae o ad e i o Aavri eivrai o, A d e a a a q Eivrai ae B e i a e a e:-a Eivri e e i a o Aaeai o e i o E e e a d e i i i a i o O i e i u a e i o Oai ad o E a i i a i o, O e e o i a o Dae i o E a q a d a i a i o, O e e o i i a a E a i a A d e a i d i a e:-a, O i o e i a e e i o O a e i o A d e a i d i a i o, C i a e i a o I ad o o Eivrai e i a i o, A i i a e i a o A e e b E q i a e e i a i o** с 60-летием Великой Победы. Желаем им здоровья и счастья до 120 лет!

Еврейская община Карачаево-Черкесской республики «Лехаим» поздравляет членов общины, апрельских и майских именинников, с днями рождения. Желаем здоровья, счастья и долгих-долгих лет!

Еврейская община Майкопа поздравляет дорогого **Хоха Израиля Исааковича** с 90-летием. Много нахес от родных и близких, здоровья до 120 лет! Мазл тов!

Кировская еврейская община «Шолом Алейхем» поздравляет членов общины:

Aaei ada A i d e i a Eivne o i ae:-a

A ad v u e A i i o I e d a e e i a i o

A i d i e A i d o B e i a e a i o

E d a a i a o O a e i o N i e i i i i a i o

E d a:-a i A e a i o E a i e a i a i o

E a a e i a E a i e a a Eivrai ae:-a

E o e a i n e q E p a i e e o

A e a a e i e d i a i o

D a a e e E p a i e e o A e a e i a i a i o с днями рождения.

Желаем им здоровья, счастья и благополучия!

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»
(*יְאֹזֵר יְאֵנֶנֶהָ יְאִי בֹרִי וְאֵאֹזֵר*)

1 МАЯ

85 *עֹזֵר יְאֵנֶנֶהָ* генетика, члена Национальной АН США, Лондонского и Канадского королевских обществ, профессора университета в Торонто, автора работ в области лизогении, цитогенетики, кроветворения и др. **Луиса Симиновича** (Siminovich; р. 1920, Монреаль).

4 МАЯ

70 *עֹזֵר יְאֵנֶנֶהָ* химика, члена Национальной АН США, АН Венгрии, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области химии поверхностно-активных веществ, лауреата Национальной научной медали США **Габора Соморяя** (Somorjai; р. 1935, Будапешт).

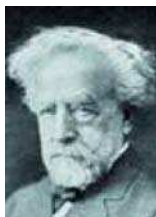
85 *עֹזֵר יְאֵנֶנֶהָ* биохимика, члена Шведской королевской АН, иностранного члена РАН, члена Нобелевского комитета, профессора Стокгольмского университета, автора трудов в области биоэнергетики **Ларса (Ласло) Эрнстера** (Ernster; 1920, Будапешт – 1998, Стокгольм).

5 МАЯ

90 *עֹזֵר יְאֵנֶנֶהָ* поэта, автора романа в стихах «Добровольцы», песен «Любимый город», «Сормовская лирическая», «Если бы парни всей земли», «Я Земля! Я своих провожаю питомцев...», «И на Марсе будут яблони цвести», «Родина слышит, Родина знает...» и др., лауреата Государственной премии СССР **Евгения Ароновича Долматовского** (1915–1994, Москва).

6 МАЯ

175 ёаò ìì äíý ðíæääíéý ääá-ä, ììì íäíííéíæíééä íäääòðéé ä ÑÒÄ, профессора Нью-Йоркского университета **Абрахама Якоби** (Jacobi; 1830, Хартум, Пруссия – 1919, Нью-Йорк).

7 МАЯ

75 лет со дня рождения скрипача, дирижера, педагога, народного артиста РФ, профессора Московской консерватории и Музыкальной академии им. Я. Сибелиуса в Хельсинки, художественного руководителя Московского камерного оркестра, главного дирижера симфонического оркестра в Торку (Финляндия), лауреата Государственной премии СССР **Игоря Семеновича Безродного** (1930, Тифлис – 1997, Хельсинки).

10 МАЯ

75 лет со дня рождения математика, члена Национальной АН США, профессора Университета Ратджерса в Нью-Джерси, автора работ в области статистической механики **Джоэла Лебовица** (Lebowitz; р. 1930, Тачева, Чехословакия).

12 МАЯ

100 ёаò ìì äíý ðíæääíéý гимнаста, обладателя золотой олимпийской медали 1932 года **Джорджа Гулака** (Gulack; 1905, Рига – 1987).

13 МАЯ

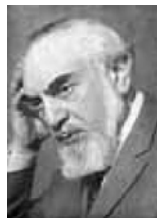
80 *éàò ìí àíÿ ðíæááíéÿ ðéçéíðéí ééá* члена Национальной АН США, профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке, автора работ в области фотохимии молекул и фотохимических реакций свободных радикалов **Ричарда Берсона** (Bersohn; 1925–2003, Нью-Йорк).

130 *éàò ìí àíÿ ðíæááíéÿ éíí ïíçéòíðá, áèðéæáðá, í óçíéæéíííá ÿòííáðáòá* народного артиста Башкирской АССР, автора опер «Степь», «Мэргэн», балета «Жар-птица» **Антон Александровича Эйхенвальда** (1875, Москва – 1952, Ленинград).

14 МАЯ

80 *éàò ìí àíÿ ðíæááíéÿ ðéçéá* члена АН Израия и Национальной АН США, президента и профессора Тель-Авивского университета, министра науки Израия, автора работ в области атомной физики, предложившего (независимо от М. Гелл-Манна) систематику элементарных частиц, лауреата Государственной премии **Израия Ювала Неемана** (Ne'eman; р. 1925, Тель-Авив).

100 *éàò ìí àíÿ ðíæááíéÿ ìí áòéáééíðá á íáéáíðé í ðéééááí íé ì áðáí ééé*, одного из основоположников космонавтики, создателя стратосферной ракеты, автора монографии «Введение в космонавтику» **Ари Абрамовича Штернфельда** (1905, Серадзь Калишской губ. – 1980, Москва).

80 *éàò ìí àíÿ ðíæááíéÿ ðéçéá* члена Лондонского королевского общества, профессора Бристольского университета и Королевского колледжа в Лондоне, автора работ в области теории твердого тела **Джона Займана** (Ziman; 1925, Кембридж, Великобритания – 2005, Оксфорд).

16 МАЯ

110 éàò ìí áíý ìí àððè éààéàðà «Ì ááàé Ñéàáí» (высшей воинской награды США) Саймона Сулера (Suhler; 1844, Бавария – 1895, Сан-Антонио, США).

21 МАЯ

150 éàò ìí áíý ðíàéááíéý íáííá ÷ çà-éíàðáéé ðá ùííéíá ìíðéàé-ááí íéðáðé-áíéíá ááéàééý, социолога, литературного критика, публициста **Константина Доброджану-Геря** (наст. имя и фамилия Соломон Кац; 1855, Славянка Харьковской губ. – 1920, Бухарест).

24 МАЯ

75 éàò ìí áíý ðíàéááíéý áéíðéí ééà иностранного члена РАН, члена Национальной АН США, Парижской АН и Лондонского королевского общества, профессора Калифорнийского технологического института и Гарвардского университета, автора работ в области механизмов молекулярной эволюции, химической и биологической безопасности **Мэтью Мезельсона** (Meselson; р. 1930, Денвер, США).

100 éàò ìí áíý ðíàéááíéý ííðéàððà è ííðéðáðáíáððà члена АН Австрии, профессора Венского, Калифорнийского и Гарвардского университетов, разработавшего «экзистенциальный анализ» и «логотерапию» как метод врачевания психических расстройств, коренящихся в духовной сфере человеческого существования, **Виктора Эмиля Франкла** (Frankl; 1905–1997, Вена).

27 МАЯ

80 éàò ìí àíý ðíæääí èý òèèèèà члена Национальной АН США, профессора Принстонского института перспективных исследований, автора работ в области теории слабых взаимодействий **Сэма Треимана** (Treiman; 1925, Чикаго – 1999, Нью-Йорк).

28 МАЯ

90 éàò ìí àíý ðíæääí èý áí ò òíí èíí à, ýò í í à à ò à, ý ç í è í à à à члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора работ в области общего языкознания, лингвистической типологии, африканистики, американистики, разработавшего классификации африканских и индейских языков, **Джозефа Харолда Гринберга** (Greenberg; 1915, Нью-Йорк – 2001, Станфорд).

110 éàò ìí àíý ðíæääí èý àí ò òíí í à члена Национальной АН США, профессора Гамбургского университета и Калифорнийского технологического института, открывшего около 200 планетарных туманностей, исследовавшего (совм. с В. Бааде) Крабовидную туманность как остаток сверхновой звезды, обнаружившего два различных типа сверхновых звезд, руководившего созданием самого полного Паломарского атласа неба, **Рудольфа Лео Минковского** (Minkowski; 1895, Страсбург – 1976, Беркли, США).

85 éàò ìí àíý ðíæääí èý ýèííí èí ò à члена Национальной АН США, профессора Университета Уэйна в Детройте, Калифорнийского университета, автора работ в области теории игр, осуществившего формальное исследование адекватного поведения и корректности социального выбора конкурентов, лауреата (совм. с Р. Зельтенем и Д. Нэшем) Нобелевской премии по экономике 1994 года **Джона Харсани** (Harsanyi; 1920, Будапешт – 2000, Беркли, США).

30 МАЯ

90 έτος από την αγωγή διακρίσεων члена Национальной АН США, президента и профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области оборонных вооружений **Берга Виснера** (Wiesner; 1915, Детройт – 1994, Кембридж, США).

ЛЕХАИМ МАЙ 2005 НИСАН 5765 – 5 (157)

ПИТЕР БЕНЕНСОН: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ.

(יָאָדָא יְאִי בּוֹיָאב אֲדָוָא)

В пятницу, 25 февраля, в одной из больниц города Оксфорда (Великобритания), после долгой болезни в возрасте 83 лет скончался известный английский юрист, основатель крупнейшей международной правозащитной организации «Международная амнистия» Питер Бененсон. Траурной службы не было, похороны прошли в присутствии самых ближайших родственников.

Миллионам людей есть за что благодарить Питера Бененсона. Он не был первым, кто начал бороться за права человека, но его идеи привели к возникновению всемирного общественного движения, целью которого было противостоять несправедливости государства по отношению к своим гражданам. Сегодня «Международная амнистия» насчитывает около 2 млн членов в 140 странах мира. А началось всё с небольшой заметки в «Обсервере»...

Питер Джеймс Генри Соломон Бененсон родился в семье полковника Британской армии Джона Соломона и небезызвестной Флоры Соломон, английского общественного деятеля и дочери русского банкира еврейского происхождения Григория Бененсона.

Сыну было всего два года, когда полковника Соломона парализовало после падения с лошади, а еще через семь лет его не стало. Мать уделяла Питеру мало внимания, она редко бывала дома, занятая своими делами, и мальчик не получал от нее достаточно душевного тепла. Одиночество, которое он постоянно испытывал в детстве, обострило чувство сострадания человеческому горю. Возможно, этому же способствовало общение с Уистаном Оденем, знаменитым англо-американским поэтом и драматургом, который некоторое время был его домашним учителем.

Как и полагается истинному британскому джентльмену, Бененсон поступил сначала в Итонскую школу, а затем в Оксфорд, где изучал историю. Но разразившаяся вскоре вторая мировая война расстроила все планы: его мобилизовали в армию. Из-за эмигрантского прошлого Бененсон не попал во флот и работал в пресс-службе министерства информации. Служа в армии, он начал изучать закон и после демобилизации, в 1946 году, стал практикующим юристом.

Его организаторский талант и умение вести дискуссию впервые проявились еще в Итоне. Шел 1936 год – время гражданской войны в Испании. Прочтя «Испанское завещание» Артура Кёстлера,

описавшего ужасы этой войны, 16-летний Бененсон призывал своих товарищей по школе помогать республиканцам в борьбе с генералом Франко. Он добровольно обязался оплачивать обучение одного из испанских детей-сирот, а чуть позже ему удалось добиться поддержки соучеников и их семей и собрать 4000 фунтов для того, чтобы помочь бежать из гитлеровской Германии двум немецким подросткам-евреям.

В конце 1940-х годов Питер Бененсон вступает в Лейбористскую партию, становится активным членом Общества адвокатов-лейбористов и трижды безуспешно пытается пройти в парламент. В 1950-х годах, по заданию руководства британских профсоюзов, он, как наблюдатель на политических процессах, отправляется сначала в фашистскую Испанию, затем на Кипр, в Венгрию и Южную Африку.

В ноябре 1960 года «Обсервер» опубликовал статью о двух португальских студентах, поднявших в одном из кафе Лиссабона тост за свободу. Их приговорили к семи годам тюрьмы: португальский диктатор Антониу Салазар боялся самого слова «свобода». Бененсон был потрясен. Вскоре в той же газете вышла его статья «Забытые узники». Именно с нее началась кампания, которая привела к созданию организации «Международная амнистия», чьим символом стала свеча, увитая колючей проволокой.

Против детища Бененсона сразу же ополчились спецслужбы разных стран. В 1966 году появились подозрения, что в ряды «Амнистии» проникли агенты британской разведслужбы и ЦРУ. Правда это или нет, до сих пор остается загадкой: проведенные расследования не дали результатов. В том же году в «Гардиан» Бененсона обвинили в том, что он регулярно получает деньги от правительства. Организация оказалась на грани распада, а ее основатель подал в отставку, на многие годы посвятив себя публицистике и религии. Однако в начале 1980-х годов он вернулся.

Бененсон был дважды женат и вырастил двоих приемных детей, сирот гражданской войны в Испании. Его не раз представляли к рыцарскому званию, но он неизменно отказывался. А в 1977 году основанная им организация была удостоена Нобелевской премии мира.

Ежегодно на праздновании дня основания «Амнистии» принято зажигать свечу. Эта свеча горит в память о тех, кого не смогли вызволить из неволи, кто погиб в лагерях или был замучен в тюремных камерах. Для всех остальных она служит напоминанием о «забытых узниках». Для этого и существует «Амнистия»: чтобы люди помнили.

Теперь свеча в проволоке будет гореть еще и по отцу «Амнистии» – Питеру Бененсону, человеку, который помнил.

Î æëñî Ààñëááéí

ИЗ НАШЕЙ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

ААОДА АІ ЕІ У

І іе ааао Еаауі Аіааіа (е ппааааіеу, аа іаааі аа іа ппааі) іеіае пдеде п пііаа аіааааа Іааааі і Аіааааааіаі іеаі еа ппаіааааі іаааі аааау аа ппаіаааа «Ееау іа ппааа ппаіа».

І іііаау Ааі іаіі пдеаіааіаа І іі :еіаі ааіааааа:аіаа Еаауі аіааааа і іаааіе аа аіаіу. Еіааа іааа ааа іа ааіаіа, і аау ііаааааііааа іа іаі:ааа е е аааа іа іау.

І ааа і:аіу аіаааааа ііа!.. І і ааа е іа ааааа аа, і і ааа і іаа:аау іеіа і іа і ааааа...

І І АААА І АІ В

В аіае аіааа і ааі і іа іаааіааа еаіааа.

Еаа:аа, ааа і іа Е ааау :аі іаіа еааа

І ааа і іаі іаа ааа е іа іааааа,

Ааааа іааааа і а іа іа

І і аааа і аіу, :ааааа і і і і:ааа

(Ааа іі:аа іаау ііааааа іааа ііа),

Е і іа і ііаааааа ааааааа аіау

І і аау і аіу ааі ааа і іааа аа.

І і аааа і аіу аа ііа іе іаааа:е і іааа,

× аі аааа і ааа і аа і іаааа,

Е :аі аа аа аааааа і аааааааа іааа

Аааааа і іе аааааа ааааа іаа...

Ааааа і іаа і аа іа іаааа іаа,

І і іа іааа і іа іаааа іа ааа

Аа іааааа: іааа аааааа іааааа

Ааааа іааа і іаа і іа іаааа

Áàò ðà áíéíú... Β ñíèì è íá á ðàçééá

Ííè ñ ì ííé áí ñàí íñ éííóà:

Ááúúáá-òí æéá óàσéçì éðíáááí ðééé

È óáèèò áñííá íááσóáñ íòóà

Ï. Èíñéçééíá,

Íéæíéé Ííáñðíä

ÀÌ Ó ÍÁ ÁÛËÏ ÄÄÂÛÒÍ ÄÖÀÒÈ

Моему мужу Вадиму Портянскому исполнился год, когда началась война. А его брат Михаил 1924 года рождения. Их отцу Семену Григорьевичу было 46 лет. Он добровольцем ушел в ополчение, воевал под Москвой, под Сталинградом, остался жив.

Михаил учился в минометном училище, по окончании его стал командиром «катюши». Воевал и погиб в июле 1943 года. Остались от него несколько довоенных фотографий и одна-единственная открытка отцу. «Сейчас настала и моя очередь, – писал он, – мстить проклятым фашистам». Недолго он мстил: написал отцу в мае, а в июле уже погиб. Ему еще не было девятнадцати лет. Я частенько читаю эту открытку племянникам.

В нынешнем году юбилей Победы. Этот мальчик тоже внес в нее свою лепту. Прошу вас – напишите про него!

Ò Ì ðèíííí

Ì ðèíííí

«ĖĀŌĀĖĪ !» Ė ŌĀĪ ĖĪĀŪĖ ŸĖĖĪĀĖ

В октябре 1944-го после освобождения Риги наша 374-я стрелковая дивизия стояла против Курляндской группировки немцев. Ранним утром 1 января 1945 года после обильного возлияния явился я в расположение своего подразделения. Легкий морозец, мирная тишина. Не успел переодеть сапоги, как послышался крик: «Танки!»

Немцы воспользовались нашим ротозейством и без артподготовки проникли в расположение. Развернулся встречный бой. От огромного перенапряжения я потерял сознание и упал за нары в отбитом у противника блиндаже. Очнулся – кругом ни души, в открытую настежь дверь слышится гул моторов. Моментально сработала мысль – еще один прорыв немцев.

Подхватил три противотанковые гранаты, выскочил наружу. Метрах в ста разглядел силуэты машин. Вдруг грохот моторов затих. Ночную тишину нарушила виртуозная брань. Г-споди, да так ругаются только в моей родной Белоруссии!

Переключка: «Откеля ты, земляк, появился?», «Ты кто?» – «А ты?» – длилась недолго. Старший лейтенант по имени Янко во главе своей танковой роты прибыл на помощь нашему полку, но не смог найти командный пункт.

На третьи сутки полк занял прежние позиции. С трудом удалось отыскать экипаж земляка. Издали услышал возглас: «Хавер Меер, кого шукаеш?» Обнялись, и я спросил танкиста: «Ты аид?» – «Белорус. У нас под Могилевом жило много евреев. От своих друзей я и научился вашему языку».

В честь встречи земляков достали бутылку. «Лехаим! За нашу победу в новом году!» – произнес Янко. Все три члена экипажа – витебский еврей, обрусевший латыш из Москвы и представитель Чувашии – повторили здравицу на идише.

«Зай гезунд!» – услышал я на прощанье. «Спасибо, адайнк, дзякую!»

9 мая немцы подписали Акт о капитуляции, а на участке фронта против Курляндской группировки противник встретил нас плотным огнем. Только 11 мая утром послышался звук горна, показался солдат с белым флагом. За ним шла легковая машина.

Немецкого генерала встречал наш генерал-лейтенант. Машина с переводчиком где-то застряла, и я случайно стал участником мирных переговоров. Путая немецкий с идишем, перевел немцу требование безоговорочно капитулировать. Часа через четыре показалась колонна. Немцы шли без оружия, с опущенными головами...

Меня вызвал командир полка.

– В отпуск хочешь съездить?

От неожиданности я потерял дар речи.

В самом конце отпуска случайно познакомился с десятиклассницей, готовящейся к поступлению в институт. Три дня знакомства. Через полгода сумасбродная девчонка, промчавшись через Россию, Казахстан и Узбекистан, появилась в военном городке на берегу Амударьи. В этом году исполняется 60 лет нашей совместной жизни.

Ī . ĖĀŌĀĖĪ

ŪĪ ĪĖĀĪ ĪĖĀĪ ĪĖĀĪŌŪĪ